

Том 6, № 4
2009

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

Г.В. Иванченко

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

Отв. секретарь *Е.М. Лантева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректура *Н.С. Самбу*

Переводы на английский

С.С. Беловой

Компьютерная верстка

Е.А. Валуевой

Адрес издателя и распространителя:

249038, г. Обнинск, ул. Комарова, 6.

Тел. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только

по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2009 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

В.М. Розин. Психология: иллюзии
идентификации и самоопределения 3

Теоретико-эмпирические исследования

М.В. Алфимова, В.Е. Голиббет, М.С. Егорова.
Личностные черты, управляющие функции и
генетические особенности метаболизма
моноаминов 24

Специальная тема выпуска:

Юбилей В.Д. Шадрикова

Вступительное слово 42

Интервью с В.Д. Шадриковым 43

Л.В. Черемошкина. К 70-летию Владимира
Дмитриевича Шадрикова 46

Н.П. Воронин. Другу и учителю 51

А.В. Карпов. Учитель и школа 53

А.Ф. Киселев. Впереди еще много свершений . . 58

Е.Б. Старовойтенко. Встреча
с индивидуальностью 60

Статистические методы в психологии

С.В. Сивуха, А.А. Козяк. О реформе
статистического вывода в психологии 66

Короткие сообщения

А.А. Сакбаев. Выбор скриптов поведения в
процессе категоризации
социальных объектов 87

Е.В. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет.
Объективные и субъективные факторы
отношения этнического меньшинства к
этническому большинству 94

Обзоры и рецензии

А.И. Прихидько. Межгрупповые эмоции:
основные направления исследований 103

И.Н. Семенов. Обзор научных школ
отечественной психологии творчества и
рефлексии 117

Резюме выпуска на европейских языках 124

**Указатель статей, опубликованных
в журнале «Психология. Журнал Высшей
школы экономики» в 2009 г.** 126

Vol. 6, № 4
2009

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanschikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

G.V. Ivanchenko

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiaikov

V.A. Ponomarenko

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

B. Schäfer (Vice Editor)

A.G. Shmelev

D.V. Ushakov (Vice Editor)

A.N. Zhdan

A.L. Zhuravlev

Managing editor *E.M. Lapteva*

Copy editing

O.V. Shaposhnikova, N.S. Sambu

Translation into English

S.S. Belova

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:

ul. Komarova, 6, 249038, Obninsk,
Russia.

Tel. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be
reproduced without the prior
permission of the copyright owner

© SU HSE, 2009

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Rozin. Psychology: Illusions
of Identification and Self-Determination 3

Theoretical and Empirical Research

M.V. Alfimova, V.E. Golimbet, M.S. Egorova.
Personal Traits, Executive Functions,
and Genetic Characteristics of Monoamine
Oxidase Metabolism 24

Special Theme of the Issue.

Anniversary of V.D. Shadrikov

Editorial 42

Interview with V.D. Shadrikov 43

L.V. Cheremoshkina. 70th anniversary
of Vladimir Shadrikov 46

N.P. Voronin. To Friend and Teacher 51

A.V. Karpov. The Teacher and His School 53

A.F. Kiselev. There are Still Many
Accomplishments to achieve 58

E.B. Starovojtenko. Meeting the Individuality 60

Statistical Methods in Psychology

S.V. Sivukha, A.A. Kozyak. On the Reform
of Statistical Inference in Psychology 66

Work in Progress

A.A. Sakbaev. Choice of Behavior Scripts in
the Process of Social Objects Categorization 87

E.V. Ulybina, A. Lensment, I. Ahmet. Attitude
of the Ethnic Minority to the Ethnic Majority:
Situational and Dispositional Factors 94

Reviews

A.I. Prihidko. Intergroup Emotions: Main
Research Trends 103

I.N. Semyonov. An Overview of Scientific
Schools of Russian Psychology of Creativity
and Self-Reflection 117

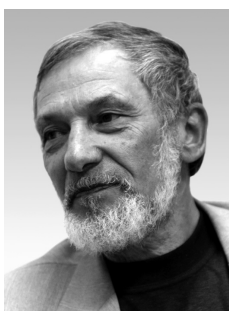
Summary of the Issue 124

Articles Published in Volume 6 126

Философско-методологические проблемы

ПСИХОЛОГИЯ: ИЛЛЮЗИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 42 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).

Контакты: gozinvm@mail.ru

Резюме

В статье в форме виртуального диалога, происходящем между психологом и методологом, анализируется ситуация, сложившаяся в современной российской психологии. Обсуждается, во что вылились подходы и программы, намеченные ведущими психологами в XX столетии, почему в психологии не удается реализовать естественно-научный эксперимент, падает значение теории деятельности, «зависла» культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, психологическая практика мало эффективна. Обосновывается, что психология стоит на пороге принципиально нового этапа своего развития: для нее характерна ориентация на несколько разных идеалов научного познания, общий сдвиг познания в область идеалов гуманитарной науки, создание психологических практик. Одни программы построения психологии исчерпали себя, другие только складываются. Во всех случаях современное психологическое знание и познание должны быть методологически оснащенными, диалогичными, отзываться на живые проблемы времени, способствовать духовному росту человека, лучшему пониманию им самого себя.

Ключевые слова: методология психологии, идеалы научного познания, российская психология

Если спросить психолога, каково состояние дел в психологии, то, вероятно, последует оптимистический ответ. Психология на подъеме, психологи востребованы в разных областях человеческой деятельности, мы сегодня гораздо больше знаем о психике человека. Если пытаться психолога дальше, требуя научного самоопределения и идентификации, то последуют такие ответы. Психология, скажет наш эксперт, представляет собой науку, наподобие естествознания, только о психике человека. Она стремится обосновать свои знания с помощью эксперимента и психологической практики.

При этом российский психолог, унаследовавший от советской психологии интеллектуальные долги, может вспомнить программу Л.С. Выготского, писавшего в 1927 году: «Психология, которая призвана практикой подтвердить истинность своего мышления, которая стремится не столько объяснить психику, сколько понять ее и овладеть ею, ставит в принципиально иное отношение практические дисциплины во всем строе науки, чем прежняя психология... Психотехника поэтому не может колебаться в выборе той психологии, которая ей нужна (даже если ее разрабатывают последовательные идеалисты), она имеет дело исключительно с каузальной, с психологией объективной; некаузальная психология не играет никакой роли для психотехники... Мы исходили из того, что единственная психология, в которой нуждается психотехника, должна быть описательно-объяснительной наукой. Мы можем теперь добавить, что эта психология, кроме того, есть наука эмпирическая, срав-

нительная, наука, пользующаяся данными физиологии, и, наконец, экспериментальная наука» (Выготский, 1982, с. 387, 390).

Если наш психолог сторонник теории деятельности в духе А.Н. Леонтьева, например, как Александр Асмолов, то он обязательно добавит, что психология старается реализовать «культурно-историческую концепцию Выготского», что это столбовая дорога психологической науки. Как известно в основе культурно-исторической теории лежат две главные идеи: *исторического подхода* и *ведущей роли в развитии психики знаков и социальных факторов*. «Предполагались, — пишет Л.С. Выготский, — закономерности чисто природного, натурального или чисто духовного, метафизического характера, но не исторические закономерности». «Новому типу поведения с необходимостью должен соответствовать новый регулятивный принцип поведения. Мы находим его в социальной детерминации поведения, осуществляющейся с помощью знаков» (Выготский, 1983, с. 16, 82–83).

Если же он не сторонник культурно-исторической теории, то не будет себя связывать с необходимостью рассматривать психику человека исторически и как культурно-обусловленную. Впрочем, и сторонники теории деятельности почему-то освобождают себя от подобного анализа. Современные психологи что-то не спешат обращаться к семиотике, чтобы на ее основе уточнить или перестроить свои понятия. Более того, идеи историзма и культуры, на которых так настаивал Л.С. Выготский, тоже только приговариваются. Реальный же анализ психики

по-прежнему ведется в молчаливом предположении, что существуют вечные законы психики, которые везде одинаковы: берем ли мы современного образованного человека или аборигена или средневекового монаха. Критикуя этот подход, Л.С. Выготский еще в конце 20-х годов писал: «В основе психологии, взятом в аспекте культуры, предполагались закономерности чисто природного, натурального или чисто духовного, метафизического характера, но не исторические закономерности. Повторим снова: вечные законы природы или вечные законы духа, но не исторические законы» (там же, с. 16).

Дальше наш эксперт скажет, что психология позволяет получить знания, на основе которых можно программировать поведение человека, управлять этим поведением. Здесь он опять может сослаться на Л.С. Выготского и, кстати, пояснить почему тот говорил о «психотехнике». Подобно тому, как физика, рассматриваемая как образец естественных наук, ориентируется в плане использования своих знаний на технику (инженерию), так и естественно-научная психология должна ориентироваться на психотехнику. Подобно тому, как инженер может создать механизмы, с помощью которых человек управляет природными процессами, так и естественно-научная психология даст возможность управлять поведением человека. Наконец, если инженер может создавать новые машины и механизмы, то почему этого не может сделать психолог? «Когда, — пишет Л.С. Выготский в той же программе, — говорят о переплавке человека, как о несомненной черте нового человечества, и об искусственном со-

здании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя... В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке. Без этого перспектива марксизма и истории науки была бы неполной» (Выготский, 1982, с. 436).

Конечно, добавит наш психолог, есть кое-какие проблемы. Почему-то, сколько не бьемся, а эксперимент в духе физики пока не получается. И может сослаться для примера на исследования личности Л. Хьеллом и Д. Зиглером, и не только на их работы. Поскольку психологию Л. Хьелл и Д. Зиглер понимают главным образом в естественно-научном ключе, они пытаются понять, каким образом психологи экспериментально проверяют свои теории. Так, теорию З. Фрейда Л. Хьелл и Д. Зиглер оценивают следующим образом. «Основная ловушка для персонологов, заинтересованных в проверке теории З. Фрейда, заключается в невозможности воспроизведения клинических данных в контролируемом эксперименте. Вторая проблема в установлении валидности психоанализа связана с тем, что его положениям невозможно дать рабочие определения (то есть теоретические концепции зачастую сформулированы таким образом, что трудно делать из них недвусмысленные выводы и проверяемые гипотезы). Когда получаемые результаты основаны на столь нечетких и неопределяемых умозаключениях, просто невозможно понять, согласуются ли они с теорией» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 138).

Или другое высказывание этих авторов, уже по поводу конкретного

механизма вытеснения. В 1979 году М. Эрдели и Б. Голдберг представили обзор по проблеме вытеснения. «Они напоминают, что клинические наблюдения и исследования обеспечивают изобилие данных, согласующихся с этим феноменом. Однако недостаточная строгость клинического подхода создает серьезные трудности. С другой стороны, экспериментальные работы точны, но эта точность достигается дорогой ценой, а именно ценою существенного упрощения исследуемых процессов. Столкнувшись с подобной тупиковой ситуацией, мы можем даже заключить, что феномена вытеснения вообще не существует» (там же, с. 142).

А вот оценка Л. Хьеллом и Д. Зиглером верифицируемости теории К. Роджерса. «Хотя теория Роджерса дает возможность для выдвижения экспериментальных гипотез, некоторые из его концепций, такие как «тенденция к актуализации», «полноценное функционирование» и «организмическое переживание», слишком расплывчаты для эмпирической проверки» (там же, с. 581). Поскольку остальные психологические теории по критериям теоретической строгости и верифицируемости мало чем отличаются от фрейдовской и роджерсианской, в том смысле, что тоже не соответствуют указанным критериям, Л. Хьелл и Д. Зиглер, заканчивая свою книгу, справедливо спрашивают: «можно ли в принципе теоретические концепции проверять эмпирическим путем?» (там же, с. 580).

«Ситуация эксперимента, — пишет Б.В. Зейгарник по поводу исследований Курта Левина, наиболее

последовательно пытавшегося реализовать естественно-научный подход, — затрагивала в той или иной форме и самооценку, и критичность, и механизмы саморегуляции человека, причем выступало все это не как следствие интерпретации, не на основе анализа безусловно обоснованного метода, а столь же реально, как в жизни. Все то, о чем пишут представители других школ: ненаправляемость поведения (К. Роджерс), оживление прошлых ассоциаций, грезы, мечты, ирреальный план при замещении (как у З. Фрейда) — все это происходило в экспериментах левинской школы. То, что Левин называл “полем”, “психологическим пространством”, было реальным отрезком жизни, в котором выявляется личность... исследование Левиным личности нацеливает на то, чтобы эксперимент заключался не в установлении какой-либо черты, особенностей восприятия, а в создании экспериментальной ситуации как взаимодействия, как общения между испытуемым и экспериментатором. Главное, чтобы он был построен так, чтобы реализовывались особенности личности испытуемого, его саморегуляции, критичности, самооценки, умения или неумения вступать в контакт с другими...» (Зейгарник, 1987, с. 50–52).

Что же получается, может резюмировать свои сомнения наш эксперт, — полная противоположность естественно-научному эксперименту. «Создание пласта реальной жизни», «организация общения испытуемого и экспериментатора» — это, с одной стороны, система психотехнических воздействий, с другой — ориентация явно на другие установки, судя по

всему, гуманитарные. Не следует ли из рассмотрения всех этих случаев, что психотехническое воздействие принципиально неустранимо? Что в природе психического нет чистого естественного процесса? Но допустим, что естественнонаучной эксперимент в психологии все же возможен. Какие требования к нему тогда необходимо предъявить? Очевидно, что в этом случае психотехническая теория должна содержать не только описание психики испытуемого, но и объяснение взаимоотношений экспериментатора с испытуемым. Однако такие взаимоотношения не относятся к первой природе, которую описывает естественная наука (деятельность, культурное поведение, общение, изобретение, творчество и т. д.). И все подобные феномены сфера уже другой дисциплины — гуманитарной науки, а также практики, психотехнических воздействий. Если только, конечно, не считать вслед за адептами естественно-научного подхода, что наука может быть только одна — естественная.

Проблема, продолжит наш психолог, существует и с оценкой эффективности психологической практики. Два года тому назад в журнале «Психология. Журнал Высшей школы экономики» (2006, № 1) прошла интересная дискуссия «Психотерапия как наука» о состоянии и статусе современной психотерапии, где много говорили об эффективности

этой дисциплины. Если одни участники дискуссии, например, А. Сосланд утверждали, что «эффективность психотерапии давно доказана», то другие возражали: неясно, говорили они, как измерять эффективность в психотерапии и что это такое. Например, А. Тхостов пишет: «Корректно проведенные исследования весьма немногочисленны, а утверждения самих психотерапевтов о безусловной эффективности их методов можно принимать только на уровне веры (Huber, 1996)» (Тхостов, 2006, с. 106).

Но возможно, скажет наш эксперт дальше, это потому, что психологи так и не ответили ясно на вопрос, поставленный еще Л.С. Выготским, почему должны существовать много психологий и какая из них описывает нашу психику наиболее верно. Конечно, добавит он, я знаю точку зрения постмодернистов и всяких там плюралистов, что наука — это языковая игра, правила которой устанавливает сам ученый, поэтому де могут существовать много разных психологий на любой вкус. Но я, скажет он, в это не верю. Разве возможна «психика по Фрейд», «по Роджерсу», «по Грофф», «по Пиаже» — это все разное, почти противоположное. Есть нормальная психика человека, по поводу которой и должна быть единая психологическая теория¹.

Здесь на сцену выходит оппонент, ну скажем, методолог-психолог типа

¹ Как тут не вспомнить конец стихотворения «Сороконожки» Веры Инбер:

<i>Видит — в луже тихо</i>	<i>Мать сказала плача:</i>	<i>Слишком много ножек</i>	<i>Аист — он хороший,</i>
<i>Дремлет аистиха,</i>	<i>«Аистам удача, —</i>	<i>У сороконожек.</i>	<i>Он одной калошей,</i>
<i>Рядом — аистенок</i>	<i>Вот какой ребенок</i>	<i>Ноги — это гадость,</i>	<i>Мамочке на радость,</i>
<i>На одной ноге.</i>	<i>Нужен был бы мне!</i>	<i>Если много ног.</i>	<i>Обойтись бы мог».</i>

Вадима Розина и начинает возражать. Начнем с того, говорит он, что психология не является естественной наукой. Да, многие психологи пытались конституировать психологию по образцу естествознания, но из этого ничего не получилось. Не удастся построить эксперимент по образцу естествознания, о чем уже говорилось, не удастся развернуть психологическую теорию, удовлетворяющую требованиям математизации, не удалось построить психотехнику, о которой мечтал Л.С. Выготский. Конечно, и сегодня много психологов верят в естественно-научный подход и пытаются его реализовать; взять хотя бы когнитивную психологию или синергетические варианты построения психологической теории. Но не напоминают ли они тех физиков и техников, которые до сих пор упорно пытаются построить вечный двигатель, хотя еще два века тому назад было доказано, что это невозможно?

Здесь эксперт берет слово и возражает. Как же так, говорит он, а теории, которые построили сторонники естественно-научной психологии? Они давно вошли в золотой фонд психологии.

Вадим Розин соглашается: да, вошли, только заметьте коллега, говорит он, — это не естественно-научные теории. Действительно, психологические теории объясняют факты, причем непротиворечиво. Но ведь я уже говорил: нет ни эксперимента, ни математических моделей. А как используются знания этих психологических теорий? Разве в рамках инженерной деятельности (психотехники по Л.С. Выготскому)? Нет, и еще раз нет. Знания и схемы,

заимствованные из естественно-научных психологических построений, используются именно как схемы для интерпретации и лучшего понимания. Поэтому вполне можно согласиться с Л. Хьеллом и Д. Зиглером. «Теория, — пишут они, — это система взаимосвязанных идей, построений и принципов, имеющая своей целью объяснение определенных наблюдений над реальностью. Теория по своей сути всегда умозрительна и поэтому, строго говоря, не может быть «правильной» или «неправильной»... Теория личности является *объяснительной* в том смысле, что она представляет поведение как определенным образом организованное, благодаря чему оно становится понятным. Другими словами, теория обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать все, что нам известно о соответствующем классе событий. Например, без помощи теории (очевидно, психоанализа З.Фрейда. — В.Р.) было бы трудно объяснить, почему пятилетний Рэймонд испытывает такую сильную романтическую привязанность к матери, в то время как отец вызывает у него чрезмерное чувство негодования» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 26).

Поэтому давайте не путать, заключает Вадим Розин. Психологи, которые пытаются построить психологию по образцу естествознания, на самом деле создают схемы и на их основе теории, но какие? Не естественно-научные, а примерно такие, которые строились в античной культуре. Последние, как я показываю в книге «Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация» (Розин, 2008), действительно,

не требовали экспериментов и математизации, они были нацелены на построение непротиворечивых знаний и решение ряда культурных проблем.

А что вы понимаете, говоря о схемах, с вызовом может спросить наш эксперт, вот у Галилея есть математические схемы, у Курта Левина — тоже, и у современных психологов их много.

Схема, объясняет Вадим Розин, — это не модель. Галилей, действительно, сначала создал схему и его оппоненты ему это показали. Но затем, именно за счет эксперимента он превращает эту схему в модель, позволяющую рассчитывать и прогнозировать. Модели дают возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять, а схемы — только понимать феномены и организовать деятельность. Построения Курта Левина или современных психологов — это схемы. А психологи думают, что модели. Но это иллюзия. Кстати, именно потому, что психологи создают схемы, психика в разных психологических школах может быть представлена по-разному, в разных схемах. Онтологическое же основание такой множественности понятно: современная культура допускает разные типы социализации и самоорганизации человека. В результате и возможны, что вас почему-то сильно возмущает: «человек по Фрейд», то есть находящийся в конфликте с культурой и сексуально озабоченный (разве таких мало в нашей культуре?), «человек по Роджерсу», ориентированный, как бы сказал Т. Шибутани, на согласие (таких еще больше), «человек по Гроффу», «реприхнувшийся» на эзотерических

представлениях (и таких в нашей культуре немало) и т. д. И все они заметьте, имеют полное право на существование, и у всех у них разная психика.

Наш эксперт-психолог, наверняка, не согласится, сказав: может и имеют право, но не в моем мире, а психика у них у всех одна. Просто, одни здоровы психически, а другие, как С. Грофф, давно поехали.

Уверен, шутит Вадим Розин, вы и меня подозреваете в том же. Может быть, может быть... но давайте лучше перейдем к обсуждению мифа о том, что психологи исповедуют культурно-историческую теорию Л.С. Выготского. Действительно, никто в психологии вроде бы не отрицает идеи культурно-исторической теории, но практически почти никто их и не развивает.

А как же работы А.Н. Леонтьева, живо возражает наш психолог-эксперт. Развивая идеи культурно-исторической теории, А.Н. Леонтьев писал о развитии деятельности и «личностных смыслах».

Но не пошел ли он, не соглашается Вадим Розин, в прямо противоположном направлении. Ведь идея деятельности, понимаемая как предметная реальность, которую, непонятно почему, приписывают Л.С. Выготскому, как раз закрывает дорогу культурно-исторической теории, точно также как идеи сознания и смысла совершенно не эквивалентны идее знака (сигнификации), зато вполне оправдывают трактовку психики в плане вечных законов духа. Характерно, добавляет В. Розин, замечание последователей А.Н. Леонтьева в словаре «Психология» (под общей редакцией А.В. Петровского и

М.Г. Ярошевского). «Культурно-историческая теория подвергалась критике, в том числе со стороны учеников Л.С. Выготского, за неоправданное противопоставление «натуральных» и «культурных» психических функций; за понимание механизма социализации как связанного преимущественно с усвоением знаково-символических (языковых) форм; за недооценку роли предметно-практической деятельности человека. Последний аргумент стал одним из исходных при разработке учениками Л.С. Выготского концепции структуры деятельности в психологии» (Психология..., 1990, с. 183). Однако каким образом возможна культурно-историческая трактовка психики, если не разводить «натуральные» и «культурные» функции, сводить значение знаков к их смыслам, а сложную реальность, включающую социокультурные, институциональные (в частности, образовательные) и личностные процессы, — к предметно-практической деятельности?

Безусловно, продолжает Вадим Розин, Лев Семенович Выготский не всегда был последователен в своих построениях и методологических установках, давая своим последователям поводы для творчества в духе, противоположном основным идеям культурно-исторической теории. Но и здесь, нужно сказать, проблемы и противоречия лежат в другой плоскости. Как спрашивается, Л.С. Выготский понимает развитие психики? *Как овладение собственными психическими процессами с помощью знаков под влиянием социальной детерминации со стороны общества.* «Новому типу поведения, — пишет Л.С. Выготский, — с необходимостью

должен соответствовать новый регулятивный принцип поведения. Мы находим его в социальной детерминации поведения, осуществляющейся с помощью знаков... Если вслед за Павловым сравнить кору больших полушарий с грандиозной сигнализационной доской, то можно сказать, что человек создал ключ для этой доски — грандиозную сигналистику речи. С помощью этого ключа он овладевает деятельностью коры и господствует над поведением... Но вся сложность вопроса становится очевидной, как только мы соединяем аппарат и ключ в одних руках, как только мы переходим к понятию автостимуляции и овладения собой. Здесь и возникают психологические связи нового типа внутри одной и той же системы поведения» (Выготский, 1983, с. 82–83).

То есть, хотя ведущим является социальная детерминация — «Не природа, но общество должно в первую очередь рассматриваться как детерминирующий фактор поведения человека. В этом заключена вся идея культурного развития ребенка» (там же, с. 85) — человек овладевает своим поведением **сам**, отсюда фраза «аппарат и ключ в одних руках» и «автостимуляция». Точно, как у И. Канта, хотя человек сам порождает реальность, но на основе априорных начал и ведет его разум, который, в конце концов, оказывается Творцом. У Л.С. Выготского человек тоже сам овладевает поведением, но ведет его не Творец, а общество или, если речь идет о ребенке, педагог как его представитель. Естественно возникают два принципиальных вопроса: что же это за человек, который с самого раннего детства может

овладевать своим поведением (мы знаем, что даже не каждый взрослый на это способен), и каким образом происходит социальная детерминация? На первый вопрос Л.С. Выготский отвечает так: овладевать своим поведением может только *личность*, то есть для Л.С. Выготского каждый человек является личностью. «Детская психология не знала, как мы видели, проблемы высших психических функций, или, что то же, проблемы культурного развития ребенка. Поэтому для нее до сих пор остается закрытой центральная и высшая проблема всей психологии — проблема личности и ее развития» (там же, с. 41).

На второй вопрос ответ Л.С. Выготского неоднозначен. С одной стороны, он характеризует овладение по аналогии с познанием и управлением природными процессами. «Остается допустить, что наше господство над собственными процессами поведения строится по существу так же, как и господство над процессами природы» (там же, с. 279). Но тогда получается парадокс: психические процессы уже есть, а человек ими только овладевает; однако, спрашивается, откуда они взялись, разве именно не происхождение этих процессов нуждается в объяснении? К тому же, зачем тогда социальная детерминация?

Спасая свою теоретическую конструкцию, Л.С. Выготский использует введенную еще в начале XIX века Фридрихом Фребелем оппозицию «внешнее — внутреннее» и понятие усвоение, причем внешнее определяется как социальное, а внутреннее как подобие («слепок») внешнего. «Многие авторы, — пишет Л.С. Вы-

готский, — давно уже указывали на проблему интериоризации, перенесения поведения внутрь... всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... сам механизм, лежащий в основе высших психических функций, есть слепок с социального. Все высшие психические функции суть интериоризированные отношения социального порядка... вся их природа социальна; даже превращаясь в психические процессы, она остается квазисоциальной» (там же, с. 144–146). Но тогда получается другой парадокс: внутреннее — это не природный процесс, а скорее результат психотехнических (социально-педагогических) воздействий.

Очевидно, чувствуя эти затруднения, Л.С. Выготский характеризует овладение и по-другому, совершенно иначе, а именно как конституирование психической реальности на основе знаков; кроме того, развитие характеризуется Л.С. Выготским как переплетение внешних и внутренних (включая биологические) факторов. Применение знаков, пишет Л.С. Выготский, «в корне перестраивает всю психическую операцию, наподобие того, как применения орудия видоизменяет естественную деятельность органов и безмерно расширяет систему активности психических функций. То и другое вместе мы и обозначаем термином высшая психическая функция, или высшее поведение... Равным образом, когда ребенок усваивает, казалось бы внешним путем в школе различные операции,

усвоение всякой новой операции является результатом процесса развития... каждое внешнее действие есть результат внутренней генетической закономерности» (там же, с. 90, 150–151). Дело в том, что развитие по Л.С. Выготскому происходит не только в результате интериоризации, но и органического роста. «Поскольку, — отмечает Л.С. Выготский, — органическое развитие совершается в культурной среде, постольку оно превращается в исторически обусловленный биологический процесс. В то же время культурное развитие приобретает совершенно своеобразный и ни с чем не сравнимый характер, поскольку оно совершается одновременно и слитно с органическим созреванием, поскольку носителем его является растущий, изменяющийся, созревающий организм человека» (там же, с. 31).

Что же у Л.С. Выготского получается в итоге? С одной стороны, личность овладевает тем, что уже есть, с другой — овладение представляет собой, по сути, творение психической реальности с помощью знаков в процессе усвоения внешнего, обусловленного внутренним развитием. Спрашивается, как это можно понять и согласовать? Однако есть противоречия и противоречия. Противоречия Л.С. Выготского, на мой взгляд, являются источником дальнейшего развития психологической мысли, и не всегда их нужно спешить разрешать в духе монистического подхода.

Но посмотрим, продолжал Вадим Розин, в каком направлении Л.С. Выготский направил мысль психолога. Чтобы реализовать программу культурно-исторической теории, необхо-

димо было, во-первых, проанализировать и задать последовательность внешних социальных содержаний, которые усваивает или должен усвоить развивающийся человек, во-вторых, понять действие самого механизма интериоризации, в-третьих, охарактеризовать особенности внутренних содержаний (психических процессов и структур) и логику их «как бы имманентного» развития, которая на самом деле, по Л.С. Выготскому, есть сплав культурного и биологического.

Здесь я бы с вами впервые согласился, сказал наш психолог, но заметьте Василий Васильевич Давыдов решал именно эти, названные вами задачи.

И я не буду спорить, в ответ кивнул Вадим Розин. Да, наиболее последовательно все три задачи, пыталась решить школа Давыдова. С одной стороны, в ней с опорой на исследования в истории науки и логике задавались содержания, подлежащие усвоению, с другой — изучался сам механизм усвоения, с третьей — на основе психологических экспериментов и экспериментального обучения нащупывались особенности психических структур и предпосылки (Давыдов, 1996, с. 31). Тем не менее, решались все эти задачи в рамках указанных противоречий. В концепции В.В. Давыдова, например, трудно понять, какую все-таки роль играют психические структуры, а также как объяснить феномен возрастных или возможно культурных сдвигов (трансформаций) самого развития. Кстати, Л.С. Выготский помимо привычных представлений о развитии предлагал ввести понятие «революционного типа развития»

(«резкие и принципиальные изменения самого типа развития, самих движущих сил процесса» (там же, с. 151).

Кроме того, известно, продолжал Вадим Розин, что деятельностная концепция, в рамках которой работал В.В. Давыдов и многие другие российские психологи, сегодня подвергается серьезной критике. В 2001 году «Вопросы философии» опубликовали подборку статей известных отечественных философов, методологов и психологов, посвященных проблеме деятельности и деятельностному подходу. Основные позиции участников разделились «за» и «против». С одной стороны, признается кризис деятельностного подхода. Например, В.А. Лекторский в статье «Деятельностный подход: смерть или возрождение» констатирует, что «деятельностная тематика как в философии, так и в психологии утратила былую популярность» (Лекторский, 2001, с. 56). В.С. Лазарев в статье «Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления» пишет, что «деятельностный подход, создававшийся несколько десятилетий назад для преодоления психологического кризиса, сегодня сам находится в кризисном состоянии» (Лазарев, 2001, с. 33). С другой стороны, ведущие идеологи деятельностного подхода (В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Ю.В. Громько, В.И. Слободчиков) утверждают, что деятельностный подход не только не изжил себя, но при определенной модификации и расширении является весьма перспективным. Правда, некоторые участники дискуссии, например, В. Лекторский, Ю. Громько, В. Швы-

рев предлагают такое расширение (например, учет представлений, полученных в недейлительностных и антидеятельностных концепциях и дискурсах), которое ставит под вопрос сам деятельностный подход. Об эволюции взглядов в отношении деятельностной концепции можно судить, например, по позиции В.П. Зинченко, являющегося, как известно, одним из создателей теории деятельности. «Психологическая теория деятельности, — пишет он, — игнорирует или упрощает духовный мир человека, редуцируя его к предметной деятельности, она бездуховна, механистична... Нужно преодолеть «детскую болезнь» и понять, что ни деятельность, но культура не могут претендовать «на формулирование исчерпывающего объяснительного принципа» (Зинченко, 1987, с. 44, 50).

Мотивы критики теории деятельности, размышлял Вадим Розин, вероятно, следующие: во-первых, не удался эксперимент социалистического строительства нового человека. Некогда единая социалистическая школа, где ребенок формировался под сильным идеологическим давлением и контролем (то есть, когда, действительно, социальное-социалистическое определяло индивидуальное и личность), уходит в прошлое. Вместо этого складываются разные педагогические практики: светская школа, религиозная, эзотерическая (Вальфдорская педагогика), инновационное педагогическое творчество, школа, ориентированная на гуманитарные ценности, на ценности современного экономического общества и др. Во-вторых, идеи социалистического программирования,

проектирования и управления, теоретическим обоснованием которых, к сожалению, выступали идеологически истолкованная культурно-историческая теория и теория деятельности, все больше подвергаются критике. Вместо них предлагаются такие варианты социального действия, которые основываются на участии всех заинтересованных субъектов (идеи педагогики сотрудничества, участия в образовательном процессе учеников и родителей и пр.). В-третьих, меняются представления о психическом развитии. Оно объясняется теперь не только в рамках психологии, ориентированной на идеалы естественной науки. Все больший интерес привлекают к себе психологические теории гуманитарной ориентации, а также и непсихологические концепции (понимающая социология, антропология и др.). В рамках этих подходов развитие ребенка описывается иначе, чем в теории деятельности. В-четвертых, современная жизнь становится все более разнообразной и культуросообразной. Для нее характерны разные формы и стили жизни, многообразие форм культурного существования. Социальная жизнь все больше определяется культурными факторами. Л.Г. Ионин отмечает, что «изменяется роль культуры в обществе, при этом меняется само понимание культуры. Это уже не столько пассивное отражение, пассивный слепок с реальных процессов поведения, сколько их активная «форма». «Кодируя», «драматизируя» свое поведение, соотнося его с мифом и архетипом, индивиды сознательно используют культуру для организации и нормализации собственной деятель-

ности. Поэтому было бы глупо сейчас ссылаться на популярные несколько десятилетий назад представления о культурном лаге, об отставании культурного осмысления от реальных социальных процессов; наоборот, теперь культура оказывается логически и фактически впереди того, что происходит в реальности... Как заостренно сформулировал западный ученый: «Там, где раньше было "общество"... стала "культура"» (Ионин, 1996, с. 5, 6).

Так вы что, полностью отрицаете культурно-историческую теорию, может спросить наш эксперт? Напротив, отвечает Вадим Розин. На мой взгляд, оба тезиса — *исторического подхода и принципиальной роли знака в становлении и развитии психики* полностью сохраняют свое значение. Однако во времена Л.С. Выготского семиотика только складывалась. Вероятно, поэтому программа Л.С. Выготского, ориентированная на создание культурно-исторической теории практически не была реализована. От программы до ее реализации, как известно, большой путь. Нужно иметь специальное, психологически ориентированное учение о знаках (то есть особый вариант семиотики), психологически ориентированную социологию, понять, как происходит, по выражению В.Н. Волошинова, проникновение социального в «организм особи», как затем психика функционирует как бы «сама по себе», т. е. в естественном режиме, проанализировать, какие ограничения на психические процессы накладывает своеобразие личности человека, и др. Не менее важно переосмыслить, переинтерпретировать психические процессы и структуры

(сохраняя онтологию психического) в семиотическом, социологическом, культурологическом ключах. Кроме того, в начале XX столетия еще не были четко разведены «исторические описания» и «генезис». Сегодня мы понимаем, что генезис — это рациональная реконструкция истории под углом тех задач, которые мы решаем и тех подходов, которые проводим. Л.С. Выготский имел в виду именно генезис психики. И по поводу семиотической природы человека мы знаем значительно больше.

Чтобы реализовать в психологии культурно-историческую точку зрения (подход), необходимо сделать, по меньшей мере, три вещи: указать, *что можно понимать под культурой, каким образом при этом характеризуется человек, наконец, как при всем том сохранить и провести психологическое понимание человека.* Дело в том, говорил Вадим Розин, что в некотором отношении культурно-исторический подход противоречит психологическому. Не случайно, поэтому ни сам Л.С. Выготский, ни А.Н. Леонтьев, ни другие психологи так и не смогли реализовать заявленную концепцию. Чтобы лучше понять мое утверждение, сказал Вадим Розин, взглянем на историю психологии.

Известно, что в период своего формирования во второй половине XIX веке научная психология противопоставляла себя философии и ориентировалась на идеалы естественной науки. С точки же зрения этих идеалов, психика рассматривалась, во-первых, как природное, а не историческое явление, во-вторых, предполагалось, что можно выявить законы, определяющие строение и функ-

ционирование психики. Не исключая, кстати, психологических школ, например, гештальтпсихологии, пытавшихся рассматривать психическую жизнь «в ее целостности и внутренней связи». Гештальтисты, замечает М.Г. Ярошевский, утверждали не только несводимость гештальтов к их частям, но и «существование особых законов гештальта. Им представлялось, что, опираясь на эти законы, психология превратится в точную науку типа физики» (Ярошевский, 1974, с. 213).

На первый взгляд, этому подходу противостоит другой, инициированный в конце XIX века В. Дильтеем и развитый затем в рамках гуманитарной психологии. Но и здесь психологи не смогли преодолеть понимание психики как явления, напоминающего природные феномены. Они считали, что все же можно выявить собственно психологические процессы и факторы, определяющие психическую жизнь. Даже когда вводились «факторы со стороны», например, семиотические и социальные или биологические, или особые состояния сознания, предполагалось, что эти факторы со стороны — всего лишь внешняя детерминация, а не имманентная составляющая психики.

Учтем, продолжал Вадим Розин, и такое обстоятельство: психология складывается как научная и практическая дисциплина, призванная объяснить и обслуживать новоевропейскую личность. Вспомним заявление Л.С. Выготского: «Детская психология не знала, как мы видели, проблемы высших психических функций, или, что то же, проблемы культурного развития ребенка. Поэтому для

нее до сих пор остается закрытой центральной и высшая проблема всей психологии — проблема личности и ее развития». Если мы теперь учтем, что новоевропейская личность понимает себя как «универсум» (все, что претерпевает личность, все ее решения и выборы рассматриваются как принадлежащие данной личности, входят в ее круг) и одновременно как «регулятивный принцип» (личность сама решает и сама исполняет собственные решения), то ясно, что для функционирования личности необходимы средства, с одной стороны, ей органичные и созвучные, с другой — помогающие осуществлять соответствующие выборы и решения. Именно психологическая наука и практика наряду с другими сферами деятельности (философией, наукой, искусством, религией) предоставляют личности такие средства. По сути, психологические знания и закономерности — это схемы, на основе которых новоевропейская личность (разные типы таких личностей) себя осознает и конституирует, понимает и направляет. Но ведь новоевропейская личность, обратил внимание Вадим Розин, — это всего лишь один исторический тип человека. В предшествующих культурах мы находим другие исторические типы личности. Итак, вроде бы мы приходим к выводу, по которому культурно-исторический и психологические подходы противоположны. Первый предполагает историческую трактовку человека и признание разных типов психики. Второй подход ориентирован только на обслуживание новоевропейской личности.

Тем не менее, продолжал Вадим Розин, думаю, указанные подходы

все же можно связать. Но для этого в истории культуры нужно выделить такие планы, в которых *условия существования человека сохраняются неизменными*, ведь психолог обычно трактует психику как константную структуру. Можно считать неизменными условия существования человека в отдельной культуре, если эту культуру сравнивать с другими. Неизменны условия и для отдельного поколения, если эти условия сравнивать с теми, которые складываются у следующих или предшествующих поколений. Неизменны условия существования для отдельной личности, если ее сравнивать с другими типами личности. В определенном смысле необходимо считать неизменными и условия модернити, иначе у нас не будет фиксированной точки отсчета. При этом важно различать два разных случая. В одном при неизменных условиях речь идет о *функционировании и развитии* человека. В другом — о *становлении* нового антропологического типа. Например, внутри отдельной культуры происходит развитие человека. При смене культур имеет место становление нового типа. Внутри определенного «скрипта» (сценария и принципов жизни) идет развитие личности; при смене скриптов (но не всегда) — становление новой личности.

Что означает неизменность условий жизни человека? Мы можем считать, что в этот период психика человека имеет стабильную структуру (включая ее развитие). Поэтому ее можно описать и считать, что выделенная в знании структура и есть структура психики. При смене рамок анализа и задач, например, переходе

от сравнения культур к сравнению поколений (от задачи объяснения цикла жизни культуры к задаче объяснения представлений, характерных для отдельных поколений), меняются и структуры психики и модели, их описывающие. Таким образом, за каждым типом психики стоят исторические ситуации и разные типы психологических задач.

С точки зрения этого подхода, наиболее интересны следующие исторические типы и трансформации: «прачеловек» докультурного периода, «человек культурный» или социальный индивид (здесь столько типов, сколько мы можем различить отдельных культур — «архаический человек», «человек древних царств», «античный человек», «средневековый», «ренессансный», человек «нового времени», «человек Востока» и т. д.), «человек определенного поколения», «латентная личность», «актуальная личность» (античная, средневековая, ренессансная, нововременная), «личность уникальная» (например, Сократ или Альберт Швейцер) «личность массовая», «эзотерическая личность». Помимо, так сказать, чистых типов психики можно говорить и о смешанных формах; эмпирически такие случаи даже более частые.

Боюсь показаться нескромным, подытожил свои рассуждения Вадим Розин, но думаю, именно я реализовал в рамках междисциплинарного подхода (применяя методы культурологии, семиотики, психологии) культурно-историческую теорию. У меня есть работы по анализу человека древнего мира, античного и средневекового человека, человека нового времени. Я показываю, как,

начиная с античности, складывалась личность и какие этапы она прошла в своем развитии, а также как современная культура может способствовать ее маргинализации и деформации (Розин, 2002; 2003а,б; 2004а,б,в; 2006а,б; 2007; 2008).

В этом месте наш психолог может сказать, что он уже догадывается, как Вадим Розин расправится с психологической практикой, камня на камне от нее не оставит.

Не преувеличивайте мои способности, скажет Вадим Розин. Я только проблематизирую ситуацию в психологии, причем для ее же здоровья. Помните, что в «Апологии» говорил Сократ: афинское общество напоминает ожиревшую лошадь, а Сократ как овод ее жалит, чтобы она не дремала и жила активно, поэтому Сократа нужно не судить, а наоборот, всячески поощрять.

У нас хватает собственных оводов, заметит наш психолог, например Владимир Петрович Зинченко уже давно этим занимается.

Не скажите, некоторые укусы напоминают поцелуй, а надо так укусить, чтобы психологи проснулись. В объятьях настоящих методологов дремать невозможно. Но хватит шуток, продолжал Вадим Розин, я действительно очень скептически отношусь к психологической практике. На мой взгляд, психологи, во-первых, не осознают, что эффект их действий больше связан не с психологическими методами, а с общением, во-вторых, что они в основном заняты вменением и внушением своих собственных схем.

Но разве вы, Вадим Розин не занимаетесь тем же самым, то есть вменением схем, хотя бы в этой статье,

обязательно должен спросить наш эксперт.

Да, конечно, ответит Вадим Розин, всякая социальная деятельность, не только научная, но и в сфере политики, искусства, образования, обязательно, предполагает суггестию и вменение схем. Но заметьте, коллега, я не делаю вид, что веду чистый анализ (психо-анализ), что не внушаю. Да, внушаю, изо всех своих сил вменяю вам мои схемы. Но при этом, понимаю, что делаю и стараюсь работать на благо человека и культуры. Другое дело, что благо, человека и культуру можно понимать по-разному и что реально получается из наших усилий; однако, как говорил Сергей Аверинцев, «человек сам себе не судья». Я призываю только к одному: давайте стараться не создавать мифов и отслеживать, что мы делаем на самом деле. У практикующих же психологов масса мифов: что они эффективны, что строят свои методы на основе точной науки психологии, что эффект их усилий проистекает именно за счет психологических методов, что человек «прозрачен» и его рано или поздно целиком и полностью можно описать на основе исповедуемой исследователем (практиком) психологической теории.

Практически все психологи имеют ряд склонностей, которые усиливают кризисные явления в психологии. В качестве первой я бы указал на желание натурализовать, объективировать свои теоретические и нетеоретические интерпретации и версии, не осуществляя необходимой критической проработки этих процедур. Сама по себе объективация интерпретаций необходима, только в этом случае психолог-практик или па-

циент могут выйти на новое видение, а также нащупать необходимые для улучшения здоровья действия. Но дело в том, что психологические знания, с одной стороны, частичны, а с другой — могут быть *неадекватны*. Частичны они в том отношении, что, описывая психику — образование достаточно сложное (на это указывает и совокупное психологическое знание и философские учения), психологи в своих теориях схватывают лишь отдельные структуры и планы этого сложного образования. Говоря так, я имею в виду прежде всего теории, которые широко используются в практике. Безусловно существуют и достаточно сложные психологические теории, приближающиеся к философским, например, некоторые психологические теории личности. Но подобные теории редко используются в практике.

Психологи предпочитают (склонны) в практических целях использовать упрощенные, частичные представления человека, например, психоаналитические теории, учение Э. Берна (трансактный анализ), представления когнитивной психологии и т. п. С подобными упрощенными представлениями (упрощенными для Вадима Розина, а не для их последователей), легко оперировать, т. е. их легко по функции превращать в модели и знания. Но вопрос, как я отмечал, в том, являются ли они моделями? Здесь естественно приходится обсуждать вопрос об адекватности теоретических представлений психологической науки и практики.

Один критерий адекватности — это соответствие типа психологической теории типу человека, для которого эта теория была фактически

создана. Как уже отмечалось, психоанализ был ориентирован на человека, находящегося в конфликте с культурой и с самим собой, а затем в практике психоанализа был создан «человек по Фрейду». В практиках гуманитарной психологии был выпестован «человек по Роджерсу или Франку» и т. д.

Второй критерий — это соответствие психологической теории той проблеме или психологическому нарушению, с которым к психологу пришел человек. Одно дело, если клиент на самом деле просто хочет улучшить качество своего общения, другое, если у него невротическое состояние, третье, если он решает кардинальные проблемы жизни и смерти. Бывают и случаи (и нередкие), когда у человека на самом деле нет никаких проблем и он совершенно здоров (впрочем, нередко до той поры, пока не пообщался с психологом). Лично для меня, говорил Вадим Розин, очевидно, что все перечисленные случаи, а их на деле значительно больше, не могут разрешаться с помощью какой-нибудь одной, даже самой современной психологической теории. Впрочем, здесь ситуация вполне аналогичная медицинской: ведь хирург не возьмется лечить инфекционное заболевание, а скажем, невропатолог заболевания внутренних органов. Психологи же иногда берутся помогать во всех возможных случаях, переинтерпретируя проблемы клиента в благоприятном для их учения направлении.

Третий критерий — соответствие психологической теории направленности и характеру эволюции личности человека. Представления об эволюции личности, вероятно, сходно,

но не совпадает с понятием «зоны ближайшего развития», которое ввел Л.С. Выготский.

Поскольку психологические теории и представления, используемые психологами-практиками, частичны, а также могут быть неадекватными в указанных отношениях, они, как уже отмечалось, не могут в большинстве случаев рассматриваться как модели и знания. Скорее они представляют собой определенные схематизации психики, а схема в отличие от модели хотя и позволяют действовать, но не дает никакой уверенности в адекватности и эффективности соответствующего действия. Некоторые ответственные психологи понимают это. «Так как механизм и сущность гипноза, — пишет Леон Шерток, — нам неизвестны, то следовательно врач-гипнотизер и сам не может быть полностью уверен в своих действиях, и не в праве что-либо гарантировать пациенту» (Шерток, 1990, с. 46).

Вторая склонность психологов-практиков: придавать чрезвычайно большую роль осознанию ситуаций, приводящих к психическим нарушениям, слабо понимая роль переосмысления. Дело в том, что, осознание таких ситуаций — всего лишь одна из возможных реконструкций и интерпретаций; пожалуй, более важно, как эти ситуации представлены, позволяет ли их описание переосмыслить поведение и установки клиента. Безусловно, важно, чтобы пациент и клиент отнесли эти описания к себе, рассмотрели их как описание собственной истории, жизни, событий. Однако последнее больше зависит от концепции пациента (его представлений о своем неблагополучии и эффективности предложенной

ему психологической помощи), от его желания поверить врачу, чем от реальных аргументов психолога и его попыток реально исследовать — прошлое и психику пациента. Вообще современный психолог-практик стремится быстрее выйти на знание и модель, понять, что с клиентом произошло. При этом он не отдает себе отчета в том, что чаще всего его средства ограничены, что ему приходится работать со схемами и интерпретациями, что у клиента и пациента могут быть другие, весьма отличающиеся представления.

Третья склонность — отождествлять собственные представления психолога с представлениями пациента или клиента. Другой более слабый вариант — не учитывать представления и концепцию пациента. Дело в том, что, как правило, пациенты плохо осознают свои концепции и ожидания. Но отсутствие осознания не означает отсутствие концепции у пациента, то есть его представлений о психологической помощи и соответствующих ожиданиях. Если психотерапевт не отрефлектировал эти представления и ожидания, иногда впервые их сформулировав, он, очевидно, не может рассчитывать на успех, ведь концепция пациента может быть противоположна теории, на основе которой действует психолог.

В качестве еще одной склонности, но естественно, не у всех, можно указать на стремление культивировать болезнь, на склонность к патологии. В этом смысле весь психоанализ может быть рассмотрен в этом ключе — как культивирование патологических наклонностей.

Однако склонности имеют не только психологи-практики, но и их клиен-

ты и пациенты. Например, многие пациенты любят лечиться, они культивируют свои проблемы и психические нарушения, поскольку видят в этом способ поднять свою значимость или получить доступ к общению. Такой пациент вовсе не стремится стать совершенно здоровым, поскольку в этом случае он не сможет себя полностью реализовать. Конечно, большинство подобных пациентов не понимают, к чему на самом деле они стремятся, а психологи хотя часто и понимают, но предпочитают закрывать на этот факт глаза. Как сказал Томас Сас в ответ на утверждение, что психотерапия должна быть честной: «Многие пациенты хотят как раз не честности, и задача терапевтов — предоставить им это». Говоря в данном случае о нечестности, Томас Сас имел в виду склонность пациентов делать вид, что они нуждаются в психологической помощи, хотя скорее им нужно общение и «игра» в психологическую помощь. Здесь опять тот же вопрос: является ли участие психолога в судьбе его клиентов (обсуждение их проблем, общение с ними, передача им энергии и уверенности) специфически психологическим средством?

Вот-вот, я и говорил, удовлетворенно подытожит наш психолог, Вы от практической психологии — нашей гордости, не оставили камня на камне.

На что Вадим Розин должен ответить примерно так. Поясню, сказал он, еще раз свою позицию. Психолог не только изучает человека в науке, но его также конституирует, помогает ему стать человеком, изменяться, развиваться. По форме такое конституирование часто представляет собой

символическое и схематическое описание опыта человека, создание о человеке такого знания, которое одновременно является событием для него, т. е. знание как событийность. В этом смысле психологическое познание есть одновременно вовлечение человека в определенное бытие. Думаю, таково всякое хорошее психологическое знание. Но не нужно забывать, что психолог может способствовать не только духовности, но и антидуховности, не освободить для человека место для его жизни и развития, а закрывать путь для его духовного роста, для свободы. Возможно, тогда это не психология, а псевдопсихология? К сожалению, нужно признать, что традиционные ориентации психологии на естественно-научный идеал превращают ее в такую псевдопсихологию. Однако псевдопсихология работает против человека и культуры.

Уверен, психология стоит на пороге принципиально нового этапа своего развития; психологию сейчас характеризуют ориентация на несколько разных идеалов научного познания, общий сдвиг познания в область идеалов гуманитарной науки, создание психологических практик. Одни программы построения психологии исчерпали себя, другие только складываются. Во всех случаях современное психологическое знание и познание должны быть методологически оснащенными, диалогичными, отзываться на живые проблемы времени, способствовать духовному росту человека, лучшему пониманию им самого себя.

Ф.М. Достоевский сказал, что человек — это тайна, но не жаль потратить целую жизнь, разгадывая эту

тайну. Если человек всего лишь особый объект первой природы, пусть даже такой объект будет сложнее солнечной системы или галактики, то рано или поздно тайна человека будет разгадана, а его поведение будет описано не менее строго, чем движение планет в солнечной системе. Если он всего лишь сложный психический механизм, пусть даже на поверхности (в сознании) нам видна только верхушка айсберга, а остальная часть его уходит в бессознательное, то все равно рано или поздно «новый Фрейд» окончательно разгадает тайну человека. В этом случае психика человека для ученых будет совершенно прозрачна, а его поведение может быть рассчитано и предсказано аналогично тому, как сегодня мы рассчитываем затмение солнца и луны или надежность машин.

К счастью (или для кого-то к несчастью), человек — не объект первой природы, его психика постоянно изменяется и эволюционирует. Она меняется при смене культур, а также под воздействием психотехник. Диапазон же разных психотехник весьма широк, начиная от психотерапии и образования, заканчивая духовным совершенствованием самого человека или эзотерической практикой. В этом смысле и тайна человека постоянно меняется и ускользает от психолога.

Но зато у психолога есть благородное и ответственное поприще: он не только изучает человека, пытаясь разгадать его тайну, психолог участвует (вместе с философом, художником, педагогом, но несколько иначе) в формировании нового человека, человека рождающегося вновь и вновь. Поэтому психология мало

напоминает естественные науки, она ближе к гуманитарной науке, но, может быть, психология демонстрирует нам совершенно особый случай — науку нового, еще неизвестного типа. Ведь помимо научного знания в психологии создаются символические описания и своеобразные проектные знания. К тому же отношения между наукой и практикой здесь необычны: наука непосредственно переходит в практику, и наоборот.

Учитывая, что психологические теории и схемы являются частичными и часто неадекватными, что понять с каким именно случаем имеет дело психолог весьма трудно, что даже, если подобное понимание имеется, оно — всего лишь гипотеза и интерпретация, учитывая все это, можно утверждать, что действия психолога-практика должны быть весьма осторожными и постоянно корректироваться, исходя из результатов психологической помощи и постепенного уяснения самого случая. В связи с этим формулу действия психолога

можно определить так: максимум рефлексии и культуры мышления, максимум осторожности, максимум ответственности.

Психолог должен постоянно задавать себе вопросы типа: что он делает на самом деле, адекватны ли его действия с точки зрения данного случая, смог ли он понять, с каким, собственно говоря, случаем имеет дело, учел ли он концепцию клиента, не использует ли он психологическую помощь в этически неоправданных целях, как убедиться, что выбранная им стратегия психологической помощи верна и эффективна и т. п.

Новый взгляд на психологию, закончил свою речь Вадим Розин, открывает для психолога почти бесконечные возможности для творчества, создает перспективу для будущего, побуждающие условия для духовной работы. Одновременно, он заставляет психолога критически взглянуть на себя и свою деятельность. С тем, чтобы измениться и, наконец, стать ответственным.

Литература

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. Соч. в 6 т. Т. 3. М., 1983.

Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1996.

Зейгарник Б.В. Об эксперименте в школе К. Левина // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1987. № 1.

Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1987. № 1.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.

Лазарев В.С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления // Вопросы философии. 2001. № 3.

Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение // Вопросы философии. 2001. № 2.

Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.

Розин В.М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // Человек как субъект культуры. М., 2002.

Розин В.М. Российский маргинал как точка бифуркации // Философские науки. «Гуманитарий». № 8. М., 2003а.

Розин В.М. Человек культурный. Введение в антропологию. Учебное пособие. М., 2003б.

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., 2004.

Розин В.М. Личность и ее изучение. М., 2004б.

Розин В.М. Терроризм как симптом кризиса техногенной цивилизации //

Независимая газета НГ-наука. 22 сентября 2004в.

Розин В.М. Любовь в зеркалах философии, науки и литературы. М., 2006а.

Розин В.М. Мышление и творчество. М., 2006б.

Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения Эмануэля Сведенборга. М., 2007.

Розин В.М. Феномен множественной личности (по материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана»). М., 2008.

Тхостов А.Ш. Психотерапевт и его магия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 1.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. М.,-Л., Харьков, 1997.

Шертюк Л. «Гипноз — это толпа на двоих» // Человек. 1990. № 1.

Ярошевский М.Г. Психология в XX столетия. М., 1974.

Теоретико-эмпирические исследования

ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ФУНКЦИИ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАБОЛИЗМА МОНОАМИНОВ

М.В. АЛФИМОВА, В.Е. ГОЛИМБЕТ, М.С. ЕГОРОВА

Алфимова Маргарита Валентиновна — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической генетики Научного центра психического здоровья РАМН. Автор более 150 научных работ. Научные интересы — психогенетика, психофизиология, нейропсихология.

Контакты: m.alfimova@gmail.com

Голимбет Вера Евгеньевна — доктор биологических наук, заведующая лабораторией клинической генетики Научного центра психического здоровья РАМН. Автор более 200 научных работ.

Научные интересы — молекулярная генетика, генетика психических заболеваний, психиатрия.

Контакты: golimbet@mail.ru

Егорова Марина Сергеевна — доктор психологических наук, член-корреспондент Российской Академии Образования, заведующая кафедрой психогенетики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сфера интересов — индивидуальные различия в психических функциях и их генезис.

Контакты: ms_egorova@mail.ru

Резюме

Описаны исследования, направленные на проверку гипотезы о том, что эффект воздействия некоторых генов на свойства личности опосредован их участием в формировании различий по нейрокогнитивным признакам. В частности, предполагалось, что гены MAOA и DBH влияют на особенности самонаправленности (сознательности) через действие на управляющие функции. Однако исследования показали, что ген DBH вносит вклад только в вариативность управляющих функций, а ген MAOA ассоциирован с чертами личности, связанными с сотрудничеством (согласием). При этом управляющие функции могут модулировать влияние MAOA на эти черты. Высказано предположение о том, что одним из психологических механизмов, опосредующих влияние гена MAOA на сотрудничество, является склонность к закреплению социально-вознаграждаемых форм поведения.

Ключевые слова: *личность, самонаправленность, сотрудничество, управляющие функции, гены, нейромодуляция, катехоламины, эндофенотип*

Эмпирические данные свидетельствуют об умеренном, но значимом влиянии генетических факторов на межиндивидуальные различия личности. Так, для большой пятерки личностных черт коэффициенты наследуемости составляют от 35 до 50% (Bouchard, McGue, 2003). Развитие молекулярной генетики позволило начать в 1990-е годы поиск конкретных генов, влияющих на формирование личностных особенностей. Для этого использовали метод ассоциаций генетических маркеров с оценками личностных черт, получаемыми с помощью различных опросников (см., например: Алфимова, 2006). Результаты первых лет работы оказались скромными, что заставило ученых обратиться к более сложным схемам исследования. Одним из перспективных, быстро развивающихся направлений является начатый в 2002 г. А. Каспи с соавт. анализ аллель-средовых взаимодействий (Caspi et al., 2002). Другое направление

предполагает использование эндофенотипов, т. е. таких признаков, которые в цепи событий, ведущих от гена к поведенческому признаку, находятся ближе к генетическим основам. Как правило, в роли эндофенотипов выступают показатели активности мозговых структур, связанных с изучаемым признаком. Однако в случае анализа поведенческих характеристик высокого уровня эндофенотипами могут служить и более частные психологические показатели (Gottesman, Gould, 2003; Анохин, Веденяпин, 2006; Марютина, 2007).

При всех различиях во взгляде на личность современные исследователи в целом согласны с тем, что черты личности отражают широкие устойчивые predispositions, проявляющиеся в особенностях эмоционального реагирования, мышления и поведения, и формируются прижизненно. Вопрос о том, каковы психологические механизмы, опосредующие влияние генотипа на личность, совпадает

с вопросом о том, каковы психологические эндофенотипы для личности. Полагают, что частично связь личности с генотипом осуществляется через особенности темперамента. Кроме того, различия по личностным чертам могут быть связаны с биологически обусловленной вариативностью процессов переработки информации (Caspi et al., 2005).

Среди когнитивных процессов наиболее вероятным кандидатом на роль эндофенотипа для зрелой личности являются управляющие функции, позволяющие индивиду осуществлять целенаправленное поведение. Управляющие функции представляют собой комплекс самостоятельных, но скоррелированных компонентов, к которым относят выбор целей, инициацию и планирование поведения, торможение нерелевантных реакций и помех, рабочую память, когнитивную гибкость, самомониторинг (Alvarez et al., 2006; Chan et al., 2008). О связи управляющих функций с личностью свидетельствуют, в частности, исследования психических аномалий. Так, у лиц с личностными расстройствами, как правило, снижены показатели управляющих функций, у наркоманов нарушение управляющих функций коррелирует с импульсивностью, а у взрослых, в детстве страдавших нарушениями поведения, уровень управляющих функций влияет на вероятность развития антисоциального расстройства личности (Dolan et al., 2008; Stevens et al., 2003; Coolidge et al., 2004).

Согласно данным психогенетики, управляющие функции относятся к психологическим свойствам, межиндивидуальная вариативность по ко-

торым в существенной степени обусловлена генетически (Fan et al., 2001; Friedman et al., 2008). Показано, что в основе корреляций между различными компонентами управляющих функций лежит генеральный фактор с наследуемостью 99%, не сводимый к общему интеллекту или скорости переработки информации, а для отдельных компонентов обнаруживаются дополнительные — специфические — аддитивные генетические влияния (Friedman et al., 2008). При этом коэффициенты генетической корреляции между управляющими функциями и расстройствами личности составляют 0.27–0.64 (Coolidge et al., 2004).

Управляющие функции опосредованы префронтальной корой с ее корковыми и подкорковыми связями, поэтому генетические различия по ним могут быть обусловлены полиморфизмом генов, модулирующих состояние этих отделов мозга, в частности генов, участвующих в трансмиссии моноаминов, особенно дофамина и норадреналина. В связи с этим представляют интерес гены, кодирующие ферменты, которые участвуют в метаболизме моноаминов, а именно ферменты катехол-О-метилтрансферазу (COMT), моноаминоксидазу (MAO) и дофамин-β-гидроксилазу (DBH). При изучении молекулярно-генетических основ управляющих функций большое внимание было уделено гену COMT. В результате было показано, что он ассоциирован с общим интеллектом и, возможно, с рабочей памятью (Barnett et al., 2008). Относительно генов, кодирующих MAO и DBH, данных меньше, однако они также указывают на возможную

связь полиморфизма этих генов с управляющими функциями.

Ген DBH расположен на длинном плече хромосомы 9. Соответствующий белок представляет собой фермент, катализирующий превращение дофамина в норадреналин. Полиморфные участки в этом гене оказались ассоциированы с интегральным показателем управляющих функций у детей и подростков с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью (Kieling et al., 2008) и рабочей памятью у здоровых взрослых людей (Parasuraman et al., 2005). В единственном исследовании связи гена DBH с большой пятеркой личностных черт выявлена его значимая ассоциация с входящими в суперфактор «Нейротизм» импульсивностью и враждебностью у лиц с расстройствами личности (Hess et al., 2009).

Ген MAOA, кодирующий форму А фермента моноаминооксидазы, расположен на X-хромосоме. В регуляторной области (промоторе) данного гена описан полиморфизм числа tandemных повторов MAOA u-VNTR, представленный аллелями, несущими 2, 3, 3.5, 4 и 5 повторов определенного отрезка ДНК. При этом наиболее часто встречаются аллели 3 и 4. Данный полиморфизм влияет на транскрипцию гена. Аллели 3.5 и 4 связаны с высокой активностью гена и фермента, прочие — с низкой, причем аллель 3 ведет к пятикратному снижению транскрипционной активности по сравнению с аллелем 4 (Sabol et al., 1998).

Первоначально ген MAOA привлек к себе внимание в связи с формированием агрессивного поведения. С тех пор, как была описана

семья, в которой мужчины с мутацией в данном гене характеризовались асоциальным поведением, MAOA нередко называют «бойцовским геном» (warrior gene) (Brunner et al., 1993; McDarmott et al., 2009). В современных работах преимущественно изучались эффекты аллель-средовых взаимодействий на антисоциальные черты. Хотя данные не вполне однозначны, в целом они указывают, что среди детей, которые подвергались жестокому обращению со стороны родителей, риск превратиться в преступником выше у тех, кто является носителем низкоактивного аллеля MAOA-uVNTR (Caspi et al., 2002; Frazzetto et al., 2007; Weder et al., 2009 и др.). Вместе с тем имеются данные о связи маркера MAOA-uVNTR с управляющими функциями. Американские исследователи выявили его ассоциацию с управляющим компонентом внимания и уровнем активации в группе здоровых испытуемых обоих полов (Fosella et al., 2002), а итальянские ученые обнаружили связь между данным полиморфизмом и уровнем активации правой вентролатеральной области лобной коры при выполнении мужчинами задач на рабочую память (n-back) и тормозный контроль (go/no go): у носителей высокоактивного аллеля она была выше (Passamonti et al., 2006; Cerasa et al., 2008). В то же время у китайцев не было найдено связи между данным полиморфизмом и показателями управляющих функций, полученными с помощью висконсинского теста сортировки карточек (Younger et al., 2005).

Влияние одного и того же гена на различные психологические признаки

обычно объясняют плейотропным эффектом — экспрессией гена во многих регионах мозга и включением его, таким образом, в работу большого числа нейронных сетей, связанных с разными психическими функциями. Гипотеза данного исследования заключалась в том, что влияние генов дофаминергической и норадренергической систем на личностные особенности, входящие в фактор «Сознательность», осуществляется не напрямую — путем их экспрессии в релевантных этой черте структурах ЦНС, а опосредовано индивидуальными различиями по управляющим функциям. Ранее идея, что индивидуальные различия в контроле поведения, которые и отражает фактор «Сознательность», связаны с управляющим компонентом внимания, была высказана М. Познером и М. Ротбартом (Posner, Rothbart, 2000). Действительно, данные свидетельствуют о том, что способность фокусировать внимание в младенчестве предсказывает контроль поведения в детстве (Kochanska et al., 2000), а у взрослых уровень произвольного внимания непосредственно коррелирует с «Сознательностью» (Rothbart et al., 2000).

Для проверки данной гипотезы в серии исследований нами была использована психобиологическая модель индивидуальности Р. Клонингера (Cloninger et al., 2004). Р. Клонингер различает в структуре взрослой личности четыре черты темперамента и три черты характера. К последним он относит «Самонаправленность» (self-directedness), «Сотрудничество» (cooperativeness) и «Трансцендентность Я» (self-transcendence). Лица с высокой «Самонаправлен-

ностью» описываются как ответственные, надежные, целенаправленные, конструктивные и самодостаточные. Высокие оценки по шкале «Сотрудничество» созданного Р. Клонингером «Опросника темперамента и характера» (TCI) отражают способность к эмпатии, терпимость, сострадательность, готовность оказать поддержку. Люди с высокой «Трансцендентностью Я» искренние, удовлетворенные, творческие и духовные. Таким образом, хотя модель Р. Клонингера построена на иных теоретических и эмпирических основаниях, чем модели большой пятерки личностных черт, описание свойств характера в ней сходно с такими суперфакторами личности из большой пятерки, как «Сознательность», «Согласие» и «Открытость опыту» (Vouchard, McGue, 2003). Следует отметить, что и оценки наследуемости свойств, выделяемых Р. Клонингером, близки к таковым для большой пятерки и составляют 27–45% для черт характера и 30–42% для черт темперамента (Cloninger et al., 2004).

Мы предположили, что управляющие функции будут опосредовать влияние генов MAOA и DBH на оценки «Самонаправленности» как черты, отражающей способность к саморегуляции. В работе были использованы генетические маркеры MAOA-uVNTR и DBH G444A. Последний представляет собой однонуклеотидную замену в кодирующей области гена (в экзоне 2). Маркер DBH G444A коррелирует с уровнем активности фермента в плазме крови и концентрацией его в спинномозговой жидкости (Cubells et al., 1998), причем аллель А соответствует низкой активности, а G — высокой.

Обнаружены его ассоциации с рабочей памятью (Parasuraman et al., 2005). Нами ранее выявлена связь маркера DBH G444A с избирательностью зрительного внимания (Монахов и др., 2008).

Материал и методы

Основная выборка. В проведенных исследованиях использована база данных лаборатории клинической генетики НЦПЗ РАМН на здоровых лиц в возрасте от 15 до 75 лет из общей популяции, сдавших биологические образцы для выделения ДНК. Всего в серии работ, посвященных анализу взаимосвязи генов MAOA и DBH, когнитивных особенностей и личностных черт, приняли участие 613 испытуемых (средний возраст 34 ± 14 лет, 366 женщин и 247 мужчин). Величина выборки для каждого этапа исследования указана в разделе «Результаты».

Дополнительная выборка. Для изучения влияния гена MAOA на оценки по шкалам характера TCI была использована, помимо основной, и дополнительная выборка, предоставленная кафедрой психогенетики факультета психологии МГУ. Это была гомогенная группа из 299 молодых мужчин от 16 до 26 лет (средний возраст 19 ± 2 года) — курсантов высшего военного учебного заведения.

Психологическое обследование. Для измерения черт характера использовали русскоязычную версию TCI, состоящую из 125 вопросов. Управляющие функции оценивали с помощью трех методик: метода управляемых ассоциаций, серийного отсчитывания с переключением и модифицированного теста Мюнстер-

берга. Метод управляемых ассоциаций заключается в том, что испытуемого просят назвать как можно больше животных за 1 минуту, а затем как можно больше фруктов, также за 1 минуту. Суммарное количество слов по двум пробам служило показателем семантической вербальной беглости. Серийное отсчитывание с переключением представляло собой усложненную версию традиционной пробы на серийное вычитание от 100 по 7, которая используется для оценки внимания и рабочей памяти (Рубинштейн, 1970). В нашем эксперименте испытуемые должны были вычитать 2 и 5, начиная с 200, что значительно увеличивало нагрузку на рабочую память. При обследовании методом Мюнстерберга испытуемому предъявляли бланк с рядами букв, среди которых имелись слова. Задача испытуемого состояла в том, чтобы, просматривая бланк, называть эти слова. Вторая серия эксперимента была аналогична первой, однако, испытуемому давалась инструкция выполнить задание как можно быстрее и как можно точнее. Для мотивации испытуемому ему указывали 1–2 слова, которые он пропустил в первой серии. Показателями избирательного внимания служило количество найденных слов в каждой серии.

Выделение ДНК и генотипирование по маркерам MAOA-uVNTR и DBH A444G проводили по методикам, описанным ранее (Sabol et al., 1998; Монахов и др., 2008).

Статистический анализ. Поскольку ген MAOA расположен на X-хромосоме, мужчины являются носителями только одной копии гена — высокоактивной или низкоактивной.

Женщины несут два аллеля, причем могут быть гетерозиготными носителями низко- и высокоактивных аллелей. В отсутствие надежных данных об особенностях экспрессии аллелей MAOA у женщин с разными генотипами для целей настоящего исследования мы разделили всех испытуемых на носителей только низкоактивных аллелей и носителей хотя бы одного высокоактивного. Основным статистическим методом анализа взаимосвязей между генетическими маркерами, управляющими функциями и личностью, служило построение общих линейных моделей (General Linear Model, GML). Использовали программу Statistica 6.0.

Результаты

Влияние генов DBH и MAOA на управляющие функции. Для получения интегрального показателя управляющих функций (УФ) использовали метод главных компонент ($n = 329$). Четыре показателя когнитивных методик были предварительно стандартизованы. Анализ дал один значимый фактор (с собственным значением 2.01), объясняющий половину общей дисперсии когни-

тивных признаков (таблица 1). Все признаки вошли в него с высокой нагрузкой и с отрицательным знаком. Значения по фактору УФ коррелировали с возрастом ($r = 0.16$, $p = 0.005$, $n = 210$), а из черт характера — со шкалой «Сотрудничество» ($r = -0.24$, $p < 0.000$, $n = 329$).

GML-анализ, в котором независимыми переменными служили возраст испытуемых, генотипы DBH и MAOA и их взаимодействие, а зависимой значения по фактору УФ, выявил значимый главный эффект гена DBH ($F = 4.84$, $p = 0.009$, $n = 264$). Post hoc анализ с поправкой Бонферрони на множественные сравнения показал, что гомозиготы GG имели наихудшие оценки по данному фактору и значимо отличались от гомозигот AA ($p = 0.006$) и на уровне тенденции от гетерозигот AG ($p = 0.061$) (таблица 2).

Влияние генов и управляющих функций на личность. GML-анализ эффектов генов и их взаимодействия при контроле возраста на три шкалы характера TCI выявил тенденцию к влиянию гена MAOA на личность ($F = 2.43$, $p = 0.067$, $n = 202$). Унивариантный анализ показал, что эффект гена MAOA был значим для

Таблица 1

Характеристики фактора «Управляющие функции»

Признаки	Нагрузка на первую главную компоненту
Количество найденных слов в 1 серии теста Мюнстерберга	-0.72
Количество найденных слов во 2 серии теста Мюнстерберга	-0.80
Продуктивность серийного отсчитывания	-0.61
Вербальная беглость	-0.69
Доля дисперсии	0.50

Таблица 2

Значения психологических признаков в зависимости от генотипа по маркеру DBH G444A

Признак	Генотип по маркеру DBH G444A		
	AA	AG	GG
«Управляющие функции»*	-0.26±1.05 (n = 70)	-0.08±1.04 (n = 124)	0.26±0.83 (n = 70)
ТСИ «Самонаправленность»	14.96±5.16 (n = 51)	15.32±4.74 (n = 94)	14.49±4.42 (n = 57)
ТСИ «Сотрудничество»	19.75±3.84 (n = 51)	19.68±3.54 (n = 94)	18.68±3.98 (n = 57)
ТСИ «Трансцендентность Я»	5.92±3.53 (n = 51)	5.83±3.70 (n = 94)	5.23±3.01 (n = 57)

* – различия между группами значимы (более подробно см. в тексте)

Таблица 3

Значения психологических признаков в зависимости от генотипа по маркеру MAOA u-VNTR

Признак	Генотип по маркеру MAOA u-VNTR	
	LL	H
«Управляющие функции»	-0.17±1.10 (n = 40)	-0.29±0.92 (n = 117)
ТСИ «Самонаправленность»	15.17±5.89 (n = 52)	14.93±4.31 (n = 150)
ТСИ «Сотрудничество»*	18.48±4.69 (n = 52)	19.74±3.33 (n = 150)
ТСИ «Трансцендентность Я»*	4.67±3.31 (n = 52)	6.03±3.46 (n = 150)

* – различия между группами значимы (более подробно см. в тексте); L – низкоактивный аллель, H – высокоактивный

шкал «Сотрудничество» ($F = 3.97$, $p = 0.048$) и «Трансцендентность Я» ($F = 3.92$, $p = 0.049$). У носителей высокоактивного аллеля оценки по обоим шкалам были выше, чем у лиц с низкоактивными аллелями (см. таблицу 3).

Для дальнейшего анализа испытуемых разделили на две группы соответственно уровню их управляющих функций. Испытуемые с показателем УФ ниже среднего вошли в группу 1, а выше – в группу 2. Проведенный анализ, в котором незави-

симыми переменными служили генотипы MAOA и группа по фактору УФ, а также возраст испытуемых, а зависимыми значения трех шкал характера ТСИ, выявил главный эффект MAOA ($F = 5.75$, $p = 0.001$, $n = 114$). Дальнейший унивариантный анализ показал, что эта закономерность действительно для черты «Сотрудничество» ($F = 10.26$, $p = 0.002$). Кроме того, для этой черты обнаружился значимый эффект взаимодействия между УФ и MAOA ($F = 4.14$, $p = 0.044$) и тенденция к влиянию

УФ ($F = 2.83, p = 0.095$). Модель полностью объясняла 10% вариативности данной черты. Выделялась группа с низкими показателями управляющих функций и низкоактивными аллелями гена MAOA (рисунок 1). У нее были снижены относительно прочих групп оценки по шкале «Сотрудничество», причем относительно групп с высокоактивным аллелем MAOA достоверно (при низких УФ: $p = 0.002$; при высоких УФ: $p = 0.003$). Аналогичный анализ DBH G444A не обнаружил значимого эффекта этого гена или его взаимодействия с УФ на черты характера.

Мы также попытались выявить влияние пола испытуемых на обнаруженные закономерности. Поскольку после введения фактора пола в число независимых переменных сравниваемые группы оказались малы, эти результаты можно рассматривать

лишь как предварительные. Оказалось, что эффект взаимодействия УФ с генотипом на оценки по шкале «Сотрудничество» наблюдается только в подгруппе мужчин (рисунок 2). Мужчины с низкоактивным аллелем MAOA и низким значением фактора УФ имели и самые низкие оценки по шкале «Сотрудничество», отличаясь от других подгрупп мужчин на уровне p от 0.062 до 0.003.

Возрастные особенности влияния MAOA на личность. Данные о влиянии гена MAOA на характер были проверены далее с помощью дополнительной выборки, т. е. в гомогенной группе молодых мужчин-курсантов. Проведенный анализ не обнаружил влияния эффекта MAOA на черты характера. Расширенный анализ шкал опросника и сравнение основной и дополнительной выборок показали, что в группе курсантов ген

Рисунок 1

Зависимость оценок по шкале «Сотрудничество» от показателя управляющих функций в группах носителей высоко- и низкоактивных аллелей MAOA

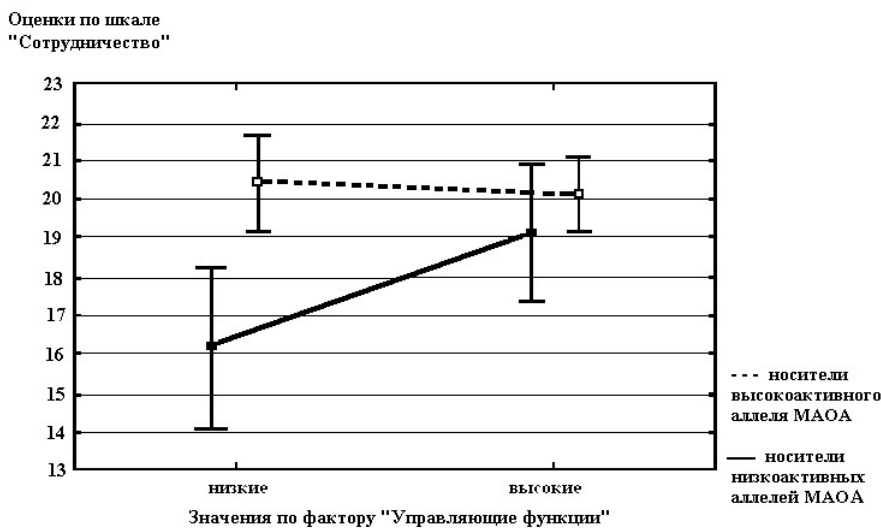
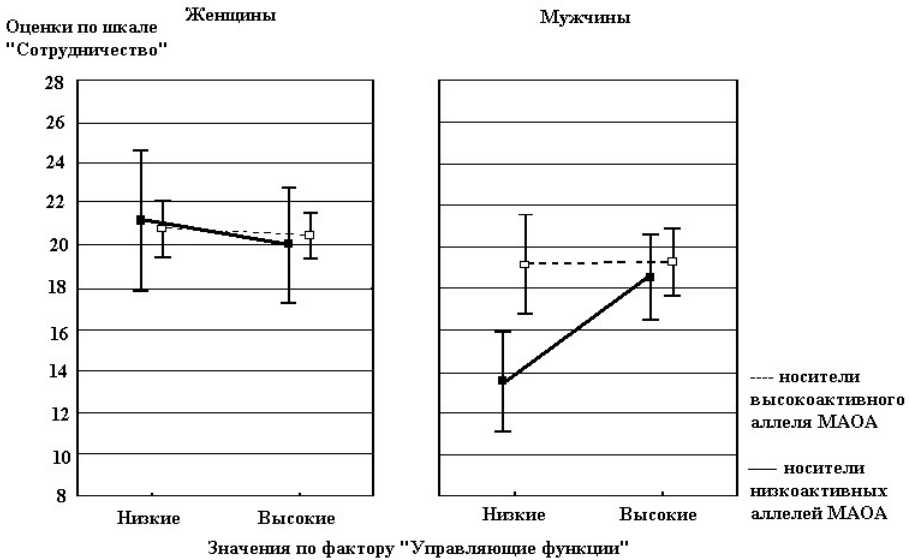

Рисунок 2

Зависимость оценок по шкале «Сотрудничество» от показателя управляющих функций и пола в группах носителей высоко- и низкоактивных аллелей МАОА

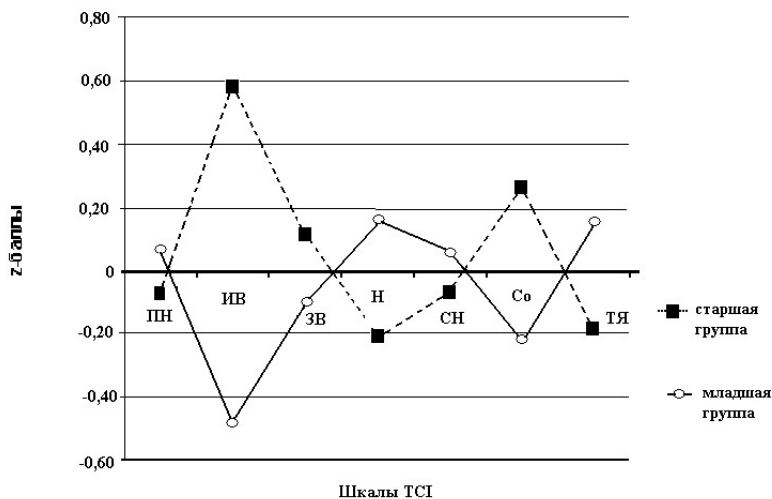
значимо влиял на оценки по шкале темперамента «Настойчивость» ($F = 10.15, p = 0.016$). В основной группе связи гена с чертами темперамента не было. Нужно отметить, что основная и дополнительная выборки значимо различались как по возрасту, так и по большинству шкал ТСИ (за исключением «Поиска новизны» и «Самонаправленности») (рисунок 3). GML-анализ влияния МАОА на «Настойчивость» и «Сотрудничество» показал, что для «Настойчивости» имел место главный эффект генотипа ($F = 5.87, p = 0.016$), а для «Сотрудничества» — взаимодействие генотипа и группы ($F = 4.53, p = 0.034$). По шкале «Сотрудничество» максимальные оценки были у основной (старшей) группы с высокоактивным аллелем, которая значи-

мо отличалась от курсантов с низко- и высокоактивными аллелями МАОА ($p < 0.000$).

Обсуждение

Полученные данные свидетельствуют о влиянии генетических особенностей фермента МАОА на оценки по шкале «Сотрудничество», а не «Самонаправленность», как мы предполагали. Кроме того, они указывают, что эффект влияния гена МАОА на личность не опосредован управляющими функциями, а транслируется через иные психические процессы. При этом управляющие функции модулируют влияние данного гена на личность. В отличие от гена МАОА ген DBH не влиял на личностные особенности, но отвечал

Усредненные профили индивидуальности по тесту ТСИ в молодой и старшей группах

Примечание. Шкалы: ПН — «Поиск новизны», ИВ — «Избегание вреда», ЗВ — «Зависимость от вознаграждения», Н — «Настойчивость», СН — «Самонаправленность», Со — «Сотрудничество», ТЯ — «Трансцендентность Я»

за часть генетической вариативности управляющих функций. Таким образом, оказалось, что, несмотря на вовлеченность обоих генов в метаболизм моноаминов, они связаны с различными аспектами индивидуальности.

Данные об ассоциации гена MAOA с «Сотрудничеством», хотя и противоречат нашей исходной гипотезе, хорошо согласуются с представлениями о вкладе MAOA в формирование асоциальной личности. Эта шкала отражает особенности межличностного взаимодействия, и экспериментальные данные свидетельствуют о снижении «Сотрудничества» у преступников с психопатическими особенностями (Mokros et al., 2008). Полученные нами результаты подтверждают, что высокоак-

тивный аллель MAOA является генетическим фактором, способствующим формированию личности с выраженными просоциальными наклонностями, а низкоактивный повышает чувствительность к неблагоприятным факторам среды, ведущим к развитию асоциальных черт. Поскольку, согласно результатам работы, влияние гена MAOA на характер не опосредствовано процессами, вовлеченными в когнитивный контроль, оно, возможно, осуществляется через особенности эмоционального реагирования. Это, в свою очередь, может быть обусловлено участием MAOA в обмене серотонина, который обычно связывают не только с импульсивностью и агрессией (Coccaro et al., 1989), но также с тревогой и межличностной чувствительностью

как способом интеграции в социум (Lesch, Moessner, 1998). В пользу этого предположения свидетельствуют результаты последних исследований. Так, показано, что носительство низкоактивных аллелей МАОА коррелирует с чертой «межличностная гиперчувствительность», отражающей постоянные сомнения в себе, ощущение, что окружающие недоброжелательны и т. п. Причем последняя, вместе с гиперактивацией дорсальных отделов передней поясной коры в ситуации, моделирующей социальное отвержение, опосредует влияние гена МАОА на агрессивность (Eisenberger et al., 2007). Кроме того, носительство низкоактивных аллелей ассоциировано с нарушением обработки информации о негативных эмоциях по данным исследований методом вызванных потенциалов (Williams et al., 2009), связано с резким возрастанием агрессивности при усилении средовой провокации (в игровой ситуации, в которой испытуемый мог наказать оппонента за «воровство») (McDermott et al., 2009), и ведет к более быстрому истощению гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси в условиях хронического стресса (Brummett et al., 2008).

Наши данные указывают также на то, что развитые управляющие функции способствуют формированию сотрудничества у индивидов, генетические особенности фермента МАОА которых не предрасполагают к просоциальному поведению. Таким образом, низкоактивные аллели обеспечивают более высокую чувствительность индивидов не только к травмирующим, но и к протективным факторам. Аналогичный вывод

сделали Е. Киннали с соавт. (Kin-nally et al., 2009), показавшие, что родительская забота может смягчать агрессивность у носителей низкоактивных аллелей МАОА, хотя не влияет на эту черту в группе гомозигот по высокоактивным аллелям.

Обращают на себя внимание возрастные и половые аспекты связи генетических особенностей МАОА с личностными характеристиками. Результаты исследования дополнительной выборки показали, что в молодом возрасте, во время интенсивного формирования личности, влияние этого гена проявляется в вариативности черты темперамента «Настойчивость». Ранее при исследовании большой когорты японцев ($n = 558$) также была найдена связь между носительством высокоактивных аллелей МАОА с высокими оценками по шкале «Настойчивость», но только у женщин (Tsuchimine et al., 2008). В модели Р. Клонингера лица с высокой «Настойчивостью» описываются как амбициозные, упорные люди, которые воспринимают периодически возникающие препятствия как личный вызов, удваивая усилия для достижения цели. Высокая «Настойчивость» представляется оптимальной жизненной стратегией в тех случаях, когда вознаграждение не гарантировано, а достается лишь периодически, поскольку способствует закреплению форм поведения, которые когда-либо ранее поощрялись. Первоначально «Настойчивость» входила в шкалу темперамента «Зависимость от вознаграждения», отражающую такие аспекты общительности, как чувствительность, теплота и зависимость от поддержки окружающих. Позже

на основе эмпирических, в том числе психогенетических данных, она была признана самостоятельным свойством темперамента (Cloninger et al., 2004). Выявленный нами переход от ассоциаций гена MAOA с «Настойчивостью» в молодом возрасте к его корреляциям с «Сотрудничеством» в более зрелом позволяет предположить, что одним из важных психологических механизмов, опосредующих влияние гена MAOA на просоциальное поведение, является склонность к закреплению социально-вознаграждаемых форм поведения, а не социальная чувствительность или эмоциональная зависимость, входящие в черту «Зависимость от вознаграждения».

Что касается половых различий, то следует отметить, что генотип-средовое взаимодействие для MAOA обнаруживалось чаще для мужчин (например, Caspi et al., 2002; Frazzetto et al., 2007; Widom, Brzustowicz, 2006; Nilsson et al., 2005). В то же время непосредственный эффект гена на агрессивность был найден в некоторых смешанных по полу выборках и у женщин (Prom-Wormley et al., 2009). Полученные нами данные вполне укладываются в эти тенденции, свидетельствующие о более высокой «чувствительности» мужчин к широкому кругу факторов, влияющих на формирование агрессивности.

В отличие от полиморфизма гена MAOA полиморфизм гена DBH не влиял на свойства характера, но вносил вклад в вариативность управляющих функций. Различия в действии этих двух генов могут быть связаны с их специфической ролью в обмене моноаминов и опосредованы

разными отделами префронтальной коры: дорсолатеральными, отвечающими за управляющие функции, и вентромедиальным и орбитофронтальными, вовлеченными в регуляцию импульсивного поведения и обработку социоэмоциональных сигналов. Так, на животных моделях показано, что «выключение» гена MAOA ведет к росту оборота серотонина и снижению норадреналина, в то время как «выключение» гена DBH связано с интенсификацией норадреналиновой трансмиссии (Viggino et al., 2004). Известно, что норадреналиновая система связана с вниманием. Манипуляции с ней влияют на устойчивость зрительного внимания в условиях помех и в ситуациях с низкой предсказуемостью у крыс (Dalley et al., 2001). У человека норадреналиновая нейромодуляция коррелирует с показателями рабочей памяти (Ramos et al., 2007) и избирательного внимания (De Martino et al., 2008). Данные изучения генетических маркеров, расположенных в локусе DBH, непосредственно указывают на связь этого гена с особенностями произвольного внимания (Greene et al., 2009; Bellgrove et al., 2006). Наши результаты также свидетельствуют о вкладе гена DBH в вариативность управляющих функций и компонентов избирательного внимания в том числе. Можно предположить, что через управляющие функции ген DBH влияет и на черты личности, связанные с просоциальным поведением. Однако прямого влияния гена на личность мы не обнаружили. Возможно, это влияние очень мало, и для его выявления нужна выборка большего размера.

Интересно отметить, что хотя для оценки управляющих функций в

данной работе были использованы задачи с высокой нагрузкой на избирательное внимание и рабочую память, полученный нами интегральный когнитивный показатель коррелировал со шкалой «Сотрудничество». Этот результат противоречит гипотезе о том, что когнитивный контроль (управляющие функции) должен в первую очередь вносить вклад в контроль поведения («Самонаправленность»). Однако он согласуется с эмпирическими данными об ассоциации различных аспектов управляющих функций с рядом антисоциальных черт. Так, показано, что нарушения внимания в виде его чрезмерной сфокусированности коррелируют с социальной доминантностью и бессердечием, а нарушения рабочей памяти — с отчужденностью и цинизмом (Sadeh, Verona, 2008).

Заключение

В современных молекулярно-генетических исследованиях нередко обнаруживаются связи между конкретным геном и широким спектром психологических признаков, относящихся к разным уровням индивидуальности. Обычно это объясняют тем, что существенная часть генов экспрессируется в большинстве структур мозга и может включаться в различные нейронные системы, обеспечивающие психическую деятельность. Гипотеза нашей работы заключалась в том, что влияние определенных генов на характеристики личности может быть опосредствовано их участием в формировании различий по нейрокогнитивным при-

знакам. В частности, мы предполагали, что гены, связанные с дофаминовой и норадреналиновой нейромодуляцией префронтальной коры — МАОА и DBH, могут вести к индивидуальным различиям по саморегуляции (сознательности) через влияние на управляющие функции. Данная гипотеза не подтвердилась. Однако проведенные исследования позволили установить ряд важных фактов и закономерностей. Как ранее другие авторы, мы обнаружили ассоциацию гена МАОА с чертами личности, связанными с просоциальным поведением. При этом нами было показано, что развитые управляющие функции модулируют эти отношения, способствуя формированию просоциальных черт у носителей низкоактивного (ассоциированного с агрессивностью) аллеля МАОА. Исследование возрастных аспектов связи между МАОА и характеристиками индивидуальности позволило высказать предположение о том, что одним из важных психологических механизмов, опосредующих влияние гена МАОА на сотрудничество, является склонность к закреплению социально-вознаграждаемых форм поведения. Наконец, нами было показано, что в отличие от МАОА ген DBH отвечает за часть вариативности управляющих функций. Такая специфичность взаимосвязей между каждым из генов и психологическими признаками является аргументом против развиваемой в последнее время концепции «генов-генералистов», согласно которой большинство генов, экспрессирующихся в ЦНС, участвует в модуляции каждого из когнитивных процессов (Kovas, Plomin, 2006).

Литература

- Алфимова М.В. Генные основы темперамента // Психогенетика. Хрестоматия / Авт.-сост. М.В. Алфимова, И.В. Равич-Щербо. М.: Academia, 2006. С. 143–156.
- Анохин А.П., Веденяпин А.Б. Генетические влияния на функционирование мозга человека // Психогенетика. Хрестоматия / Авт.-сост. М.В. Алфимова, И.В. Равич-Щербо. М.: Academia, 2006. С. 113–142.
- Марютина Т.М. Промежуточные фенотипы интеллекта в контексте генетической психофизиологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 22–47.
- Монахов М.В., Алфимова М.В., Голимбет В.Е., Чубабрия К.В., Карнов В.Л. Полиморфный маркер G444A гена DBH ассоциирован с избирательным вниманием у больных шизофренией и психически здоровых людей // Мед. генетика. 2008. Т. 7. № 5. С. 26–29.
- Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М.: Медицина, 1970.
- Alvarez J.A., Emory E. Executive Function and the Frontal Lobes: A Meta-Analytic Review // Neuropsychol. Rev. 2006. 16. 17–42.
- Barnett J.H., Scoriels L., Munafo M.R. Meta-Analysis of the Cognitive Effects of the Catechol-O-Methyltransferase Gene Val158/108Met Polymorphism // Biol. Psychiatry. 2008. 64. 137–144.
- Bellgrove M.A., Mattingley J.B., Hawi Z., Mullins C., Kirley A., Gill M., Robertson I.H. Impaired temporal resolution of visual attention and dopamine beta hydroxylase genotype in attention-deficit/hyperactivity disorder // Biol. Psychiatry. 2006. 60. 1039–1045.
- Bouchard T.J., McGue M. Genetic and Environmental Influences on Human Psychological Differences // J. Neurobiol. 2003. 54. 4–45.
- Brummett B.H., Boyle S.H., Siegler I.C., Kuhn C.M., Surwit R.S., Garrett M.E., Collins A., Ashley-Koch A., Williams R.B. HPA axis function in male caregivers: effect of the monoamine oxidase-A gene promoter (MAOA-uVNTR) // Biol. Psychol. 2008. 79. 250–255.
- Brunner H.G., Nelen M., Breakefield X.O., Ropers H.H., van Oost B.A. Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamine oxidase A // Science. 1993. 262. 578–580.
- Caspi A., McClay J., Moffitt T.E., Mill J., Martin J., Craig I.W., Taylor A., Poulton R. Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children // Science. 2002. 297. 851–854.
- Caspi A., Roberts B.W., Shiner R.L. Personality Development: Stability and Change // Annu. Rev. Psychology. 2005. 56. 453–484.
- Cerasa A., Gioia M.C., Fera F., Passamonti L., Liguori M., Lanza P., Muglia M., Mavigliano A., Quattrone A. Ventro-lateral prefrontal activity during working memory is modulated by MAO A genetic variation // Brain Res. 2008. 1201. 114–121.
- Chan R.C.K., Shum D., Touloupoulou T., Chen E.Y.H. Assessment of executive functions: Review of instruments and identification of critical issues // Arch. Clin. Neuro-psychol. 2008. 23. 201–216.
- Cloninger C.R., Przybeck T.R., Svrakic D.M., Wetzel R.D. The Temperament and Character Inventory (TCI): A guide to its development and use. St. Louis, MO: Center for Psychobiology of Personality, 1994.
- Coccaro E.F., Siever L.J., Klar H.M., Maurer G., Cochrane K., Mohs R.C., Davis K.L. Serotonergic studies in affective and personality disorder: Correlates with suicidal

and impulsive aggressive behavior // Arch. Gen. Psychiatry. 1989. 46. 587–599.

Coolidge F.L., Thede L.L., Jang K.L. Are personality disorders psychological manifestations of executive function deficits? Bivariate heritability evidence from a twin study // Behav. Genet. 2004. 34. 75–84.

Cubells J.F., van Kammen D.P., Kelley M.E., Anderson G.M., O'Connor D.T., Price L.H., Malison R., Rao P.A., Kobayashi K., Nagatsu T., Gelernter J. Dopamine beta-hydroxylase: Two polymorphisms in linkage disequilibrium at the structural gene DBH associate with biochemical phenotypic variation // Hum. Genet. 1998. 102. 533–540.

Dalley J.W., McGaughy J., O'Connell M.T., Cardinal R.N., Levita L., Robbins T.W. Distinct changes in cortical acetylcholine and noradrenaline efflux during contingent and noncontingent performance of a visual attentional task // J. Neurosci. 2001. 21. 4908–4914.

De Martino B., Strange B.A., Dolan R.J. Noradrenergic neuromodulation of human attention for emotional and neutral stimuli // Psychopharmacology (Berl). 2008. 197. 127–136.

Dolan S.L., Bechara A., Nathan P.E. Executive dysfunction as a risk marker for substance abuse: the role of impulsive personality traits // Behav. Sci. Law. 2008. 26. 799–822.

Eisenberger N., Way B.M., Taylor S.E., Welch W.T., Lieberman M.D. Understanding Genetic Risk for Aggression: Clues from the Brain's Response to Social Exclusion // Biol. Psychiatry. 2007. 61. 1100–1108.

Frazzetto G., Di Lorenzo G., Carola V., Proietti L., Sokolowska E., Siracusano A., Gross C., Troisi A. Early Trauma and Increased Risk for Physical Aggression during Adulthood: The Moderating Role of MAOA Genotype // PLoS ONE. 2007. 2. e486.

Fan J., Wu Y., Fossella J.A., Posner M.I. Assessing the heritability of attentional

networks // BMC Neuroscience. 2001. 2. 14–18.

Fossella J., Sommer T., Fan J., Wu Y., Swanson J.M., Pfaff D.W., Posner M.I. Assessing the molecular genetics of attention networks // BMC Neuroscience. 2002. 3. 14–19.

Friedman N., Miyake A., Young S., De-Fries J., Corley R., Hewitt J. Individual Differences in Executive Functions Are Almost Entirely Genetic in Origin // J. Exp. Psychol. Gen. 2008. 137. 201–225.

Gottesman I.I., Gould T.D. The endophenotype concept in psychiatry: etymology and strategic intentions // Am. J. Psychiatry. 2003. 160. 636–646.

Greene C.M., Bellgrove M.A., Gill M., Robertson I.H. Noradrenergic genotype predicts lapses in sustained attention // Neuropsychologia. 2009. 2. 591–594.

Hess C., Reif A., Strobel A., Boreatti-Hummer A., Heine M., Lesch K.P., Jacob C.P. A functional dopamine-beta-hydroxylase gene promoter polymorphism is associated with impulsive personality styles, but not with affective disorders // J. Neural. Transm. 2009. 116. 121–130.

Kieling C., Genro J.P., Hutz M.H., Rohde L.A. The -1021 C/T DBH polymorphism is associated with neuropsychological performance among children and adolescents with ADHD // Am. J. Med. Genet. B Neuropsychiatr. Genet. 2008. 147B. 485–490.

Kinnally E.L., Huang Y.Y., Haverly R., Burke A.K., Galfalvy H., Brent D.P., Oquendo M.A., Mann J.J. Parental care moderates the influence of MAOA-uVNTR genotype and childhood stressors on trait impulsivity and aggression in adult women // Psychiatr. Genet. 2009. 19. 126–133.

Kochanska G., Murray K.T., Harlan E.T. Effortful control in early childhood: continuity and change, antecedents, and implications for social development // Dev. Psychol. 2000. 36. 220–232.

Kovas Y., Plomin R. Generalist genes: implications for the cognitive sciences // *Trends Cogn. Sci.* 2006. 10. 198–203.

Lesch K.P., Moessner R. Genetically driven variation in serotonin uptake: is there a link to affective spectrum, neurodevelopmental, and neurodegenerative disorders? // *Biol. Psychiatry.* 1998. 44. 179–192.

McDermott R., Tingley D., Cowden J., Frazzetto G., Johnson D.D. Monoamine oxidase A gene (MAOA) predicts behavioral aggression following provocation // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA.* 2009. 106. 2118–2123.

Mokros A., Menner B., Eisenbarth H., Alpers G.W., Lange K.W., Osterheider M. Diminished cooperativeness of psychopaths in a prisoner's dilemma game yields higher rewards // *J. Abnorm. Psychol.* 2008. 117. 406–413.

Nilsson K.W., Sjoberg R.L., Damberg M., Leppert J., Ohrvik J., Alm P.O., Lindstrom L., Orelund L. Role of monoamine oxidase A genotype and psychosocial factors in male adolescent criminal activity // *Biol. Psychiatry.* 2005. 59. 121–127.

Parasuraman R., Greenwood P.M., Kumar R., Fossella J. Beyond heritability: neurotransmitter genes differentially modulate visuospatial attention and working memory // *Psychol. Sci.* 2005. 16. 200–207.

Passamonti L., Fera F., Magariello A., Cerasa A., Gioia M.C., Muglia M., Nicoletti G., Gallo O., Provinciali L., Quattrone A. Monoamine oxidase-a genetic variations influence brain activity associated with inhibitory control: new insight into the neural correlates of impulsivity // *Biol. Psychiatry.* 2006. 59. 334–340.

Posner M.I., Rothbart M.K. Developing mechanisms of self-regulation // *Dev. Psychopathol.* 2000. 12. 427–441.

Prom-Wormley E.C., Eaves L.J., Foley D.L., Gardner C.O., Archer K.J., Wormley B.K., Maes H.H., Riley B.P., Silberg J.L. Monoa-

mine oxidase A and childhood adversity as risk factors for conduct disorder in females // *Psychol. Med.* 2009. 39. 579–590.

Ramos B.P., Arnsten A.F. Adrenergic pharmacology and cognition: focus on the prefrontal cortex // *Pharmacol. Ther.* 2007. 113. 523–536.

Rothbart M.K., Ahadi S.A., Evans D.E. Temperament and personality: origins and outcomes // *J. Personal. Soc. Psychol.* 2000. 78. 122–135.

Sabol S.Z., Hu S., Hamer D. A functional polymorphism in the monoamine oxidase A gene promoter // *Hum. Genet.* 1998. 103. 273–279.

Sadeh N., Verona E. Psychopathic Personality Traits Associated With Abnormal Selective Attention and Impaired Cognitive Control // *Neuropsychology.* 2008. 22. 669–680.

Stevens M.C., Kaplan R.F., Hesselbrock V.M. Executive-cognitive functioning in the development of antisocial personality disorder // *Addictive behaviors.* 2003. 28. 285–300.

Tsuchimine S., Yasui-Furukori N., Kaneda A., Saito M., Nakagami T., Sato K., Kaneko S. Association between monoamine oxidase A (MAOA) and personality traits in Japanese individuals // *Prog. Neuropsychopharmacol. Biol. Psychiatry.* 2008. 32. 1932–1935.

Viggiano D., Ruocco L.A., Arcieri S., Saldile A.G. Involvement of norepinephrine in the control of activity and attentive processes in animal models of attention deficit hyperactivity disorder // *Neural. Plast.* 2004. 11. 133–149.

Weder N., Yang B.Z., Douglas-Palumberi H., Massey J., Krystal J.H., Gelernter J., Kaufman J. MAOA genotype, maltreatment, and aggressive behavior: the changing impact of genotype at varying levels of trauma // *Biol. Psychiatry.* 2009. 65. 417–424.

Widom S.C., Brzustowicz L.M. MAOA and the «Cycle of Violence»: Childhood Abuse and Neglect, MAOA Genotype, and

Risk for Violent and Antisocial Behavior // Biol. Psychiatry. 2006. 60. 684–689.

Williams L.M., Gatt J.M., Kuan S.A., Dobson-Stone C., Palmer D.M., Paul R.H., Song L., Costa P.T., Schofield P.R., Gordon E. A Polymorphism of the MAOA Gene is Associated with Emotional Brain Markers and Personality Traits on an Antisocial In-

dex // Neuropsychopharmacology. 2009. 34. 1797–1809.

Yuc Y.W., Tsaia S.J., Honga C.J., Chend M.C., Yange C.W., Chen T.J. Association Study of a Functional MAOA-uVNTR Gene Polymorphism and Cognitive Function in Healthy Females // Neuropsychobiology. 2005. 52. 77–82.

*Специальная тема выпуска:
Юбилей В.Д. Шадрикова*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

18 ноября 2009 г. — юбилей Владимира Дмитриевича Шадрикова, научного руководителя факультета психологии ГУ ВШЭ, академика Российской академии образования, доктора психологических наук, профессора. Владимир Дмитриевич известен не только как крупный психолог, лидер научной школы, но и как человек, много и плодотворно поработавший на государственной службе. Он внес большой вклад в развитие системы отечественно образования, занимая в течение долгих лет руководящие посты — ректора Ярославского государственного педагогического института, заместителя министра просвещения СССР, первого заместителя председателя Госкоми-

тета СССР по образованию, заместителя и первого заместителя министра образования Российской Федерации.

Нам особенно хочется отметить, что именно благодаря усилиям В.Д. Шадрикова стало возможным появление в 2004 году нашего журнала. Владимир Дмитриевич также активно участвовал в формировании его концепции и постоянно работает с текущими материалами.

Ниже публикуются интервью с В.Д. Шадриковым, а также материалы его друзей и учеников, посвященные его юбилею.

Журнал со своей стороны желает Владимиру Дмитриевичу новых успехов, долголетней научной деятельности и человеческого счастья.

ИНТЕРВЬЮ С В.Д. ШАДРИКОВЫМ

Редакция. Владимир Дмитриевич, спасибо за согласие ответить на несколько вопросов! Вам многого удалось добиться в жизни. Скажите, пожалуйста, кому из встреченных на жизненном пути людей Вы в наибольшей степени обязаны Вашими успехами? Кто был для Вас образцом в науке и в сфере государственной службы?

В.Д. Шадриков. В своей жизни я встречался со многими людьми, которые оказали большое влияние на мое формирование. Жанр интервью предполагает, чтобы я выделил несколько. К таким людям я бы отнес Василия Степановича Филатова, который открыл мне путь в психологию, Бориса Федоровича Ломова, который был образцом доброжелательного отношения к другим людям и примером служения психологической науке, Евгения Павловича Ильина, который показал, что научное исследование требует огромного и постоянного труда исследователя, независимого от его ученой степени и служебного положения.

Из числа сослуживцев я бы выделил Сергея Георгиевича Щербакова, министра просвещения СССР, который для меня был и остается образцом государственного человека. Он прошел трудный путь Великой Отечественной войны, служа в полковой разведке, окончил аспирантуру, прошел стажировку в США и, будучи доктором наук, более 20 лет был одним из руководителей науки в СССР. Его отличала постоянная скромность, желание вникнуть в сущность проблем, которые он должен был решать, и неизменное руководство в своей деятельности интересами нашей страны.

Наука

Редакция. Могли бы Вы назвать несколько человек, которые, с Вашей точки зрения, оказали наибольшее влияние на современную психологию? В чем их вклад?

В.Д. Шадриков. Мне трудно назвать имена отдельных ученых, которые оказали наибольшее влияние на современную психологию, потому что это были бы имена людей, которые всем известны. Назову лишь некоторых, на труды которых я опирался и опираюсь в своей работе: Борис Михайлович Теплов, Сергей Леонидович Рубинштейн, Александр Романович Лурия, Дмитрий Александрович Ошанин, Лев Семенович Выготский, Борис Герасимович Ананьев, Ксения Александровна Абульханова, Борис Федорович Ломов, Инна Владимировна Равич-Щербо.

Редакция. Как Вы оцениваете современное состояние российской психологии? Достойно ли она продолжает дело предшествующих поколений? Как выглядит на фоне того, что делается в других странах?

В.Д. Шадриков. Оценить современное состояние российской психологии однозначно очень трудно. Несомненно, что более интенсивно сегодня развиваются такие отрасли как психология личности в ее различных измерениях, психотерапия, психологическое консультирование, психология способностей, психогенетика... Вместе с тем можно отметить снижение уровня исследования в области психологии труда и инженерной психологии, нейропсихологии. Можно констатировать, что в психологии действует закон неравномерного и гетерохронного развития. Развитие психологии тесно связано с запросами, которые формируют экономика и общество. Как и любая наука, психология предполагает значительные финансовые вложения для своего развития. Хотя одними деньгами, конечно, дело не решается, нужны еще и новые идеи. И в этом плане российская психология выглядит достойно.

Психология чиновника

Редакция. Вы изучили структуры власти «изнутри». В адрес власти, бюрократии раздается много недоброжелательных слов. Справедливо ли это? Скажите, пожалуйста, почему, с Вашей точки зрения, совместная работа весьма умных людей порой приводит к плохим решениям?

В.Д. Шадриков. Как известно, слово «чиновник» означает человека, имеющего чин и служащего государю. Современный чиновник чин имеет, но кому служит — неясно. От того, кому или чему служит человек, зависит его отношение к делу и другим людям. Среди своих коллег в основном я наблюдал людей, которые честно исполняли свои обязанности, ответственно относились к порученному делу, заботились о качественном образовании в России. И мне представляется несправедливым, когда о чиновниках мы слышим только отрицательную информацию. С гораздо большим неуважением к человеку я сталкиваюсь в других сферах, например, в сфере обслуживания.

Совместная работа весьма умных людей может приводить к разным результатам, так как ум не единственный фактор, определяющий успешность совместной деятельности, это мы хорошо знаем из психологии.

Российское образование

Редакция. Порой приходится слышать, что современная российская школа уступает советской. Согласны ли Вы с этим? Что, с Вашей точки зрения, удалось сделать наиболее принципиального в сфере школьного образования в постсоветские годы? Смотрите ли Вы с оптимизмом на будущее российского образования? Какие проблемы здесь предстоит решить?

В.Д. Шадриков. Нельзя оценить такой организм, как российская школа, однозначно. Советская школа имела значительные достижения. Недаром президент США Дж. Кеннеди сказал, что битву за космос Советский Союз выиграл за школьной партой. И именно успехи советской школы послужили стимулом для реформы образования во многих зарубежных странах. Советская школа строилась на принципах высокого образования для всех, при этом образование было недостаточно дифференцировано. В настоящее время сделан значительный шаг на пути индивидуализации образовательного процесса, открылись новые возможности для реализации инновационных проектов, в целом школа стала более демократичной. Но при этом произошло снижение качества образования в определенных областях, о чем свидетельствуют результаты международных сравнительных исследований. Российская современная школа показывает высокие достижения в изучении отдельных предметов, что отражается на результатах международных олимпиад школьников. Мы имеем образцы высокого образования, и это вселяет надежду. Но «светлое» будущее не придет само, нужно достойное финансирование и упорная работа по формированию современного корпуса педагогических кадров, способного реализовать задачи построения новой школы.

К 70-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА ШАДРИКОВА

Л.В. ЧЕРЕМОШКИНА

В 2009 г. исполняется 70 лет Владимиру Дмитриевичу Шадрикову — выдающемуся психологу и педагогу из числа основателей ярославской психологической школы, ставшей одной из ведущих психологических школ России, и ее безусловному лидеру, доктору психологических наук, профессору, академику РАО, широко известному в России и за рубежом руководителю и активному реформатору системы образования, много сделавшему для ее развития.

В.Д. Шадриков родился 18 ноября 1939 г. в городе Рыбинске Ярославской области. Отец — Дмитрий Иванович (1916–1999) — мастер, заместитель начальника цеха машиностроения (опытное производство). Мама — Ираида Константиновна (1917) начинала свою трудовую деятельность контролером на Рыбинском авиационном заводе, впоследствии домохозяйка.

Окончив Рыбинскую среднюю школу № 1 с серебряной медалью, В.Д. Шадриков поступил в 1957 г. на физико-математический факультет Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского. По окончании института в 1962 г. Владимир Дмитриевич поехал работать учителем в среднюю школу поселка Эвенск Магаданской

области. Затем он стал директором вечерней школы рабочей молодежи в том же поселке, инспектором районного отдела народного образования. В 1965 г. В.Д. Шадриков поступает в аспирантуру Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского, его руководителем становится профессор В.С. Филатов. В 1968 г. В.Д. Шадриков успешно защитил кандидатскую диссертацию «Сигнальное программирование и оптимизация подачи информации оператору».

В 1970 г. Владимир Дмитриевич начинает преподавать во вновь создаваемом Ярославском государственном университете. Здесь он последовательно занимал должности доцента, профессора, заведующего кафедрой, декана психологического факультета, проректора по учебной работе. Под его руководством и при непосредственном участии прошло становление факультета психологии, который в короткий период вошел в тройку ведущих в стране (наряду с факультетами МГУ и ЛГУ). Созданная им кафедра психологии труда и инженерной психологии стала настоящей «кузницей» высококвалифицированных кадров как для вузовской системы, так и для промышленных предприятий страны. Работая

в должности проректора университета, В.Д. Шадриков внес огромный вклад в организацию учебной работы ЯрГУ, определив его развитие в этом направлении на много лет вперед. Студентам, учившимся на психологическом факультете в конце 1970-х годов, Владимир Дмитриевич запомнился как блестящий лектор; прочитанный им курс по экспериментальной психологии во многом определил их профессиональное становление и направление последующей деятельности. Преподавательскую работу В.Д. Шадриков успешно сочетал с научной. За период работы в университете им была подготовлена и защищена в ЛГУ докторская диссертация «Системный подход в психологии производственного обучения» (1976), которая легла в основу его известной книги «Проблемы системогенеза профессиональной деятельности» (М.: Наука, 1982). В.Д. Шадриков выявил компонентный состав психологической системы деятельности, закономерности ее формирования, указав на неравномерность и оперативность развития ее структурных элементов. Спустя более четверти века эта работа по-прежнему является настольной книгой для специалистов в области психологии труда, ибо вскрывает объективные закономерности формирования деятельности.

Монографии В.Д. Шадрикова «Психология производственного обучения» (1974, 1976), «Проблемы системогенеза профессиональной деятельности» (1982) заложили основу научной школы по проблемам системогенеза деятельности. Теоретические, эмпирические и экспериментальные исследования, выполненные впоследствии и широко подтвердив-

шие закономерности системогенеза деятельности, способствовали переходу психологии труда на качественно новый уровень, базирующийся на методологически и методически обоснованном психологическом анализе деятельности.

За работы, выполненные в этот период, Владимир Дмитриевич Шадриков был избран в 1982 г. членом-корреспондентом АПН СССР.

В 1982 г. Владимир Дмитриевич назначается ректором Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского. На этом посту он внес огромный вклад в развитие вуза, в совершенствование всех сторон его деятельности. В короткий срок институт стал призером Всесоюзного конкурса высших учебных заведений. Ему дважды присуждалось переходящее знамя ЦК КПСС, Совета министров СССР.

В этот период Владимиром Дмитриевичем были опубликованы три статьи в «Психологическом журнале»: «Проблемы профессиональных способностей» (1980, т. 3, № 5); «О содержании понятий “способности” и “одаренность”» (1983, т. 4, № 5); «О структуре познавательных способностей» (1985, т. 6, № 3), которые стимулировали осмысление методологических и теоретических основ психологии общих и специальных способностей. Определение способностей как свойств функциональных систем мозга, реализующих конкретные психические функции, данное Владимиром Дмитриевичем, позволило наметить пути решения проблем соотношения способностей и задатков, структуры способностей, а также определить задачи создания новых эффективных методов исследе-

дования и диагностики способностей. В 1996 г. за цикл работ по психологии способностей Владимиру Дмитриевичу присуждена премия имени С.Л. Рубинштейна Президиума РАН. В настоящее время теория способностей В.Д. Шадрикова является методологической основой целой серии экспериментальных работ в области общих и специальных способностей, их развития и формирования.

В 1985 г. В.Д. Шадриков получает приглашение в Москву на должность заместителя министра просвещения СССР. В дальнейшем он занимал должности первого заместителя председателя Госкомитета СССР по образованию — министра СССР (1988–1991), заместителя министра образования Российской Федерации (1991–2001). На этих постах Владимир Дмитриевич внес существенный вклад в развитие общего среднего образования, при его участии в школах был введен новый предмет «Информатика», базисный учебный план как основа построения учебного процесса, его индивидуализации. Впервые был проведен конкурс школьных учебников, на основе которого в педагогическую практику были рекомендованы несколько учебников по одному и тому же предмету на выбор учеников и учителя. Владимир Дмитриевич участвовал в подготовке первого съезда работников образования СССР, решения которого легли в основу демократизации системы образования в стране. При участии В.Д. Шадрикова был проведен первый общесоюзный конкурс «Учитель года». В этот же период он активно занимается вопросами организации педагогической науки. В долж-

ности исполняющего обязанности Президента АПН СССР (1989–1990) под его руководством была проведена значительная работа по реорганизации деятельности академии.

В области высшего профессионального образования в течение 1991–2001 гг. под руководством и при участии В.Д. Шадрикова была создана отечественная система государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, служба лицензирования, аттестации и аккредитации высших учебных заведений, разработан классификатор специальностей и направлений подготовки, внесены существенные изменения в правовое и экономическое положение вузов. Владимир Дмитриевич участвовал в разработке законов «Об образовании» (1992) и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996), национальной доктрины развития образования (1999). В этот же период выходит его работа, которую можно назвать одной из лучших работ в области педагогики последних лет, — «Философия образования и образовательной политики» (М.: Логос, 1993). Владимир Дмитриевич посвятил ее узловым проблемам развития образования и педагогической науки в канун XXI в. В этой работе всецело проявился масштаб личности Владимира Дмитриевича Шадрикова как государственного деятеля при постановке и решении проблем взаимосвязи универсальной и этнокультурной функций образования, в определении путей построения индивидуально ориентированного образовательного процесса. В середине 1990-х годов В.Д. Шадриков был председателем

Координационного совета Президентской программы «Дети России», в рамках которой издана «Рабочая концепция одаренности» (М.: Магистр, 1998), второе издание которой вышло в 2003 г. При его непосредственном участии подготовлена библиотека «Одаренные дети». Одной из книг этой библиотеки является научный сборник «Основные современные концепции творчества и одаренности» (М.: Молодая гвардия, 1997), который содержит наиболее полный теоретический обзор подходов к исследованию творчества и одаренности, представленных в мировой психологии. Сборник открывает статья В.Д. Шадрикова «Способности человека». В 1999 г. авторскому коллективу и разработчикам программы «Одаренные дети» присуждена премия Президента РФ в области образования.

В этот период В.Д. Шадриков издал работы, посвященные изучению и развитию способностей человека («Психология деятельности и способностей человека». М.: Логос, 1996; «Способности человека». М.-Воронеж, 1997 и др.). В середине 1990-х Владимир Дмитриевич впервые в современной отечественной науке ставит вопрос о духовных способностях («Происхождение человечности». М.: Логос, 1999; «Духовные способности». М.: Магистр, 2006, М.: Магистр, 2008). В этих работах В.Д. Шадриков как исследователь с мощным естественнонаучным мировоззрением рассматривает происхождение сущностных человеческих качеств, превращающих индивида в личность. В центре его внимания — становление человека, не только умеющего и знающего, но и

сострадающего, стремящегося достичь высоты духовной жизни, любящего, заботящегося о детях и остающегося в каждом из этих проявлений личностью, принадлежащей своей нации.

После завершения государственной службы В.Д. Шадриков использовал свой опыт и научные знания для организации факультета психологии в Государственном университете — Высшей школе экономики. В настоящее время он работает профессором, научным руководителем факультета психологии ГУ-ВШЭ, директором Института содержания образования ГУ-ВШЭ. Под руководством Владимира Дмитриевича выполнен ряд государственных проектов, связанных с разработкой государственных образовательных стандартов, совершенствованием системы лицензирования и аккредитации, модернизацией педагогического образования. Начиная с 1991 г. и по настоящее время Владимир Дмитриевич успешно руководит кафедрой психологии младшего школьника Московского педагогического государственного университета, где создана лаборатория психологии способностей и центр психологического консультирования. В последнее время им подготовлены и изданы монографии, вносящие значительный вклад в понимание сущности человека («Мир внутренней жизни человека». М.: Логос, 2006; «Ментальное развитие человека». М.: Аспект-пресс, 2007; «Психологическая характеристика нормального человека, или Познай самого себя». М.: Логос, 2009).

За годы своей блестящей научной, педагогической и организаторской деятельности Владимир Дмит-

риевич стал не только академиком РАО (действительным членом АПН СССР избран в 1990 г.), но и членом ряда общественных академий. Под его руководством подготовлено 11 докторских и 53 кандидатские диссертации. Он автор более 200 научных работ, из них 15 монографий. Почетный профессор ЯрГУ им. П.Г. Демидова, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Белгородского технологического университета им. Шухова.

В.Д. Шадриков удостоен звания «Заслуженный работник Высшей школы РФ», лауреат премии Президента РФ (1999) и Правительства РФ (2005), премий им. С.Л. Рубинштейна Президиума РАН (1996). Награжден Орденами Почета (2002, за разработку государственных стандартов Высшего профессионального образования), Святого благоверного князя Даниила Московского, медалями им. Н.К. Крупской (1989), им. К.Д. Ушинского (1980), им. А.С. Ма-

каренко (1990), золотой медалью «За достижения в науке» Российской академией образования (2007), знаком «Почетный работник науки и техники РФ» (2007).

Владимир Дмитриевич, находясь в расцвете творческих сил, олицетворяет не только прошлое и настоящее, но и будущее психологической науки. Его многочисленные ученики и единомышленники постоянно ощущают его заботу и защиту, масштаб его личности. Он действительно велик во всем: в науке, в организаторской деятельности, в педагогической практике. Для всех, кто когда-либо работал с Владимиром Дмитриевичем, он является непререкаемым авторитетом как в науке, так и в жизни. Культура его научного мышления и общения, являясь образцовой, «прорастает» в его последователях и учениках, во многом определяя их успехи и победы как на исследовательском и педагогическом, так и на иных поприщах.

Черемошкина Любовь Валерьевна, Российский государственный социальный университет, заведующая кафедрой, доктор психологических наук, профессор

ДРУГУ И УЧИТЕЛЮ

Н.П. ВОРОНИН

Многое в жизни определяется тем, какому делу служит человек. Думаю, что Владимир Дмитриевич Шадриков — человек очень счастливый, поскольку его жизнь посвящена одному из самых благородных и значимых для личности и государства направлений деятельности — образованию. Он служит этому делу талантливо, честно с высочайшим чувством ответственности, используя свой опыт учителя-практика, незаурядного ученого, прекрасного организатора. Я знаю, что у него были возможности избрать другой, может быть, более легкий в карьерном отношении путь, но он не изменил своему жизненному кредо. Он занимался вопросами образования в СССР, а потом в России в очень сложное время «перестройки».

Пережил он и травлю в газетах, так как был неугоден тем, кто пытался развалить систему образования. Помню, тогда ряд членов коллектива Ярославского пединститута написал письмо «доброму» человеку из Политбюро А.Н. Яковлеву. Довелось и мне тогда пообщаться с Александром Николаевичем (кстати, выпускником ярославского пединститута). В конце беседы он сказал: «О человеке нужно судить по его делам». Уж в этом-то он был прав. Травля была

прекращена, и я сильно подозреваю, что прекратили ее те люди, которые начали. Я не помню ни одного случая, чтобы Владимир Дмитриевич изменил своим принципам ради карьеры и личного благополучия. Он не любитель громких фраз и пустых обещаний, а человек дела. Как блестящий аналитик он всегда соотносит свои действия и решения с теми сложнейшими процессами, которые происходят в политике, экономике, культуре, в человеческом мышлении и духовном развитии.

Думаю, что он не полностью реализовал себя как организатор системы образования по причинам, не зависящим от него. Но несомненно одно: благодаря таким, как он, система образования в нашей стране сохранена и развивается.

Провидение, случай, промысел Божий — не знаю что, — но встреча с Владимиром Дмитриевичем Шадриковым сыграла в моей судьбе определяющую роль. Я ясно понимаю, что моя жизнь сложилась бы далеко не так счастливо, если бы не помощь учителя. В самые важные и сложные моменты Владимир Дмитриевич помогал советом, делом и собственным примером.

Кто-то из лидеров страны в 1990-е сказал, что политика, власть — это грязное дело. Дело не в политике или

власти, дело в том, кто ими занимается. Владимир Дмитриевич был и политиком в широком смысле этого слова, и власти у него было достаточно. Но как человек исключительной порядочности он использовал это только во благо общества и людей.

Не верится, что с момента нашей первой встречи с Владимиром Дмитриевичем прошло так много лет. Но, как говорится, не годы идут, это мы проходим. На этом пути есть что вспомнить. Прежде всего, это совместная работа в пединституте.

Владимир Дмитриевич был ректором института, я — проректором. Это был один из самых счастливых периодов в моей жизни. Владимир Дмитриевич достаточно жесткий руководитель, умеющий ставить значимые цели, видеть пути их достижения, требовать творческого, честного выполнения каждым сотрудником своих обязанностей. Именно тогда

институту был дан импульс, который вывел его в лучшие педагогические вузы России.

Надо сказать, что за внешней жесткостью, а подчас холодностью скрывается очень отзывчивый и добрый человек. Скольким людям он помог и помогает без лишних слов и саморекламы!

Когда мы встречаемся с Владимиром Дмитриевичем за чашкой чая, он любит вспоминать, как, будучи председателем студсовета в общежитии, с помощью белого, крахмаленного платка проверял чистоту в комнатах.

Когда-то, в одной стране новый президент сказал уходящему: «Поверьте, господин президент, жизнь начинается в 70».

Наверное, это правда. Как говорится, «не могут же они все время врать».

С юбилеем, учитель, коллега, друг!

Воронин Николай Павлович, заместитель губернатора Ярославской области

УЧИТЕЛЬ И ШКОЛА

А.В. КАРПОВ

Когда знаешь человека давно — а я знаком с В.Д. Шадриковым более 40 лет, т. е. практически всю свою сознательную жизнь, — и знаешь его, смею думать, достаточно хорошо, то говорить и тем более писать о нем и очень легко, и очень трудно. Легко, потому что без труда вспоминается многое из того, что было за эти долгие годы. Но и трудно именно поэтому же: рассказать обо всем невозможно, и поневоле приходится что-то выбирать, а это уже совсем непросто. Понятно также, что эти трудности выбора многократно возрастают, когда речь идет о личности такого масштаба, как В.Д. Шадриков — личности не только крупной, но многогранной, многомерной, синтезирующей в себе множество различных сторон, каждая из которых, разумеется, достойна специального внимания.

Так, особого внимания заслуживает, конечно, специальный анализ творческого пути и научного вклада Владимира Дмитриевича в развитие современной психологии. Не менее значима и поучительна ретроспектива того очень продолжительного и во многом переломного для страны периода, когда В.Д. Шадриков, являясь государственным деятелем высшего уровня, концентрировал свои силы и талант преимущественно на

организации системы образования в нашей стране. Возможны и иные аспекты анализа жизненного пути и творчества В.Д. Шадрикова; лишь их синтез может дать достаточно полное представление о личности этого человека.

Вместе с тем, хорошо понимая невозможность «объять необъятное», в этих заметках я остановлюсь лишь на одном, но достаточно показательном, на мой взгляд, аспекте богатейшего научного и жизненного пути Владимира Дмитриевича. Более того, этот аспект представляется мне не только очень показательным, но и во многом определяющим для понимания многих иных черт его личности и особенностей его научной деятельности. Тематически он может быть сформулирован следующим образом: В.Д. Шадриков и Ярославская психологическая школа. При чем речь пойдет, конечно, не только и даже не столько о традиционной «развертке» этой темы в духе «Роль и место В.Д. Шадрикова в становлении и развитии данной школы». Такой ракурс был бы не только тривиальным, поскольку эта роль и это место общепризнанны и общеизвестны, но и фактически не совсем правильным, точнее, не совсем полным, так как значимость творчества

Владимира Дмитриевича давно вышла за пределы этой школы, а его достижения стали достоянием психологической науки в целом.

По моему мнению, гораздо более важный пласт данной темы заключается в глубоком и фактически органичном родстве и даже единстве сущностных черт Ярославской психологической школы и базовых личностных качеств В.Д. Шадрикова, общей направленности его личности и как ученого, и как человека. Такое единство очень ярко проявилось уже на относительно ранних этапах становления школы, о которых преимущественно и идет здесь речь. И этот «феномен конгруэнтности» личности и школы обусловлен двумя важнейшими причинами. С одной стороны, В.Д. Шадриков, будучи одним из основателей и творцов этой школы, во многом заложил ее основные традиции. Вполне закономерно поэтому, что эта школа воспроизводит в себе черты своего выдающегося представителя. Однако, с другой стороны, сами эти традиции и «дух школы», будучи сформированы и начав жить самостоятельной жизнью, все более рельефно и явно высвечивают сущностные черты В.Д. Шадрикова.

Действительно, психологическим сообществом нашей страны признано то, что одной из основных особенностей Ярославской психологической школы выступает атрибутивно присущая ей практическая направленность, органическое единство теоретических и прикладных аспектов проводимых в ней исследований и разработок. Это одновременно и ее определяющая особенность, и ее «фирменный знак», и залог ее жизнеспособности, конструктивности и

конкурентоспособности. Такая направленность, оформившаяся уже в середине прошлого века, имеет, конечно, комплексную, многофакторную обусловленность. Среди главных факторов, определивших ее, следует отметить и то, что в Ярославле была создана первая в стране лаборатория промышленной психологии; и то, что в этот же период сложилась группа очень интересных и талантливых ученых, чьи исследования характеризовались тесной связью с практикой; и то, что эти исследования уже тогда были адекватным ответом на социальный, практический заказ и пользовались институциональной поддержкой в регионе. Неслучайно, что созданный в 1970 г. факультет психологии Ярославского университета изначально был ориентирован на подготовку специалистов-психологов, прежде всего, практического профиля. Кстати говоря, это был третий в стране факультет психологии (наряду с факультетами в Московском и Ленинградском университетах), а роль в его создании В.Д. Шадрикова вполне аналогична той роли, которую сыграли А.Н. Леонтьев и Б.Г. Ананьев в становлении двух указанных факультетов.

Вместе с тем только отмеченные выше факторы еще недостаточны для понимания сущностных черт Ярославской школы. Для того чтобы «исходная практичность» не иссякла, не исчерпала себя, она обязательно должна подпитываться большой теорией и известными теоретиками. Но даже и этого мало, необходимо также, чтобы лидер школы в период ее становления олицетворял ее сущностные черты, ее дух. В этом нет

ничего нового и необычного, поскольку давно и прочно установлено, что культура любой организации (в данном случае — неформальной, т. е. научной школы) решающим образом зависит от личностных черт, от направленности личности ее лидера. Это одна из «аксиом» организационной психологии, которая, кстати говоря, явно недостаточно ассимилирована науковедением и редко используется при изучении научных школ.

В свете этого становится понятным и даже необходимым осознание еще одного фактора, определившего атрибутивную практичность Ярославской психологической школы и ее дух. Это более глубокий, латентный, нежели все указанные выше, но не менее мощный, чем они, фактор — фактор особенностей личности В.Д. Шадрикова. Можно сказать даже, что это — своего рода «фактор второго порядка», поскольку он определял многие другие факторы: и отбор кадров для школы, и приоритеты в тематике научных исследований, и культуру исследований, и уровень требований к ним, и сферу научных контактов, и авторитет школы, и многое другое. Используя метафору структурной организации интеллекта с его «G-фактором», можно говорить о своего рода «Ш-факторе» (факторе Шадрикова) в структуре Ярославской психологической школы. Содержанием же этого фактора, его уникальной особенностью является, на мой взгляд, важнейшая черта интеллектуальной деятельности В.Д. Шадрикова, состоящая в следующем.

Обычно в психологии, особенно после классической работы Б.М. Теп-

лова «Ум полководца», принято дифференцировать «ум теоретический» и «ум практический», теоретический и практический интеллект. Молчаливо предполагается также, что в каждом индивидуальном случае обычно должен доминировать какой-либо один из этих двух «полюсов», а второй должен быть реципрокно представлен в существенно менее выраженном виде. Отсюда все «обидные» для теоретиков «практические дефициты» и еще более обидные для практиков дефициты теоретического плана. Вместе с тем из этого считающегося общим правилами существуют нечастые, но счастливые исключения, когда можно говорить не об «уме практическом» и не об «уме теоретическом», а об «уме *синтетическом*». Именно эта синтетичность, нерасторжимое единство теоретической и практической составляющих интеллекта — отличительная и наиболее важная особенность В.Д. Шадрикова. Именно она позволяет ему быть и блестящим теоретиком, и выдающимся организатором одновременно. И именно она составляет содержание того «Ш-фактора», благодаря которому сложилось органичное единство теории и практики, характерное для Ярославской психологической школы.

Какими бы вопросами ни занимался Владимир Дмитриевич, какие бы научные проблемы ни разрабатывал, он стремится довести их до степени практической реализации. Один из вопросов, который он нередко задает теоретикам: «Ну и что?», т. е. пытается выяснить, что это дает практике. Более того, приоритеты тематики его работ и общий стиль его научной деятельности обычно таковы,

что он не столько «пытается внедрить то, что им разработано», сколько, наоборот, «разрабатывает то, что в первую очередь достойно практической реализации». Примеров и подтверждений этому огромное количество. Наиболее известные из них — концепция системогенеза профессиональной деятельности, послужившая методологической основой для обширного цикла не только теоретических, но и прикладных исследований и разработок; фундаментальная общепсихологическая теория способностей, разработанная на основе принципиально новой — функционально-генетической парадигмы и также являющаяся базой для решения многих практических задач, особенно в сфере образования. Даже такая, казалось бы, не связанная непосредственно с практическими задачами и разработанная им в последнее время концепция внутреннего мира человека, в действительности, глубоко практична: ее пафос заключается в том, что человек лишь тогда может быть Человеком, не только мыслящим, чувствующим, переживающим, но и *действующим*, когда он овладевает своим внутренним миром и благодаря этому становится и индивидуом, и индивидуальностью.

Синтетический склад интеллекта, синергия теоретической и практической его составляющих проявляется, конечно, не только в научной деятельности В.Д. Шадрикова, но и во многих иных сферах и аспектах, в том числе и в административной работе, и в педагогической деятельности, да и просто в житейских вопросах и межличностных отношениях. Здесь на первый план для Владимира Дмитриевича выходит то

личностное качество, подробный психологический анализ которого он впервые дал в своих исследованиях и которому неукоснительно старается следовать в своих практических делах — *добродетель*. И, если для практического ума лучше всего подходит формула, данная еще Аристотелем, — «стремящийся разум», то для богатой содержательно и насыщенной личностно одухотворенной деятельности лучше всего подходит именно это понятие — понятие *доброй* деятельности, добро-деятельности, кристаллизующейся и генерализующейся в личностном качестве добродетельности. Наиболее важно то, что это не просто теоретический конструкт, но и норма и даже императив для Владимира Дмитриевича, императив быть не столько деятелем, сколько *добродетелем*. Для огромного числа его коллег и учеников он именно таков.

Естественно, все сказанное выше — лишь фрагментарные и неполные, да к тому же и субъективные впечатления. Они ни в коем случае не претендуют на полноту и даже не исчерпывают вынесенной в заглавие темы «Учитель и школа». Считается, что удачная формулировка темы должна соответствовать раскрытию в тексте и выходить за его пределы, «подсказывать» читателю новые ходы. Так и формулировка темы «Учитель и Школа» («УиШ») имплицитно подразумевает многие иные, очень важные аспекты. Среди них нельзя, например, не отметить такое интереснейшее направление, как стиль научного руководства Учителем своей научной школы (и тогда формула «УиШ» раскрывается как «Ученики и Шадриков»). Еще один, быть может,

важнейший «разворот» темы «Учитель и школа» — это административная, точнее, государственная деятельность В.Д. Шадрикова, когда понятие «Учитель» вырастает до самого высоко ранга в структуре управления педагогическим образованием, а понятие «Школа» включает в себя, по существу, всю систему образования в стране. И в этом плане достижения В.Д. Шадрикова как деятеля образования также велики и неоспоримы.

В заключение необходимо отметить и еще одно, так сказать, «сквоз-

ное» качество В.Д. Шадрикова — качество, без которого нельзя говорить ни об Учителе, ни о Школе — об умении искренне радоваться успехам своих учеников. Это качество — не только атрибут, но и главный критерий действительно крупной, щедрой и духовно богатой природы, какой, без сомнения, является Владимир Дмитриевич. Оно порождает аналогичное — встречное и также глубокое и искреннее чувство, которое я и попытался выразить в этих заметках.

Карпов Анатолий Викторович, факультет психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, декан; доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

ВПЕРЕДИ ЕЩЕ МНОГО СВЕРШЕНИЙ

А.Ф. КИСЕЛЕВ

Владимира Дмитриевича Шадрикова с полным основанием можно отнести к числу подвижников российского образования, причем тех, которые отличаются многогранностью дарований. Действительно, Владимир Дмитриевич — Педагог с большой буквы. Из своего опыта он вынес весьма важную истину, что религией педагога должна быть любовь к ученику, которая является главным мотивом воплощения в жизнь всех его творческих сил, знаний и опыта. Любовь созидает, и под ее влиянием педагог «вкладывается» в учеников, не формально реализует профессиональные обязанности, а одухотворенно, увлекая их радостью познания и нравственного совершенствования. Недаром лекции и семинары академик В.Д. Шадрикова завораживают студентов логикой, ясностью мысли, глубокими знаниями, неординарностью подходов к решению сложных научных проблем.

Педагог — главное во Владимире Дмитриевиче, это стержень его личности. Педагогическое дарование Владимира Дмитриевича по заслугам оценено и отмечено не только высокими учеными степенями и званиями, но и предоставлением возможности активно влиять на российское образование. Академик В.Д. Шадриков прошел путь от ассистента до ректора Ярославского педагогического института. Причем на ректорском поприще он проявил такие

блестящие административно-управленческие качества, что был приглашен в Москву и почти 20 лет занимал должности министра образования, Первого заместителя министра СССР, затем Российской Федерации. Его пытливый ум, фундаментальные знания неординарного ученого удивительно гармонично сочетаются с талантом государственного деятеля. Его творческий потенциал настолько высок, что в разные годы он руководил общим средним образованием, профессионально-техническими училищами и техникумами, высшим профессиональным образованием, т. е. прошел великолепную школу управления всеми ступенями российского образования. Он уникален по опыту и знаниям. Ему одинаково близки проблемы дошкольного образования и подготовки стандартов сотен специальностей в вузах, обновления содержания образования в общеобразовательной школе и подготовки учительских кадров. Вывод один: В.Д. Шадриков до мелочей знает, чем живет российское образование, а главное — предлагает взвешенные решения назревших проблем. Он не работает в образовании, а живет им, поэтому скромн, вдумчив, корректен, мудр. Стоит один раз послушать выступление Владимира Дмитриевича, чтобы понять, что это специалист высокого класса.

В.Д. Шадриков — психолог. Он автор многочисленных трудов по

этой ключевой науке о человеке. В этой области Владимир Дмитриевич также удивляет, написав книгу о «Происхождении человечности». Значит, у ученого есть внутренняя потребность разобраться в центральной проблеме человеческой жизни и человека — в человечности. Что она собой представляет? На каком фундаменте строится? Как формируется? В.Д. Шадриков прав: любая гуманитарная наука представляет собой науку о человеке, но ученые изыскания нередко идут «мимо человека».

Владимир Дмитриевич пытается добраться до сути человека — человечности, которая, по его убеждению, «возникает в борьбе инстинкта и морали, эмоций и разума, эгоизма и альтруизма, добра и зла, греха и добродетели. В этой борьбе формируется духовность человека высшее выражение человечности». Замечательно, что духовность отнесена к главным качествам человека и возникает она не сама по себе, а в процессе упорного труда над совершенствованием собственной личности. Владимир Дмитриевич подчеркивает, что к числу главнейших педагогических задач относится формирование внутреннего мира человека, того нравственного фундамента, который погает ему встать на твердую почву, обрести светлые ориентиры в жизни и по большому счету — счастье. Духовность, о которой пишет В.Д. Шадриков, — это не только религиозное сознание, но и то, чем человек живет, какие цели перед собой ставит. Жизнь человека должна

быть многомерной, не замыкаться в скорлупе эгоизма, материальных и корыстных вожелений. Владимир Дмитриевич, кроме форм для выражения мыслей и чувств, представляет и сами формулы мыслей и чувств, зовет к их облагораживанию прекрасным. Человек обязан обрести целостность психики через любовь, милосердие, добродетель, высокие морально-нравственные качества, бескорыстие, воздержанность и умение.

Путь к истине всегда тяжел, труден и процесс самосовершенствования. Но его заповедовал Иисус Христос: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный». Если школа разбудит в ребенке потребность в самосовершенствовании и раскроет перед ним радость познания, то она выполнит свою миссию. Дело не в том, чтобы сдать очередной экзамен, а в том, чтобы проявилась мотивация к получению новых знаний. Они важны. Однако к главному экзамену на человечность человек готовится практически всю жизнь и должен постоянно помнить об этом. Недаром Ф.М. Достоевский писал: «Самое трудное — жить среди людей и оставаться человеком». Вдумайтесь. По сути, это своеобразный приговор обществу, которое еще со времен великого русского писателя переживает самый тяжелый кризис — кризис духа. Недооценка духовной жизни человека приводит к тяжелым последствиям. Об этом нас предупреждает В.Д. Шадриков. В этом он весь — светлый, добрый, умный человек, у которого впереди много свершений.

Киселев Александр Федотович, генеральный директор издательства «Дрофа»

ВСТРЕЧА С ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬЮ

Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО

Владимир Дмитриевич Шадриков — ученый, для которого психология является любимым делом жизни и самой жизнью. Она стала для него областью плодотворных исследований, способом осмысления мира, сферой научного общения, методом самопознания, источником внутренней свободы и достоинства.

Развивая психологическое знание от решения проблем профессиональной и образовательной деятельности до построения общепсихологической теории внутреннего мира человека, Владимир Дмитриевич движется в самом ценном для психологии направлении — сбережения целостности знания и создания моделей современного понимания человеческой психики. Без таких моделей исчезает преемственность познания, под влиянием времени распадаются системы традиционной науки, затруднена интеграция теории в социальную, культурную, производственную практику.

Обостренное чувство практичности, жизненной приложимости психологического знания сопровождают Владимира Дмитриевича на всем протяжении профессионального пути. Несомненно, это связано с тем, что ему удалось успешно овладеть множеством видов деятельности,

включая, кроме научной, педагогическую, управленческую, просветительскую и организационную. В этом богатом спектре занятий им достигнуто неповторимое единство, придающее ему особое качество компетентности во многих делах и решениях.

В разрабатываемых им идеях и текстах проявляется глубокое уважение к психологическим традициям и к выдающимся мыслителям прошлого. Круг библиографических предпочтений и авторитетных для него имен указывает на его обширную эрудицию и стремление обращаться в своей работе к философским, религиозным, естественнонаучным, гуманитарным трудам. Расширенный контекст его психологических исследований позволяет добиваться высоких результатов, отраженных в значительном количестве научных статей и книг. В каждом из трудов Владимира Дмитриевича проявляются его неизменные установки на переосмысление известного, строго обоснованное исследование и творчество. Благодаря этому его работы всегда интересны в аналитическом, поисковом и инновационном отношении.

Его ученики и те, на кого он повлиял как ученый и талантливый руководитель, могут составить многочисленное сообщество, объединенное

общим гуманистическим взглядом на человека и доверием к его силам и способностям. Думаю, что многие и многие, чья жизнь пересеклась с жизненной линией Владимира Дмитриевича, признательны ему за то участие, которое он принял в их профессиональной судьбе. Автор этих строк не составляет исключения.

Особым даром Владимира Дмитриевича является поддержка молодежи, способной к научно-исследовательской деятельности, признание высокого значения подготовки перспективных научных кадров. Достоинство известного, состоявшегося ученого сочетается в нем со скромностью человека, готового отдать приоритет талантам будущего. Окружающим видно, какие усилия вкладываются им в обучение, развитие поисковой мотивации и сотворчество при общении со студентами, аспирантами, докторантами, молодыми учеными. Это направление его жизни находит полное осуществление в его деятельности на факультете психологии ГУ—ВШЭ.

Показателем высокой культуры научного общения Владимира Дмитриевича является неизменное признание и высокая оценка им роли сотрудников, учеников, коллег. Обращение к ним со словами благодарности встречается во многих его печатных работах, что отнюдь не является знаком формального этикета. По сути, это прием формирования границ научной школы, где у всех исследователей есть возможность реализовать себя и свои замыслы.

Будучи признанным профессионалом в сфере управления и развития содержания образования, владея

масштабным знанием о его современных тенденциях, Владимир Дмитриевич предлагает и реализует оригинальные образовательные проекты, будь то разработка новых стандартов образования или внедрение новых психологических концепций способностей, творчества, индивидуальности в процесс вузовского обучения или открытие факультета психологии, ориентированного на подготовку специалистов новой волны: исследователей, консультантов и психотерапевтов. В его академической деятельности трудно разделить серьезные теоретические размышления, оригинальные методы обучения студентов и непрерывный диалог с коллегами, создающий напряженное поле коллективного научного поиска.

Если говорить о «человеке» как проблеме психологических трудов Владимира Дмитриевича, то это человек со сложным, становящимся на протяжении жизни внутренним миром, вовлеченный в активную деятельность, соединяющую его с другими людьми. Это индивидуальность, многомерно выражающая свой внутренний потенциал в личностных качествах, переживаниях, умственных и практических действиях. В последние годы тема индивидуальности представляется наиболее важной для исследователя в связи с его частыми обращениями к проблемам вершинного развития личности, ее интеллектуального роста, рефлексии, самопознания. Инициированный им проект «Индивидуальность», объединивший ученых из разных стран, стал закономерным событием в его научной биографии, развернувшейся по этапам, которые должны

были найти обобщение в интегральном, авторском взгляде на человека. К этим этапам можно отнести создание теории системогенеза деятельности, развитие проблемы способностей, оригинальное осмысление духовного уровня жизни человека, построение модели интеллекта, разработку единой концепции внутренней жизни и внутреннего мира личности. Осмысление феномена «индивидуальности», ценности человеческой жизни и смысла личного саморазвития стало целью периода творческого поиска, переживаемого Владимиром Дмитриевичем на протяжении ряда лет. Высокий уровень и фундаментальный характер достигнутых научных результатов ставят его в ряд ведущих представителей отечественной психологии, определяющих перспективу ее развития.

Видя продолжение своих идей в исследованиях учеников, поощряя их креативность и заботясь об их профессиональном росте, Владимир Дмитриевич исповедует эффективный стиль научного руководства, предполагающий написание качественных, завершенных диссертационных работ, содержащих ценные результаты для самых различных областей психологической науки: для общей психологии, возрастной психологии, психологии развития, психологии личности. Установка на ответственное и доброжелательное отношение к ученикам обусловила большое количество защищенных под его руководством кандидатских и докторских диссертаций. В ходе подготовки и при оценке диссертационных работ проявляется присущий ему дух требовательности и конструктивной критичности, кото-

рый способствует проведению и репрезентации отечественных психологических исследований на современном уровне.

Мир психологии, в котором Владимир Дмитриевич нашел призвание и играет заметную роль, является для него предельно обширным и включающим многие возможности для постановки разнообразных проблем, нового синтеза знаний, моделирования новых методологических и теоретических подходов. Проявляя бережное отношение к научному наследию мировой психологии, он выдвигает и последовательно обосновывает идеи, укорененные в личном опыте научного познания, интуиции, наблюдений. В результате появился ряд книг, связанных друг с другом и единством содержания, и логикой развития творческих интересов автора. Среди них: «Проблема системогенеза профессиональной деятельности», «Происхождение человечности», «Способности и интеллект человека», «Ментальное развитие человека», «Мир внутренней жизни человека».

Напомним лишь некоторые из ключевых идей Владимира Дмитриевича, нашедшие отражение в работах российских и зарубежных исследователей.

Идея системогенеза деятельности. На основе авторского понимания феномена «деятельности» предложена модель профессиональной деятельности, обобщающая ее тщательно исследованные генетические, структурные и процессуальные связи как открытой, становящейся системы. Особенностью разрабатываемого подхода является смещение акцентов с проблем деятельности вообще на проблемы

конкретных форм индивидуальной деятельности, субъектом которой выступает личность в контексте своей жизни. Профессиональная деятельность, высоко значимая для человека современной культуры, рассматривается в динамике с учетом условий ее внешнего и внутреннего порождения, ее проблемного характера и противоречий, участия других людей в ее становлении, ее самостоятельного освоения личностью, овладения ее социальными канонами и нормами, формирования индивидуальных способностей и их реализации в творчестве. Индивидуальное развитие профессиональной деятельности рассматривается целостно, во множестве взаимосвязанных моментов, детерминант и условий, что означает применение принципа «системогенеза». Развивающаяся деятельность выступает в своей сложной архитектонике, характер которой во многом определяется свойствами личности-субъекта, задающими мотивационное, эмоциональное, когнитивное, операциональное, смысловое, продуктивное, рефлексивное и коммуникативное строение деятельности. Акцентируются те моменты профессиональной деятельности, которые укоренены в системе ценностей общества и личности: мотивы — чувства — смыслы. При их осуществлении деятельность приобретает значение «способа» развития познавательной, эстетической, этической, предметно-практической сфер социальной и индивидуальной жизни. Развиваемый автором расширенный, гуманистический взгляд на профессиональную деятельность предполагает индивидуализированную стратегию и форму обучения,

поддержку профессионального роста, оценку достижений и вкладов конкретной личности. Индивидуальность человека определяется как сверхценность в пространстве профессиональных отношений, что отвечает самым современным представлениям о сущности труда.

Идея индивидуальных способностей. Намечается оригинальная линия изучения способностей, интегрирующая множество условий их индивидуализации. Свойство человека, состоящее в «способности», раскрывается во взаимосвязи с геномом и характером основных психических функций, психических операций и процессов, ведущих форм деятельности, способов внешних и внутренних действий, результатов деятельности и их влияний на духовную, психическую и практическую жизнь человека и других людей. «Способности — это системные новообразования субъекта деятельности». В своем становлении они проходят стадии природных свойств — свойств субъекта деятельности — осознаваемых свойств «я» — свойств личности — свойств индивидуальности. Разрабатывается принцип классификации способностей по разнообразным основаниям, отражающим их многомерные зависимости и потенциалы, а также их индивидуальную, субъектную, личностную ипостаси и ипостась индивидуальности. В частности, это классификации по основаниям «познавательных психических функций» (например: мнемические, образные, мыслительные способности), по основанию «опосредуемых деятельностей» (например, интеллектуальные, практические, социальные, профессиональные способности), по «цен-

ностно-смысловому» или «духовно-му» основанию (например, интеллектуальные, творческие, нравственные, художественные, религиозные способности). Интересным шагом в психологическом раскрытии способностей, а также приемом их индивидуализации является теоретическое моделирование тех моментов индивидуальной жизни, в которых разные способности реализуются с наибольшей полнотой. Речь, например, идет о «поступке» как ситуативном осуществлении социальных и нравственных способностей, о «проблемном состоянии» как критическом осуществлении интеллектуальных и творческих способностей, о «духовных состояниях», полно осуществляющих различные духовные способности. Характеристика духовного состояния, данная автором, отличается тонким психологизмом, характерным для лучших текстов по психологии личности и индивидуальности.

Идея мира внутренней жизни состоит в последовательном применении обобщенной категории «мира» при изучении строения индивидуальной психики, а также в понимании «психического» как реального процесса, непрерывного движения, внутренней жизни. «Сегодня настало время перейти от аналитического подхода к синтезу накопленных знаний — учению о целостной психике на основе реализации системного подхода. Настало время изучения внутреннего мира человека и внутренней психической жизни как реальности». В.Д. Шадриков создал новую версию общепсихологической теории, в основу которой положен принцип системности, перемещающий фокус изучения с отдельных

элементов состава психики на их связи, меняющие свои контуры, качества и содержания в общей динамике индивидуальной жизни. В переводе на философские понятия предлагается концептуальный метод соединения подхода к психике или «душе» с позиций «сущности» и подхода с позиций «существования», причем обосновывается множество их закономерных взаимопереходов, определяющих направления жизненных изменений человека. Определяя внутренний мир как потребностно-эмоционально-информационную «субстанцию», автор эксплицирует динамику ее составляющих. При этом он обращается и к сознательному уровню динамики, и к бессознательному уровню, метафорически обозначая его как «тайну личности». Внутренний мир выступает в этой концепции как индивидуальная основа внешней жизни человека: его поведения, деятельности, поступков. Чем более дифференцирован, множествен, полон разнообразных взаимодействий, гармоничен и устойчив в своей организации внутренний мир, тем богаче жизнь личности во внешнем мире, в его времени и пространстве и тем больше потенциал ее преобразующих действий в нем. Эта логика рассуждений ведет автора к новому пониманию индивидуальности человека как «проявления внутреннего мира». Изящным обоснованием этой мысли является реконструкция высших человеческих качеств как «проводников» души изнутри — вовне, по тексту Библии и древним поэтическим текстам. Явление индивидуальности связывается здесь с предельными измерениями «человечности», когда о человеке

можно подумать и сказать словами Грегора Нарекаци: «Ты — то единственное, что безмерно, что в мире подлинно и достоверно».

В заключение следует сказать, что **идея индивидуальности** в жизни

Владимира Дмитриевича подобна ведущему мотиву в авторском музыкальном произведении. Вслушиваясь в это произведение, понимаешь, что в твоей собственной жизни произошла встреча с Индивидуальностью.

Старовойтенко Елена Борисовна, факультет психологии ГУ ВШЭ, ведущая кафедрой, доктор психологических наук, профессор

Контакты: estarovoytenko@hse.ru

Статистические методы в психологии

О РЕФОРМЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО ВЫВОДА В ПСИХОЛОГИИ

Сомнительная значимость статистической значимости

С.В. СИВУХА, А.А КОЗЯК

Сивуха Сергей Викентьевич — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета. Сфера профессиональных интересов — социальная психология, социология, методология качественных и количественных исследований.

Контакты: e-mail: sergei.sivuha@gmail.com

Козьяк Анастасия Александровна — кандидат психологических наук, оргконсультант компании Eurowest (Республика Словения). Сфера профессиональных интересов — социальная психология, методология качественных и количественных исследований.

Контакты: e-mail: nastusek@yandex.ru

Резюме

С середины XX века научная психология ассоциируется с эмпирическими исследованиями и статистическим анализом данных. Критика проверки статистической значимости (расчета значения p и его интерпретации) началась одновременно с популяризацией этой процедуры в психологии. Сведение научного вывода к (часто неверному) толкованию значения p является одной из серьезных помех развитию психологии. В статье обсуждаются некоторые заблуждения исследователей по поводу проверки статистической значимости и затрагиваются некоторые обсуждаемые в литературе альтернативы.

Ключевые слова: *статистический вывод, статистическая значимость, значение p , нуль-гипотеза, проверка значимости нуль-гипотезы*

Введение

В течение нескольких десятилетий статистическая проверка нуль-гипотезы служит основным средством оценки полученных результатов. В сущности, «значение p » или даже символ «*» рядом с величиной коэффициента корреляции используется как индикатор важности результата и тем самым как оценка вклада автора исследования в психологическую науку: работы с недостаточно большим количеством «*» могут быть не приняты к печати или не пройти экспертизу перед защитой. Роль значений p в развитии академической психологии сопоставима с ролью экспериментального метода. По данным Р. Хаббарда и П. Райан (Hubbard, Ryan, 2000), с 1965 по 1998 г. проверка статистической значимости с помощью значения p использовалась более чем в 90% эмпирических статей в 12 журналах Американской психологической ассоциации.

Начиная с 1940-х годов специалисты в области статистической методологии проявляют серьезное беспокойство по поводу необоснованно

широкого применения проверки значимости нуль-гипотез (ПЗНГ) и неверной интерпретации результатов этой проверки. Как показал Р. Клайн, количество критических публикаций увеличивается экспоненциально (Kline, 2004). Острая и хорошо аргументированная статья Д. Бейкана (Bakan, 1966) давно разошлась на цитаты. В 1994 г. в журнале «American Psychologist» появилась статья Дж. Коэна под ироничным заголовком «Земля круглая ($p < 0.05$)» (Cohen, 1994), оживившая споры по поводу проверки нуль-гипотезы. Несколько журналов («Psychological Science», «Educational and Psychological Measurement», «Journal of Experimental Education», «Research in the Schools», «Theory & Psychology») посвятили этой проблеме специальные выпуски. Наиболее радикальные авторы (Carver, 1978; Oakes, 1986 и др.; см.: Nix, Barnett, 1998) предлагали запретить ПЗНГ. Одним из результатов дискуссии по поводу проверки статистической значимости стало создание специальной рабочей группы Американской психологической ассоциации по подготовке новых

требований к использованию статистических методов в научных публикациях¹. Задача группы состояла в том, чтобы «прояснить некоторые спорные вопросы, касающиеся применения статистики, включая проверку значимости и альтернативы ей...» (Wilkinson and TFISI, 1999, p. 594). Проблема статистического вывода обсуждалась в журналах, на съездах и конференциях. Ожидалось, что Американская психологическая ассоциация внесет революционные изменения в «Руководство по подготовке публикаций». О напряженности дискуссий можно судить по началу статьи в академическом журнале: «Неправда, что группа радикальных активистов захватила в заложники десять статистиков и шесть редакторов на ежегодном съезде Американской психологической ассоциации... и скандировала: “Запретите проверку гипотез!”, “Долой нуль-гипотезу!”» (Abelson, 1997).

Отчет рабочей группы (Wilkinson and TFISI, 1999) лишь незначительно повлиял на предписания 5-го издания «Руководства по подготовке публикаций Американской психологической ассоциации» (APA, 2001). Разумеется, ПЗНГ не была запрещена. Однако широкое обсуждение этой проблемы серьезно изменило редакционную политику ведущих журналов ряда американских профессиональных ассоциаций и способствовало распространению новой

философии и новых практик статистического анализа. К сожалению, российские психологические журналы в основном обошли молчанием проблему необоснованно широкого применения и неправильной интерпретации результатов ПЗНГ. Данная статья в определенной степени восполняет этот пробел. Мы хотим привлечь внимание психологического сообщества к неверным практикам использования и интерпретации критериев статистической значимости. Это обсуждение не является ни полным, ни беспристрастным, поскольку мы считаем себя умеренными противниками практики ПЗНГ. Мы убеждены в том, что последствия этой практики сегодня являются наиболее острой методологической проблемой психологии и смежных наук. Планируется вторая часть статьи, которая будет посвящена обсуждению оценивания статистических эффектов как одной из альтернатив проверке статистической значимости нуль-гипотез. Эта альтернатива не лишена недостатков и, возможно, менее продуктивна, чем построение доверительных интервалов, эксплораторный анализ, байесова статистика, повторное извлечение выборок и др. Каждый из этих подходов заслуживает отдельного обсуждения. Мы выделили статистические эффекты в качестве главного предмета по причине того, что они являются собой ближайшую, самую простую и

¹ В группу вошли крупнейшие методологи, авторы учебников, преподаватели, статистики, редакторы журналов, специалисты в компьютерных науках. Сопредседатели группы: Robert Rosenthal, Robert Abelson, Jacob Cohen. Члены группы: Leona Aiken, Mark Appelbaum, Gwyneth Boodoo, David A. Kenny, Helena Kraemer, Donald Rubin, Bruce Thompson, Howard Wainer, Leland Wilkinson. Приглашенные советники: Lee Cronbach, Paul Meehl, Frederick Mosteller, John Tukey.

наиболее естественную альтернативу ПЗНГ.

«Теория» статистического вывода

Мы считаем избыточным подробно излагать основания проверки статистических гипотез, однако небольшой экскурс в историю полезен для иллюстрации главного тезиса этого раздела — о смешении двух статистических подходов как одной из основных ошибок при анализе данных (Gigerenzer, 1993; Huberty, 1993; см. также: Стерн, Смит, 2003).

Считается, что идея статистического вывода впервые появилась в работе Дж. Арбутнота почти 300 лет назад (см., напр.: Huberty, Pike, 1999). Значение p впервые использовал К. Пирсон в 1990 г. для критерия χ^2 под названием « p , χ^2 критерий». Популяризация этой идеи и разработка первой теории статистического вывода связаны с именем Рональда Фишера (1925, русское издание Фишер, 1958). В основе этой теории лежит логика доказательства от противного. Утверждение, которое предполагается опровергнуть, называется нуль-гипотезой. На основании ряда допущений, в том числе теоретического выборочного распределения статистики при условии, что нуль-гипотеза верна, исследователь рассчитывает вероятность получения данного результата — значение p . Оно рассматривалось Р. Фишером как показатель силы доказательств в пользу ошибочности нуль-гипотезы². Пороговые значения p не обосновы-

вались: «Если вероятность $P <$ соответствующая значению статистического критерия» содержится в широком промежутке от 0.1 до 0.9, то у нас не будет никаких оснований сомневаться в проверяемой гипотезе; если же вероятность P становится, например, ниже 0.02, то это прямо указывает на несостоятельность данной гипотезы. Риск впасть в ошибку не будет слишком большим, если мы проведем пограничную линию у $P = 0.05$ и будем считать, что значение «статистического критерия», лежащего выше этой линии, указывает на наличие существенных и реальных отклонений» (Фишер, 1956, с. 70–71). Как можно видеть, Р. Фишер не проводил ясного дихотомического разделения на значимое–незначимое и не обосновывал жесткие пороги вроде 0.05 или 0.01 (Стерн, Смит, 2003). Он полагал, что единственное определенное решение имеет место тогда, когда исследователь отклоняет нуль-гипотезу. Если оснований для ее отклонения нет, исследователь попадает в неопределенное положение. Нуль-гипотеза не может быть «принята» или «подтверждена», просто для ее отвержения пока нет достаточных оснований. Позже Р. Фишер смягчил свою позицию, но не прояснил ее (см.: Gigerenzer, 1993).

Чтобы избежать субъективной интерпретации значения p и избавиться от других недостатков фишеровского подхода (недостаточности нуль-гипотезы для описания исследовательской ситуации и неопределенности в

² В следующем разделе с помощью байесовой статистики показано, что эта сила доказательств в фишеровской модели существенно завышена.

случае невозможности отвергнуть нуль-гипотезу), Джерси Нейман и Эгон Пирсон обосновали необходимость альтернативной гипотезы, H_1 . Ключевая идея концепции: гипотеза всегда проверяется по отношению к альтернативной. Не указав альтернативу H_0 , невозможно обосновать выбор оптимального статистического критерия. Дж. Нейман и Э. Пирсон также ввели понятие ошибки первого рода α (отклонение нулевой гипотезы, в то время как она верна) и ошибки второго рода β (принятие нулевой гипотезы, в то время как она неверна). Критическое значение статистического критерия, используемое для решения в пользу H_0 или H_1 , зависит от того, какой тип ошибок исследователь хочет минимизировать, а это определяется целью исследования. Выбор значения α основан на информированных суждениях исследователя. Важнейшим понятием теории Неймана-Пирсона является мощность статистического критерия, равная $1-\beta$, т. е. дополнению вероятности ошибки первого рода до 1. Часто на маленьких выборках нуль-гипотеза не может быть отклонена ввиду недостаточной статистической мощности, и все известные статистические критерии становятся избыточно мощными на больших выборках. Без анализа мощности исследователь не увидит опасности ошибочных решений.

Строго говоря, концепция Неймана-Пирсона не является теорией статистического вывода, это теория принятия статистических решений. Авторы предпочитали называть свою концепцию «проверкой гипотез» (в противоположность «проверке значимости» Р. Фишера). Опираясь

на полученные данные и контролируя риск неверных действий, исследователь принимает решение в пользу H_0 или H_1 и ведет себя так, как если бы одна из конкурирующих гипотез была верна. Различия между теориями Фишера и Неймана-Пирсона подробно реконструированы в работах Г. Гигеренцера, К. Хьюберти и Р. Хаббарда (см., напр.: Gigerenzer, Murray, 1987; Gigerenzer, 1993; Hubbard, 2004; Hubbard, Lindsay, 2008; Huberty, 1993).

Во-первых, теория Фишера принципиально индуктивна и не допускает иной логики: «индуктивный вывод — единственный известный нам процесс, с помощью которого появляется существенно новое знание» (Fisher, 1966, p. 6). Напротив, Дж. Нейман и Э. Пирсон довольно холодно отзывались о неопределенности и неполноте индуктивного рассуждения; их дедуктивная концепция предписывает действия от общего (правил принятия статистических решений) к частному (принятию решения). Терминологическая путаница может быть связана с тем, что авторы называли свою модель теорией «индуктивного поведения», имея тем самым в виду, что проверка гипотез позволяет «корректировать свои действия полученными частотами событий, чтобы избежать нежелательных последствий» (цит. по: Hubbard, 2004, p. 301).

Во-вторых, согласно Р. Фишеру, формулируется только нуль-гипотеза и рассчитывается показатель ее (не)правдоподобия, хотя, как отмечают критики, Р. Фишер все-таки рассматривал некоторую неясную альтернативу, когда оценивал «сензитивность эксперимента» (см.: Hubbard,

Bayarri, 2003, p. 172)³. По Дж. Нейману и Э. Пирсону, формулируются нулевая и альтернативная гипотезы, и после статистической проверки одна из них признается истинной.

В-третьих, модель Фишера сводится к проверке значимости — расчету вероятности получения данного или более экстремального значения статистического критерия в предположении, что нуль-гипотеза верна, а выборка извлечена из бесконечной генеральной совокупности случайно. Этой вероятности — значению p — Р. Фишер давал эпистемологическое толкование (см. критику: Gigerenzer, 1993; Hubbard, 2004; Rosnow, Rosenthal, 1989), рассматривая его как меру доказательности против нуль-гипотезы и тем самым как средство кумуляции знаний. В случае малого значения p делается вывод, что либо произошло редкое событие, либо нуль-гипотеза ложна. По Дж. Нейману и Э. Пирсону исследователь сначала устанавливает уровень ошибки I рода и выбирает статистический критерий, минимизирующий (для данной α) вероятность ошибки II рода, а затем проверяет нуль-гипотезу. Если значение статистического критерия попадает в критическую область выборочного распределения (α), H_0 отвергается в пользу H_1 . Точная вероятность получения данного или более экстремального значения критерия не имеет смысла и не

рассчитывается. По этой причине теория не имеет дела с силой доказательств против нуль-гипотезы. Недостатком термина «ошибка I рода» является то, что он не отражает условную природу вероятности (Falk, Greenbaum, 1995).

В-четвертых, теория Фишера позволяет получать доказательство против нуль-гипотезы в единичном эксперименте. Согласно Дж. Нейману и Э. Пирсону ошибка I рода, задающая критическую область статистического критерия, интерпретируется как доля неверных отвержений H_0 при большом количестве извлечений выборки равного объема с возвратом из одной и той же ясно определенной генеральной совокупности. Поэтому только α получает частотную интерпретацию (см. ниже).

Г. Гигеренцер и Д. Мюррей видят причины проблем современной статистики в том, что после Второй мировой войны подходы Фишера и Неймана-Пирсона были неправильно поняты и механически объединены статистиками (Gigerenzer, Murray, 1987). Обычно исследовали формально следуют процедуре проверки гипотез, но дают своим результатам толкование в духе проверки значимости⁴. Вторая особенность принятой модели состояла в дихотомическом принятии решения (значимо–незначимо), хотя идеи Р. Фишера допускали и другую интерпретацию. Модель

³ Сензитивность эксперимента определяется его логическим дизайном, конструктивной валидностью измерений и особенно объемом выборки, от которого зависит статистическая мощность (Meehl, 1978).

⁴ Р. Фишер и Дж. Нейман до последних дней боролись против объединения двух теорий и переноса понятий из одной модели в другую (см.: Gigerenzer, Murray; 1987, Sedlmeier, Gigerenzer, 1989). Э. Пирсон в перепалке не участвовал.

ПЗНГ стала доминировать в англоязычной психологии в 1940–1955 гг., вытеснив другие подходы к описанию результатов исследования и тщательный анализ данных. Всплеск публикаций с использованием ПЗНГ получил название «революции вывода» (Gigerenzer, 1993; Hubbard, Ryan, 2000). Причудливый гибрид двух теорий в большинстве учебников по прикладной статистике излагается как догма.

Хотя в исторической перспективе гибридная форма статистического вывода имела определенные преимущества (см.: Hubbard, Parsa, Luthy, 1997), смешение двух несовместимых теорий имело прямые негативные следствия (Finch, Cumming, 2001), что проявилось прежде всего в неверной интерпретации p и α . Напомним, что, по Р. Фишеру, p оценивает силу доказательств против нуль-гипотезы в единичном исследовании и не допускает частотной интерпретации. Это случайная переменная, основанная на данных. Неправильно называть значение p ошибкой I рода. Напротив, ошибка I рода, α – фиксированное значение, установленное исследователем. Эта ошибка имеет простую частотную интерпретацию: при заданном уровне α на большом числе выборок, извлеченных из одной и той же генеральной совокупности, истинная H_0 будет ошибочно отвергнута не более чем в $\alpha \cdot 100\%$ случаев. Ошибка I рода не зависит от данных и является свойством критерия. Многие авторы пытаются дать значению p частотную

интерпретацию по аналогии с α . Другая распространенная ошибка состоит в том, что исследователь выбирает уровень значимости (допустимую величину α) и в случае получения значимого результата, т. е. когда значение статистического критерия попадает в критическую область, приводит точное значение p как меру доказательности ошибочности нуль-гипотезы. С позиций Дж. Неймана и Э. Пирсона это неправильно. Поскольку α установлена до проверки гипотезы, решение дихотомично: H_0 верна или неверна. Точное положение значения критерия в критической области совершенно неважно. Парадокс теории Неймана–Пирсона в том, что новые данные, полученные после неудачной попытки отклонения нуль-гипотезы, не позволяют ее отвергнуть в следующий раз. Более точно, если α установлена равной 0.05, при второй проверке ошибка I рода она будет обусловлена первой неудачей и составит не 0.05, а $0.0975 = 0.05 + 0.05 \cdot 0.095$ (см.: Hubbard, 2004, p.310).

Одной из самых распространенных ошибок является так называемая скользящая α , когда в одной публикации автор приводит несколько уровней значимости, отмечая количеством звездочек $p < 0.05$, $p < 0.01$ и т. д. В действительности уровень значимости, или ошибка I рода устанавливается единожды, до начала исследования, и не корректируется в зависимости от величины коэффициентов или разностей средних (Труоп, 2001)⁵. Следует либо приводить

⁵ Одной из причин смешения p и α , как сообщает в биографии У. Госсета (Стьюдента) Эгон Пирсон, явилось нежелание Р. Фишера перепечатывать в своих книгах точные таблицы

рассчитанное в процессе анализа точное значение p , не интерпретируя его в частотных терминах, либо сообщать заранее установленный уровень ошибки I рода, и в этом случае ограничиваться дихотомическим решением и не рассчитывать точное значение p .

По данным Р. Хаббарда, смешение p и α допускают практически все известные авторы, в том числе большинство авторов, цитированных в данной статье. Оно также присутствует во многих англоязычных учебниках и в подавляющем большинстве эмпирических статей (см.: Hubbard, 2004; Hubbard, Armstrong, 2006). Это касается и публикаций на русском языке, в том числе популярных учебников (Наследов, 2006; Сидоренко, 2003 и др.).

Заблуждения, связанные с проверкой статистической значимости

Большая часть документированных в литературе ошибок связана с доминирующей фишеровской традицией, основанной на оценке вероятности получения результата при условии, что нуль-гипотеза верна. По этой причине в названии раздела мы использовали фишеровское словосочетание, а не неймановскую «проверку статистической гипотезы». Даже определяя значение p правильно,

но, многие авторы его неправильно интерпретируют. Среди распространенных ошибок в процедуре ПЗНГ — неверная интерпретация значения p как 1) показателя истинности нуль-гипотезы, 2) вероятностной меры случайного получения результатов, 3) объективного средства проверки нуль-гипотезы, 4) меры доказательств истинности альтернативной гипотезы, 5) меры воспроизводимости результатов и 6) показателя практической важности полученного результата. Мы остановимся на этих ошибках очень кратко, лишь для обоснования поиска альтернативных практик статистического вывода, и отсылаем заинтересованных читателей к цитированным здесь публикациям (Cohen, 1994; Sohn, 1998; Thompson, 2006 и др.)⁶.

Заблуждение 1: p как показатель истинности нуль-гипотезы

Основной недостаток общепринятой процедуры ПЗНГ с использованием значения p («статистической значимости») состоит в том, что p «не говорит нам того, что мы хотим знать», т. е. вероятности того, что нуль-гипотеза верна (Cohen, 1994, p. 977). Эту мысль тридцатью годами ранее высказал Д. Бейкан: «Критерий значимости не дает информации о психологических феноменах, которая ему обычно приписывается»

критерия хи-квадрат, подготовленные его недругом Карлом Пирсоном и сотрудниками. Р. Фишер рассчитал собственные таблицы, составленные так, чтобы значения критерия сообщались для некоторых «круглых» значений p (см.: Hubbard, 2004). Со временем эти «пороговые значения» закрепились на практике.

⁶ Список из 402 работ, посвященных ПЗНГ, оставлен Б. Томпсоном в 2001 г. Режим доступа: <http://welcome.warnercnr.colostate.edu/~anderson/thompson1.html>

(Вакан, 1966, р. 423). Значение p повсеместно и *неверно* интерпретируется как вероятность того, что нуль-гипотеза верна в свете полученных данных. Обозначим эту (желаемую) условную вероятность как $P(H_0|D)$, где D означает «данные». Если вероятность истинности нуль-гипотезы мала (менее 0.05), мы отклоняем ее в пользу альтернативной гипотезы. Именно эта логика ПЗНГ представлена в большинстве учебников для психологов. В действительности ПЗНГ дает нам обратную условную вероятность: $P(D|H_0)$. Значение p — это *рассчитанная вероятность того, что данный или более экстремальный результат для выборки данного объема может быть получен при условии, что нуль-гипотеза верна в генеральной совокупности*⁷ (Finch, Cumming, Thomason, 2001, р. 183; Thompson, 2006), и, как отмечают Л. Кронбах и Р. Сноу, только байесова статистика позволяет делать утверждения о $P(H_0|D)$ (см.: Carver, 1978, р. 384). Начинаящие исследователи полагают, что ПЗНГ позволяет делать выводы о неизвестных параметрах генеральной совокупности. На самом деле эта процедура предполагает определенные характеристики генеральной совокупности истинными и проверяет выборочные статистики, а не основывается на них.

Смешение двух условных вероятностей свойственно авторам многих учебников по статистике (Brewer, 1985), не говоря уже об авторах диссертаций и эмпирических статей,

хотя эти вероятности могут заметно различаться. Дж. Коэн показывает это на примере диагностики шизофренического расстройства (Cohen, 1994, р. 998–999). Пусть распространенность этого заболевания в популяции взрослых составляет 2% ($P(H_1) = 0.02$ и $P(H_0) = 0.98$). Обозначим позитивный результат теста символом D . Чувствительность теста (способность правильно определять наличие расстройства, или $P(D|H_1)$) составляет 0.95; специфичность теста (способность правильно определять отсутствие расстройства, или $P(\text{не-}D|H_0)$) равна 0.97, т. е. $P(D|H_0) = 0.03$. По теореме Байеса вероятность того, что нуль-гипотеза верна, при условии получения позитивного результата теста равна:

$$P(H_0|D) = \frac{P(H_0) \cdot P(D|H_0)}{P(H_0) \cdot P(D|H_0) + P(H_1) \cdot P(D|H_1)} = \frac{0.98 \cdot 0.03}{0.98 \cdot 0.03 + 0.02 \cdot 0.95} = 0.607$$

Вероятность того, что индивид с диагностированным шизофреническим расстройством здоров, превышает 0.6, хотя значение $p = 0.03$! Критики незамедлительно указали на неубедительность примера с шизофренией. Д. Зон, противник байесова подхода в статистике, считает полученный результат следствием того, что шизофренические расстройства редки, и подобные задачи якобы «не типичны для психологии» (Sohn, 1998, р. 295). Однако работы Дж. Бергера и Т. Селке (см. обзор и ссылки на сайт с программой Дж. Бергера:

⁷ Ряд статистиков выступает против того, чтобы при принятии решения об отклонении нуль-гипотезы учитывать вероятность прямо не наблюдаемых («более экстремальных») результатов.

Hubbard, Lindsay, 2008) показывают, что $P(H_0|D)$ существенно превышает p как раз в типичных для психологии задачах. Так, при уровне значимости $p = 0.05$ будет ошибочно отвергнуто как минимум 22% истинных нуль-гипотез. По совокупности исследований, проведенных на реальных и симулированных данных, можно уверенно утверждать, что значения p существенно преувеличивают доказательность свидетельств против нуль-гипотез. Это обстоятельство заставляет критически воспринимать публикации, в которых делается вывод о наличии «тренда» или «тенденции» на том основании, что полученный результат «близок к статистически значимому» (см.: Труон, 2001).

Неверная интерпретация p как вероятности истинности H_0 отчасти объясняется ошибкой переноса логики доказательства от противного на вероятностные утверждения. Условный деструктивный силлогизм, так называемый *modus tollens*, лежащий в основании метода фальсификации, имеет форму «Если А, то В; не-В; следовательно, не-А» (Ивин, 2003). Отрицание следствия ведет к отрицанию основания. Однако этот силлогизм, сконструированный в вероятностных терминах, приводит к неверному выводу: «Если X — человек, маловероятно, что X — психолог; X — психолог; следовательно, маловероятно, что X является человеком» (примеры подобных «силлогизмов» в применении к проверке нуль-гипотез см.: Cohen, 1994; Gigerenzer, 1993). Логическое и вероятностное доказательства «являются разными системами, подчиняющимися разным правилам» (Falk, Greenbaum, 1995, p. 81). Р. Фишер хорошо пони-

мал проблему обратного вывода — необходимость делать вывод о нуль-гипотезе, т. е. $P(H_0)$, имея в наличии значение $P(D|H_1)$, но не смог ее решить без обращения к байесовой статистике.

Заблуждение 2: p как показатель вероятностной меры случайного получения результатов

Нечувствительность к условно-вероятностной природе значения p побуждает многих авторов учебников неправильно определять его как вероятность случайного получения результата. Подобное неверное определение p — как «вероятности того, что ... <результаты> носят случайный характер» — приведено в одном из лучших современных российских учебников (Наследов, 2006, с. 99). По этому поводу ясно высказался Р. Карвер: «Значение p не может быть вероятностью того, что разность между средними значениями... обусловлена случайностью, поскольку (а) значение p рассчитано в предположении, что вероятность случайного получения различия между средними равна единице, и (б) значение p используется для решения о принятии или отвержении идеи о том, что вероятность того, что случайность обусловила разность между средними, равна единице» (Carver, 1978, p. 383).

Заблуждение 3: p как объективное средство проверки нуль-гипотезы

Популярность ПЗНГ часто связывают с тем, что эта процедура будто бы обеспечивает объективность выводов (Hubbard, Parsa, Luthy, 1997; Kirk, 1996; Kline, 2004) и позволяет

уменьшить различия в ценностях (Thompson, 1999). Объективность значения p как меры доказательства ошибочности нуль-гипотезы подчеркивал Р. Фишер: «Чувство, вызванное проверкой значимости, имеет объективную основу в том, что вероятностное утверждение, на котором оно базируется, есть факт, сообщаемый и проверяемый другими рассудительными умами» (цит. по: Hubbard, Lindsay, 2008, p. 71). Между тем значения p зависят не только от полученных данных, но и от факторов, находящихся под контролем исследователя: объема выборки, выбранного статистического критерия, дизайна исследования, формулировки нуль-гипотезы. Так, на основании субъективных представлений исследователь может делить значение p пополам, чтобы использовать односторонний статистический критерий или корректировать его в процедуре множественных сравнений. Интерпретация p зависит от формулировки нулевой (точечная или интервальная) и альтернативной (одно- или двусторонняя) гипотезы.

Необъективность показателя p проявляется и в его чувствительности к объему выборки. Так, статистически значимый коэффициент корреляции Пирсона (двусторонний критерий t) для $N=10$ должен превышать 0.632, а для $N=1000$ может иметь пренебрежимо малое значение 0.062. В этом смысле можно утверждать, что p служит критерием величины выборки (Daniel, 1998, p. 26). На больших выборках, типичных для социологических опросов и диссертационных исследований в психологии, даже бессмысленные коэффициенты корреляции стати-

стически значимы, Д. Ликкен назвал это корреляционным шумом (см.: Cohen, 1994). Ситуация осложняется тем, что не только обычные люди, но и академические психологи нечувствительны к роли объема выборки в задачах статистического характера (Тверски, Канеман, 2005).

Многие критики отмечают бессмысленность типичной формулировки нуль-гипотезы, касающейся нулевого статистического эффекта, т. е. равенства средних значений или равенства коэффициента корреляции нулю. По Р. Фишеру, нуль-гипотеза (null hypothesis) — это все лишь утверждение, которое предполагается отвергнуть (нуллифицировать, nullify). Утверждение о равенстве параметра или эффекта нулю Дж. Коэн предлагает называть более точно — *nil hypothesis*, что можно перевести как «совершенно нулевая гипотеза». По поводу этого утверждения известно, что оно «всегда ложно» — на достаточно большой выборке и при достаточно точном уровне измерения (см.: Cohen, 1994; Daniel, 1998; Meehl, 1978; Tukey, 1991). Другими словами, для «совершенно нулевой» гипотезы вероятность ошибки первого рода почти всегда равна нулю, а большие выборки и вовсе не дают ей шанса уцелеть. Трудно оценить количество таких артефактных открытий в психологии.

Заблуждение 4: p как показатель меры воспроизводимости результатов

Авторы часто полагают, что маленькое значение p (меньше 0.05) свидетельствует в пользу альтернативной гипотезы (см.: Brewer, 1985;

Carver, 1978; Oakes, 1986). Однако «никто не смог предложить убедительного доказательства того, что малая вероятность $P(D|H_0)$ является достаточным основанием для (а) отклонения H_0 и (б) подтверждения H_1 » (Sohn, 1998, р. 298). Еще более серьезная ошибка связана с выводом об истинности проверяемой теории вследствие отвержения нуль-гипотезы. Дело здесь не только в подмене силлогизмов (см.: Cohen, 1994, р. 999), но и в нарушении базовой логики построения научных теорий (Meehl, 1990). Проверяемая содержательная теория основана на вспомогательных теориях и предположениях, и именно следствия из этих предположений формулируются в виде альтернативной гипотезы, противостоящей нуль-гипотезе (Meehl, 1978). Отвержение последней может быть индикатором ложности любого из вспомогательных предположений, но не содержательной теории. Будучи статистическими гипотезами, H_0 и H_1 сами по себе не имеют содержательного смысла и совместимы с различными содержательными гипотезами (Kline, 2004). Статистическая значимость не дает информации о том, какой из факторов ответствен за полученный результат. Как выразил эту мысль С. Чоу, «<Содержательная> теория истинна лишь в той степени, в которой она выдерживает согласованные попытки фальсифицировать ее с помощью тщательно спроектированной и выполненной серии конвергентных операций» (Chow, 1998, р. 325), и вопросы об истинности имеют не статистический, а концептуальный характер. Выборочная ошибка, возможное влияние которой на результат проверя-

ется с помощью критериев статистической значимости, является лишь одним из 15 угроз валидности исследования (Carver, 1978). Отклонив эту угрозу в случае статистически значимого результата, исследователь должен позаботиться еще о 14 угрозах.

Заблуждение 5: p как показатель меры воспроизводимости результатов

Еще одна ошибка, совершаемая явно или лишь предполагаемая в рассуждениях, состоит в трактовке значения $(1 - p)$ как меры воспроизводимости полученных результатов (Oakes, 1986). Это «когнитивная западня» связана с тем, что «поскольку H_0 есть гипотеза о случайности, а значимый результат означает отклонение гипотезы, почти неизбежно возникает соблазн сделать вывод о том, что этот эффект не является случайным и может появиться снова» (Falk, Greenbaum, 1985, р. 90). На самом деле ПЗНГ не оценивает воспроизводимость результатов, а предполагает ее (Thompson, 1999, 2006). Репликация результатов зависит не от условной вероятности $P(D|H_0)$, а от дизайна исследования, выборки и величины полученного эффекта. Д. Зон напоминает, что ПЗНГ основана на идее бесконечного (пусть и воображаемого) извлечения выборок равного объема, необходимого для построения выборочного распределения статистики, поэтому маленькое значение p может верифицируемо предсказать результат лишь при бесконечных воспроизведениях исследования. Поскольку последнее условие невыполнимо, статистическая значимость не может указывать

на воспроизводимость (Sohn, 1998, p. 300). Д. Зон также считает процедуру ПЗНГ самодостаточной: «Парадокс практики проверки значимости — в обстоятельствах *эмпирической* проверки... делающей последующие *эмпирические* свидетельства избыточными... Проверка значимости по духу фундаментально антиэмпирична. <Она> ... позволяет ученому не проводить исследований, направленных на воспроизведение» (Sohn, 1998, p. 301). Дж. Миллер в недавней статье показывает, что вероятность воспроизведения статистически значимого эффекта принципиально не может быть рассчитана (Miller, 2009). Если соглашаться с тем, что цель науки состоит в кумуляции знания, в создании обобщенных теорий, проверка статистической значимости явно бесполезна. О воспроизводимости результатов свидетельствуют либо реальные (в терминологии Б. Томпсона «внешние») воспроизведения исследований, либо статистические процедуры вроде кросс-валидации, расшнурованной (bootstrap) выборки или выборки «складного ножа» (jack-knife) — так называемые «внутренние воспроизведения» (Daniel, 1998; Thompson, 1993, 2006).

Заблуждение б: p как показатель практической важности полученного результата

Недопустимость интерпретации статистически значимых результатов как важных обсуждается методологами в течение восьми десятилетий, т. е. на протяжении всей истории проверки статистической значимости нуль-гипотез (Daniel, 1998). Распространенной практикой является

подмена терминов, когда статистически значимые результаты, например, в корреляционной матрице отмечаются звездочками, а в конце статьи обсуждаются как просто значимые, большие и важные (Cohen, 1994, p. 1001). Хорошо известно критическое отношение практиков к результатам академических исследований, и эта критичность отчасти связана с различными критериями важности результатов (см.: Kline, 2004, ch. 1). Социальная, практическая и клиническая значимость имеют мало общего со значимостью статистической (Thompson, 2002). Так, при оценке клинической значимости обращают внимание, например, на долю пациентов, состояние которых улучшилось, и на индивидуально-ориентированные показатели, но не на значение p (Henson, 2006). Как отмечает Б. Томпсон, суждение о важности результата непременно носит ценностный характер, и ссылка на якобы объективные статистические критерии не снимает ответственности с исследователя (Thompson, 1999). Оценка важности полученных результатов, полагает Р. Кирк, есть задача ученого, а не побочный продукт статистических процедур: «Исследователь, собравший и проанализировавший данные, находится в лучшем положении для принятия решения о том, являются ли результаты тривиальными» (Kirk, 1996, p. 755). Смешение статистической и практической значимости во многом связано с неудачным оборотом, особенно когда авторы опускают слово «статистически» и пишут, например, «значимые различия» или «значимая корреляция». П. Мил характеризует последнее прилагательное

довольно сильным эпитетом – «злокачественное» (Meehl, 1978). В литературе неоднократно высказывались предложения заменить «значимость» на более точное слово, например, «надежность» (см.: Kline, 2004), хотя Р. Карвер считает эту замену крайне неудачной (Carver, 1978).

ПЗНГ как препятствие развитию науки

Ошибки в использовании и интерпретации ПЗНГ столь распространены, что напрашивается вывод о несовершенстве лежащей в ее основе статистической модели. Так, ошибочные идеи по поводу статистического вывода обнаружены в двух десятках англоязычных учебников, опубликованных в 1965–1994 гг., в том числе в книгах, написанных ведущими методологами (см.: Труоп, 2001). Из российских учебников отметим довольно популярное пособие Е.В. Сидоренко (Сидоренко, 2003), ссылки на которое встречаются в текстах диссертационных работ. Написанная остроумно и с явной заботой о студентах, эта книга является коллекцией архаизмов и искренних заблуждений.

Среди причин ошибок в использовании и интерпретации ПЗНГ в литературе называются сила инерции, закрепленная в образовательных практиках, консерватизм редакторов научных журналов, незнание истории становления теории статистического вывода, трудности с усвоением понятий теории вероятности, лингвистические факторы (использование эпитета «значимое» <различие>, сокрытие условной природы вероятностей в «ошибке I рода» и

др.), а также отсутствие ясных и безукоризненных альтернатив. Эмпирические исследования показывают, что психологи и социальные исследователи не понимают логики проверки нуль-гипотез (Gigerenzer, Murray, 1987; Mittag, Thompson, 2000).

Многие авторы критикуют доминирующую статистическую модель за дихотомическое решение в пользу нулевой или альтернативной гипотез, что препятствует накоплению научных знаний (Cohen, 1994). Отчасти это обстоятельство имел в виду Р. Кирк, заявляя, что «акцент на значении p и отклонении H_0 на деле отвлекает нас от действительных целей: решения о том, подкрепляют ли данные нашу научную гипотезу и являются ли они практически значимыми или полезными» (Kirk, 1996). Р. Розноу и Р. Розенталь также заявляют, что «дихотомическая проверка значимости не имеет онтологической основы», и иронизируют: «Несомненно, Бог любит [значение] 0.06 не меньше, чем 0.05. Могут ли быть сомнения в том, что Бог рассматривает силу доказательств за нуль-гипотезу или против нее как непрерывную функцию величины p ?» (Rosnow, Rosenthal, 1989, p. 1277).

Обзор литературы в данной статье выполнен в жанре критики ПЗНГ. Как бывает в научном споре, оппоненты часто риторически преувеличивают силу своих аргументов. Некоторые авторы чересчур категоричны в своих оценках: «... Почти универсальная опора на простое отвержение нуль-гипотезы как стандартный метод подтверждения содержательных теорий в неточных (soft) науках — ... одна из самых плохих вещей, случившихся в истории

психологии» (Meehl, 1978, p. 817), это «самая порочная форма научного метода» (Carver, 1993, p.288), «Наша наука заплатила высокую цену за свою ритуальную приверженность проверке значимости нуль-гипотезы» (Kirk, 1996, p.756). Однако цель, которую сформулировал Дж. Нелдер (1986) — «самая важная задача ... в развитии статистической науки — уничтожить культуру значений p ...» (цит. по: Hubbard, Lindsay, 2008, p. 9), — нам кажется слишком экстремистской.

Критика ПЗНГ не осталась без ответа. Мы не будем развернуто обсуждать здесь эти контраргументы по трем причинам. Во-первых, выступления защитников проверки значимости были заметно более малочисленными по сравнению с критическими публикациями. Во-вторых, по нашему мнению, они были менее убедительны и каждое серьезное возражение было встречено новой солидной аргументацией и критикой (напр.: Carver, 1993; Schmidt, Hunter, 1997). В-третьих, — и это самое важное — контраргументация неоднородна, и ее содержательный анализ требует отдельной большой публикации. Ограничимся очень кратким изложением этих идей.

А. Гринвалд с соавт. (Greenwald et al., 1996) показывают, что в определенных ситуациях значения p могут свидетельствовать о воспроизводимости результатов. Р. Абельсон (Abelson, 1997) считает, что ПЗНГ идеальным образом подходит для оценки пригодности модели данным, и значение p , по сути, подобно показателю пригодности GOF (goodness-of-fit), используемому, например, в структурных уравнениях или

логлинейном анализе. Логика проверки значимости столь проста и элегантна, считает Р. Абельсон, что если бы этого подхода не было, его следовало бы изобрести. Согласно Р. Фрику (Frick, 1996), статистическая проверка нуль-гипотезы как раз бесполезна для проверки моделей. Из-за нелинейных отношений между переменными и ненадежности измерений в психологии практически невозможны количественные предсказания, основанные на величинах статистических эффектов. Никто не говорит, что рост фрустрации на одну единицу приводит к повышению агрессии на 0.5 единиц. Говорят о том, что фрустрация усиливает агрессию или что курение положительно связано с раком. Такие утверждения Р. Фрик называет порядковыми. Основная мысль автора в том, что проверка значимости наилучшим образом подходит для проверки такого рода законов. Эта идея получила развитие (Jones, Tukey, 2000). Вместо нуль-гипотезы о равенстве двух средних, которая, как показано в предыдущем разделе данной статьи, всегда неверна, Л. Джонс и Дж. Тьюки предложили оценивать вероятность справедливости трех утверждений: 1) $\mu_1 - \mu_2 > 0$, 2) $\mu_1 - \mu_2 < 0$ и 3) знак $\mu_1 - \mu_2$ (пока) не определен. Модель Джонса и Тьюки следует рассматривать не как модификацию традиционной ПЗНГ, а как альтернативу ей. С. Чоу (1988) доказывает, что бинарное решение (отклонить/не отклонять нуль-гипотезу) согласуется с идеей поступательного накопления научных данных, если правильно сформулировать и содержательно обосновать нуль-гипотезу.

Следует отметить, что даже самые воинственные противники ПЗНГ не исключали полезности этой процедуры в двух случаях. Первый — так называемая сильная форма проверки (Meehl, 1978; см. также: Cohen, 1994), когда содержательная теория сформулирована ясно и точно, так что при опровержении (фальсификации) центрального предсказания теории она признается ложной. Подобные концепции являются идеалом научности для К. Поппера, и они типичны для точных наук вроде физики. Второй случай касается «сельскохозяйственной модели» науки (Meehl, 1978; Chow, 1988, 1999). Ее суть в том, что экспериментальная манипуляция (внесение удобрения) является содержательной, сущностной, т. е. нет необходимости в гипотетических конструктах и индикаторах. В этих условиях отвержение нуль-гипотезы также идентично отвержению теории и оценка вероятности истинности нуль-гипотезы становится избыточной. Нет необходимости доказывать, что эти два случая не имеют отношения к психологии — «мягкой» науке (Meehl, 1988), — понятия которой гипотетичны, противоречивы и недостаточно ясно определены.

Запрет ПЗНГ, за который выступили Р. Карвер, П. Мил, Ф. Шмидт, Дж. Шейвер и др., невозможен хотя бы потому, что принятая практика проверки значимости глубоко укорена, «остается удивительно стабильной в течение полувека» (Finch, Cumming, 2001, p. 197) и в сознании нескольких поколений исследователей связывается со стандартами научности и объективности. Как отмечает Д. Зон, уже во время учебы

в университете психологи научаются «рационализировать свои скромные результаты» с помощью статистики (Sohn, 1998, p. 307). У. Трайон делает пессимистичный вывод: «Значительные и повторяющиеся усилия, принятые за прошедшие 75 лет для устранения неправильного использования ПЗНГ <...>, не были продуктивными. Нет оснований ожидать, что дальнейшие усилия в этом направлении будут полезными» (Truon, 2001, p. 372). В редакционной статье в «Journal of Applied Psychology» Дж. Кэмпбелл сетует: «Возможно, значения p подобны комарам. Они занимают эволюционную нишу, и никакие почесывания, хлопки или опрыскивания не изгоняют их» (Campbell, 1982, цит. по: Finch, Cumming, 2001, p. 186).

В поисках альтернатив

В этом разделе мы рассмотрим некоторые предложения рабочей группы Американской психологической ассоциации, созданной для разрешения споров по поводу использования статистических методов. Отчет рабочей группы (Wilkinson and TFSI, 1999) составлен как руководство по использованию статистических методов в научной публикации: при планировании, проведении и описании психологических исследований. Структура руководства соответствует типичному формату эмпирических статей в научных журналах: метод (дизайн, определение генеральной совокупности, выборка, распределение испытуемых по условиям, измерение), результаты (поиск аномалий в данных, анализ) и обсуждение результатов (интерпретация и

выводы). Вопросы, рассматриваемые в данной статье, обсуждаются в разделе «Анализ». Априорная оценка статистической мощности обсуждается в разделе «Метод». Пересказ и тем более оценка всех предложений рабочей группы выходит далеко за рамки данной статьи, к тому же в тексте прослеживаются непоследовательность и компромиссы между авторами, стоящими на разных позициях. Было бы полезно опубликовать перевод полного текста отчета в одном из российских психологических журналов. Некоторые рекомендации — особенно по поводу формирования выборки, определения ключевых переменных, более широкого использования методов графического анализа (в том числе для проверки предположений статистических моделей), проверки множественных гипотез, выбора простейшего из возможных методов анализа, каузального вывода — чрезвычайно актуальны для исследовательской практики. Мы извлекли из текста четыре ключевых тезиса по поводу ПЗНГ и альтернативных ей подходов.

1. Руководство предписывает сообщать не только объем выборки, но и «информацию о... процессе принятия решения об объеме выборки», в том числе размеры статистических эффектов. И далее: «Расчет мощности имеет наибольший смысл, если он сделан до сбора данных. Поэтому важно показать, каким образом показатели размера эффекта были получены из предыдущих исследований и

теории, с тем чтобы рассеять подозрения в том, что они могли быть рассчитаны на основании данных, использованных в исследовании, или, того хуже, сфальсифицированы с целью оправдать размер выборки» (Wilkinson and TFISI, 1999, p. 596). Априорный анализ мощности требует поиска в литературе наилучших оценок величин статистических эффектов и потому «стимулирует более серьезное отношение авторов к предшествующим исследованиям и теории в их области и лишь немногим оставляет... возможность утверждать, что не существует серьезных работ, кроме данного исследования» (там же)⁸. Отметим, что внимание рабочей группы к статистической мощности свидетельствует о нежелании или неготовности отказаться от ПЗНГ, поскольку в принятой сегодня теории статистического вывода оба понятия тесно связаны: «Если проверка значимости больше не используется, понятие статистической мощности избыточно и не имеет смысла» (Schmidt, 1996, p. 124).

2. Рекомендацию по поводу проверки гипотез приведем целиком: «Сложно представить ситуацию, когда дихотомическое решение «принять—отвергнуть» предпочтительнее сообщения точного значения p и особенно доверительного интервала. Не следует использовать неудачное выражение “принимается нулевая гипотеза”. Значения p должны всегда сопровождаться информацией о величине эффекта. Статья Коэна

⁸В отечественных публикациях и диссертационных работах бездоказательные утверждения о недостаточной изученности проблемы и об отсутствии убедительных исследований стали практически ритуальными.

(Cohen, 1994) на эту тему будет особенно полезна для психологов» (Wilkinson and TFSI, 1999, p. 599). Этот фрагмент особенно противоречив. ПЗНГ не отвергается, хотя оборот «сложно представить ситуацию» ставит ее под сомнение. Необходимость расчета доверительных интервалов, продвигаемая противниками ПЗНГ, не исключает использования фишеровского значения p . Вторая фраза в рекомендации рабочей группы отдает предпочтение фишеровской теории над концепцией Неймана-Пирсона. Реформаторский посыл содержится лишь в требовании всегда сообщать величину статистического эффекта наряду с традиционным p .

3. Позиция рабочей группы по поводу величин статистических эффектов более определена: «Следует всегда приводить величины эффектов для основных результатов» (Wilkinson and TFSI, 1999, p. 599). Посетовав на то, что мягкий совет авторам статей сообщать величину эффекта, высказанный в предыдущем (4-м) издании «Руководства Американской психологической ассоциации по подготовке публикаций», не оказал на них никакого влияния, члены рабочей группы повторяют и разъясняют свою позицию: «Мы снова подчеркиваем, что сообщение и интерпретация величин эффектов в контексте ранее полученных результатов является неотъемлемой частью хорошего исследования. Это дает возможность читателю оценить стабильность результатов относительно выборок, дизайнов и способов анали-

за данных. Сообщение величин эффектов дает информацию для анализа за мощности и метаанализа в последующих исследованиях» (Wilkinson and TFSI, 1999, p. 599).

4. Руководство придает особую ценность построению доверительных интервалов «для всех величин эффектов основных результатов», в том числе «для корреляций и других коэффициентов ассоциации и дисперсии» (Wilkinson and TFSI, 1999, p. 599). Многие профессиональные статистики и эксперты в других областях знания предпочитают доверительные интервалы точечным оценкам. Среди прочего это связано с тем, что «сравнение доверительных интервалов, полученных в данном исследовании, с интервалами, приведенными в других исследованиях, способствует привлечению внимания к вопросу стабильности результатов. Накопление данных об интервалах, полученных в различных исследованиях, позволяет установить вероятные области нахождения параметров генеральной совокупности» (там же). К сожалению, построение доверительных интервалов для статистических эффектов выходит за рамки элементарной статистики, так как основано на нецентральных теоретических распределениях.

Обсуждаемые в литературе альтернативы ПЗНГ также не лишены недостатков. По этому поводу Дж. Коэн высказался недвусмысленно: «Не ищите магическую альтернативу статистической проверке нуль-гипотезы... Ее не существует» (Cohen, 1994, p. 1001).

Литература

Ивин А.А. Логика. М.: Фаир-Пресс, 2003.

Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. 2-е изд. СПб.: Речь, 2006.

Сидоренко Е.В. Методы статистической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2003.

Стерн Дж., Смит Дж. Отсевание фактов: почему нас не удовлетворяют статистические критерии значимости? // Обзор современной психиатрии. 2003. Вып. 18.

Тверски А., Канеман Д. Вера в закон малых чисел // Под ред. Д. Канемана, П. Словика, А. Тверски. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 39–48.

Фишер Р.А. Статистические методы для исследователей. М.: Госстатиздат, 1958.

Abelson R.P. A retrospective on the significance test ban of 1999 (if there were no significance tests, they would be invented) // L.L. Harlow, S.A. Mulaik, J.H. Steiger (eds.). What if there were no significance tests? Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1997. P. 117–141.

American Psychological Association. Publication manual of the American Psychological Association. 5th ed. Washington, DC: APA, 2001.

Bakan D. The test of significance in psychological research // Psychological Bulletin. 1966. 66. 6. 423–437.

Brewer J.K. Behavioral statistics textbooks: Source of myths and misconceptions? // Journal of Experimental Education. 1985. 10. 3. 252–268.

Carver R.P. The case against statistical significance testing // Harvard Educational Review. 1978. 48. 3. 378–399.

Carver R.P. The case against statistical significance testing, revisited // Journal of Experimental Education. 1993. 61. 2. 287–292.

Chow S.L. Significance test or effect size? // Psychological Bulletin. 1988. 103. 1. 105–110.

Chow S.L. What statistical significance means Theory & Psychology. 1998. 8. 3. 329–3330.

Cohen J. The Earth is round ($p < .05$) // American Psychologist. 1994. 49. 12. 997–1003.

Daniel L.G. Statistical significance testing: A historical overview of misuse and misinterpretation with implications for the editorial policies of educational journals // Research in the Schools. 1998. 5. 2. 23–32.

Falk R., Greenbaum C.W. Significance tests die hard: The amazing persistence of a probabilistic misconception // Theory & Psychology. 1995. 5. 1. 75–98.

Finch S., Cumming G., Thomason N. Reporting of statistical inference in the Journal of Applied Psychology: Little evidence of reform // Educational and Psychological Measurement. 2001. 61. 2. 181–210.

Fisher R.A. The design of experiments. 8th ed. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1966.

Frick R.W. The appropriate use of null hypothesis testing // Psychological Methods. 1996. 1. 4. 379–390.

Gigerenzer G. The superego, the ego, and the id in statistical reasoning // G. Keren, C. Lewis (eds.). A handbook for data analysis in the behavioral sciences: Methodological issues / Hillsdale, NJ.: Erlbaum, 1993. 311–339.

Gigerenzer G., Murray D.J. Cognition as intuitive statistics. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1987.

Greenwald A.G., Gonzalez R., Harris R.J., Guthrie D. Effect size and p-values: What

should be reported and what should be replicated? // *Psychophysiology*. 1996. 33. 2. 175–183.

Hubbard R. Alphabet soup: Blurring the distinctions between p's and α 's in psychological research // *Theory & Psychology*. 2004. 14. 3. 295–327.

Hubbard R., Armstrong J.S. Why we don't really know what statistical significance means: Implication for educators // *Journal of Marketing Education*. 2006. 28. 2. 114–120.

Hubbard R., Bayarri M.J. Confusing over measures of evidence (p's) versus errors (α 's) in classical statistical testing // *The American Statistician*. 2003. 57. 3. 171–178.

Hubbard R., Lindsay R.M. Why P values are not a useful measure of evidence in statistical significance testing // *Theory & Psychology*. 2008. 18. 1. 69–88.

Hubbard R., Parsa R.A., Luthy M.R. The spread of statistical significance testing in psychology: the case of the *Journal of Applied Psychology*, 1917–1994 // *Theory & Psychology*. 1997. 7. 4. 545–554.

Hubbard R., Ryan P.A. The historical growth of statistical significance testing in psychology — and its future prospects // *Educational and Psychological Measurement*. 2000. 60. 5. 661–681.

Huberty C.J. Historical origins of statistical testing practices: The treatment of Fisher versus Neyman–Pearson views in textbooks // *Journal of Experimental Education*. 1993. 61. 4. 317–333.

Huberty C.J., Pike C.J. On some history regarding statistical testing // B. Thompson (eds.). *Advances in social science methodology*. Stamford, CT: JAI Press, 1999. 5. 1–22.

Jones L.V., Tukey J.W. A sensible formulation of the significance test // *Psychological Methods*. 2000. 5. 4. P. 411–414.

Kline R.B. *Beyond significance testing: Performing data analysis methods in behavioral research*. APA, 2004.

Meehl P.E. Theoretical risks and tabular asterisks: Sir Karl, Sir Ronald, and the slow progress of soft psychology // *Journal of consulting and clinical psychology*. 1978. 46. 4. 806–834.

Meehl P. Appraising and amending theories: The strategy of Lakatosian defense and two principles that warrant it // *Psychological Inquiry*. 1990. 1. 2. 108–141.

Miller J. What is the probability of replicating a statistically significant effect? // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2009. 16. 4. 617–640.

Mittag K.C., Thompson B. A national survey of AERA members' perceptions of statistical significance tests and other statistical issues // *Educational Researcher*. 2000. 29. 1. 14–20.

Nix T.W., Barnette J.J. The data analysis dilemma: Ban or abandon. A review of null hypothesis significance testing // *Research in the Schools*. 1998. 5. 1. 3–14.

Oakes M. *Statistical inference: A commentary for the social and behavioural sciences*. Chichester: Wiley, 1986.

Rosnow R.L., Rosenthal R. Statistical procedures and the justification of knowledge in psychological science // *American Psychologist*. 1989. 44. 10. 1276–1284.

Schmidt F. Statistical significance testing and cumulative knowledge in psychology: Implications for training of researchers // *Psychological Methods*. 1996. 1. 2. 115–129.

Schmidt F.L., Hunter J.E. Eight common but false objections to the discontinuation of significance testing in the analysis of research data // L.L. Harlow, S.A. Mulaik, J.H. Steiger (eds.). *What if there were no significance tests?* Mahwah, NJ: Erlbaum, 1997. 37–64

Sedlmeier P., Gigerenzer G. Do studies of statistical power have an effect on the power of studies // *Psychological bulletin*. 1989. 105. 2. 309–316.

Sohn D. Statistical significance and replicability: Why the former does not presage the latter? // *Theory & Psychology*. 1998. 8. 3. 291–311.

Thompson B. The use of statistical significance tests in research: Bootstrap and other alternatives // *Journal of Experimental Education*. 1993. 61. 4. 361–377.

Thompson B. If statistical significance tests are broken/misused, what practices should supplement or replace them? // *Theory and psychology*. 1999. 9. 2. 165–181.

Thompson B. «Statistical», «practical» and «clinical»: How many kinds of significance do counselors need to consider? // *Journal of Counseling and Development*. 2002. 80. 1. 64–71.

Thompson B. Foundations of behavioral statistics: An insight-based approach. N.Y: Guilford, 2006.

Tryon W.W. Evaluating statistical difference, equivalence, and indeterminacy using inferential confidence intervals: An integrated alternative method of conducting null hypothesis statistical tests // *Psychological methods*. 2001. 6. 4. 371–386.

Tukey J.W. The philosophy of multiple comparisons // *Statistical science*. 1991. 6. 1. 100–116.

Wilkinson L. and Task Force on Statistical Inference. Statistical methods in psychology journals: Guidelines and explanations // *American Psychologist*. 1999. 54. 8. 594–604.

Короткие сообщения

ВЫБОР СКРИПТОВ ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

А.А. САКБАЕВ

Резюме

Изучалась реализация социальных представлений в процессе принятия решений. В исследовании была разработана методика, позволяющая организовать сетевое (а не иерархическое) пространство поиска для выявления стратегий (выборов поведенческих скриптов) в процессе принятия решения относительно социальных объектов. В качестве социальных объектов использовались изображения 8 женских лиц. В предварительном исследовании выявлены имплицитные конструкты относительно данных объектов. Методом двушаговой классификации выделено три категории, надежно дискриминирующие имплицитные конструкты («внешний вид», «литературные предпочтения», «темперамент»). На основании выделенных конструктов составлены вербальные портреты социальных объектов. Испытуемым предлагается найти социальный объект, используя процедуру квеста. Показано, что в процессе социальной категоризации испытуемые руководствуются имплицитными представлениями.

Ключевые слова: скрипт, социальные (имплицитные) представления, принятие решения, социальная категоризация.

Социальные репрезентации и социальные представления играют важную роль в поддержании социальных контактов, а также в адаптивном планировании, предвосхищении и реализации скриптов. Социальные репрезентации участвуют в построе-

нии социальных скриптов, в частности, по мнению В. Дуаза, репрезентации отвечают за использование приемлемых способов социального поведения. В настоящее время термины «скрипт» и «сценарий» используются в исследованиях, посвященных,

в основном, построению и реализации программ *социального поведения* (см.: Чалдини и др., т. 1, с. 76). «*Сценарий помогает человеку скоординировать свое поведение с поведением других и не нарушать запретов в той или иной ситуации*» (Ghiglione, Bromberg, 1992).

Социальные представления и социальные категории онтологически сходны с постоянными репрезентациями. Социальные представления рассматриваются «*как результат протекающего в историческое время социального взаимодействия, требующего не только участия в нем всех членов, но и безусловного подчинения индивида группе*» (Улыбина, 2001. с. 12). Конструкт «социальные представления» может изучаться на социальном, общественном, культурном уровне личности. «*Согласно Московичи, социальные представления — это общественное обыденное сознание, в котором очень сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения (отчасти иррациональные), идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и во многом составляющие социальную реальность*» (Брушлинский, 1996, с. 7). Такие репрезентации имеют «характеристики, которые объединяют их в одну категорию. Каждая из них всегда замещает собой какой-либо объект (идею, человека, событие и т. п.); представляет собой образ, в котором чувственное и рациональное... взаимозаменяемы; символизирует и означает; конституирует (реальность); автономна и креативна; неразрывно связана с языком и культурой» (цит. по: Шихирев, 1999, с. 276).

Проблему категоризации можно представить как преодоление избыточности информационной среды. В связи с этим встает вопрос, на основании чего происходит селекция необходимой информации, каковы критерии принятия решения.

При планировании данного исследования мы исходили из следующей *теоретической гипотезы*: категоризация социальных объектов (человека) происходит в соответствии с ментальной моделью, которая строится на основе имплицитных конструктов и эксплицитных признаков, т.е. актуально доступной информации (визуальной и вербальной).

Экспериментальная гипотеза: имплицитные конструкты предопределяют пространство поиска и критерии принятия решения при категоризации в информационно избыточной среде.

Цель исследования состояла в реконструкции пространства поиска (при категоризации социальных объектов в информационно-избыточной среде) при актуализации имплицитных конструктов.

Исследование состояло из двух этапов: 1) реконструкция имплицитных моделей социальных объектов и построение на их основе информационно-избыточной среды; 2) исследование поисковых стратегий и принятия решения в информационно-избыточной среде (Ребеко, Сакбаев, 2004).

На первом этапе исследования приняло участие 63 человека в возрасте от 18 до 28 лет (студенты и аспиранты гуманитарных специальностей).

На втором этапе исследования приняло участие 96 человек в возрасте

18 лет (студенты и аспиранты гуманитарных специальностей).

Стимульным материалом служило изображение восьми лиц женщин, относящихся к одному социальному классу и возрастной категории. Для выявления имплицитных конструктов, образующих ментальную модель, была разработана анкета закрытого типа. Анкета состояла из 28 пунктов, относящиеся к внешнему виду, к личностным чертам, доминирующим состояниям, манере поведения и социальному статусу, предварительно отобранных в пилотажном эксперименте. Каждый пункт включал от 4 до 26 вариантов ответа.

Для реконструкции имплицитных конструктов персонажей использовалась двушаговая процедура классификации. Процедура построения деревьев классификации позволяет предсказать принадлежность наблюдений к тому или иному классу категориальной зависимой переменной (пункту) в зависимости от соответствующих значений одной или нескольких предикторных переменных (*дескрипторов*). Для анализа данных использовался алгоритм CHAID (Толстова, 2000, с. 265)

На первом этапе было выделено 11 пунктов (дескрипторов), значимо разделяющих восемь изображений на классы, из них три наиболее значимые: «внешний вид» ($p < 0.001$), «литературные предпочтения» ($p < 0.001$), «темперамент» ($p < 0.001$).

На втором шаге обработки данных в качестве зависимых переменных поочередно выступали пункты, наиболее значимо разделяющие изображения по «поведенческому автографу», а изображения лиц рассматривались в качестве предикторов.

По конструкту «внешний вид» изображения лиц были разделены на три группы (хи-квадрат = 164.87 при $df = 58$, $p < 0.001$): высокая мода, классика, авангард.

По конструкту «литературные предпочтения» — на три группы (хи-квадрат = 113.59 при $df = 58$, $p = 0.017$): научная литература, детективы и бульварное чтение, эзотерика и философия.

По конструкту «темперамент» лица — на четыре группы, близкие классической гиппократовской типологии (хи-квадрат = 108.98 при $df = 58$, $p < 0.001$): «сангвиникии», «холерики», неопределенный тип темперамента, «меланхолики».

Выделенные группы не одинаковы по своему составу и отчасти пересекаются. Однако три изображения не пересекались ни в одной из групп. Это типичные представители ментальных моделей, различающиеся по всем трем размерностям (внешний вид, темперамент, предпочитаемая литература), по которым все изображения достоверно дискриминируются. Те конструкты, которыми описываются изображения по трем размерностям, рассматривались как «центральные» свойства персонажей, эксплицитно не представленные в изображении.

На втором этапе разработки стимульного материала было создано вербальное описание трех изображений (типичных представителей ментальных моделей). Вербальный портрет основывался на данных кросстабуляции для трех изображений ($p = 0.013$). При составлении вербальных портретов в расчет принимались экстремальные значения дескрипторов (минимум или максимум по

каждому из дескрипторов в оппозиции к значениям для двух других изображений). Данные, полученные по конструктам «внешний вид», «литературные предпочтения», «темперамент», не включались в вербальные описания.

Например, для изображения 1 было составлен следующий вербальный портрет: *«Женщина, средних лет. Живет в мегаполисе, одна, в благоустроенной уютной квартире. Регулярно посещает парикмахера и маникюрный кабинет. Получила образование в области естественных наук. После окончания вуза не меняла места работы, является профи высокого класса, мотивирована в карьерном росте. Ее деятельность связана с политикой. Находится на государственной службе и имеет стабильный доход. Гордится собой и акцентирует свой статус. Не любит обсуждать свою прошлую жизнь. Занимает активную политическую позицию. Спортивна, подвижна. Атеистка. Предпочитает классическую музыку. Нет выраженных пристрастий. Немного механистична».*

Итак, на первом этапе исследования нами был создан стимульный материал, отвечающий требованиям избыточности и недостаточности. Свойство *избыточности* стимульного материала обеспечивалось, во-первых, визуальным кодом представления информации, и, во-вторых, способом составления вербального портрета.

Свойство *недостаточности* стимульного материала обеспечивается тем, что в визуальном изображении и в вербальной инструкции (в формулировке условий задачи) не используются признаки, достаточные для ее

решения. Например, имплицитный конструкт «темперамент» (выявленный в качестве составляющего ментальной модели) не упоминается в вербальном портрете и не имеет явных визуальных референтов.

Далее мы разработали технику, позволяющую актуализировать имплицитные конструкты. Сначала испытуемому предлагается найти «агента X», т. е. выбрать одно из 8 изображений на основании вербального портрета (см. выше). Затем последовательно дается уточняющая информация в форме трех скриптов. Для каждого из имплицитных конструктов (внешний вид, чтение, темперамент) разработан скрипт (варианты поведения), в котором максимально отчетливо проявляется «поведенческий автограф» каждой группы лиц.

Например, для конструкта «внешний вид» создан скрипт «*посещение отделов одежды*». Испытуемому предлагается 3 варианта выбора соответственно: «*высокая мода*», «*классическая мода*» и «*отдел авангардной одежды*». Для конструкта «*предпочитаемая литература*» создан скрипт «*посещение книжной ярмарки*», варианты выбора: «*отдел новых научных поступлений*», «*отдел детективов и бульварного чтения*» и «*отдел эзотерики и философии*». Для конструкта «*темперамент*», был создан скрипт «*поведение в ситуации пожара*», где для каждого темпераментального профиля была смоделирована типичная поведенческая реакция.

При разработке скриптов и их вариантов мы старались выполнить два требования. Во-первых, каждый из вариантов должен обладать максимальной дискриминирующей силой в отношении имплицитных

конструктов, выявленных по результатам обработки анкеты, и, во-вторых, каждый из вариантов скрипта допустимо приписать к нескольким персонажам.

Поясним этот принцип на примере. Испытуемый на первом шаге должен выбрать один из трех магазинов одежды, куда предположительно пошло подозреваемое лицо. В каждом типе магазинов испытуемый встречает несколько персонажей. На втором шаге испытуемый должен выбрать один из трех вариантов книжного магазина. Однако и там встречается несколько персонажей, причем существенно может измениться их состав (как если бы первый и второй шаги решения были бы независимы друг от друга). Если перевести способ получения дополнительной информации, реализуемый в нашем исследовании, на формальный язык алгебры, то следовало бы описать соотношение классов и признаков следующим образом: если допустить, что искомый объект обладает свойством X (определенный внешний вид), то вместе с ним в этот класс входят одни объекты (персонажи); если допустить, что искомый объект обладает свойством Y (предпочитаемый вид чтения), то вместе с ним в этот класс входят другие объекты (персонажи), если допустить, что искомый объект входит в класс Z (вид темперамента), то вместе с ним в этот класс входят третьи объекты (персонажи). Другими словами, каждому узлу пространства поиска соответствует несколько, причем равновероятных, вариантов решений. Поэтому с формально-логической точки зрения любой ответ на любом этапе прохождения по узлам графа являет-

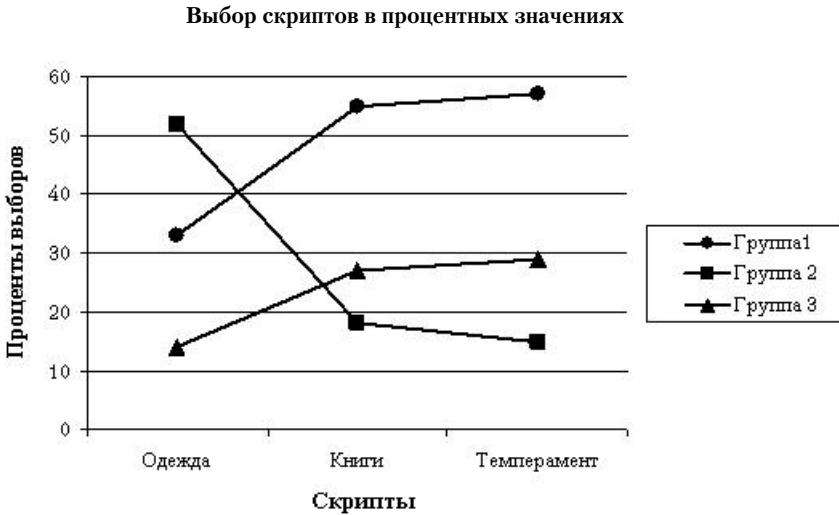
ся «необоснованным» вследствие упомянутой недостаточности информации. Однако тот факт, что решение все же принимается в каком-то узле (после реализации какого-либо скрипта), косвенно свидетельствует об имплицитных конструктах, направляющих процесс категоризации.

В итоге разработанный стимульный материал (8 изображений женских лиц) и модельные ситуации (скрипты) были объединены в сетевое пространство поиска. Испытуемый имеет возможность переходить из каждого узла графа решения (скрипта) к любым узлам (скриптам), т. е. переходить к следующим скриптам и возвращаться. В соответствии с теоретической моделью категоризации все узлы расположены на одном уровне и образуют сетевую, а не иерархическую структуру.

Была разработана компьютерная методика, напоминающая по форме игру типа «квест». Игровое пространство поиска представляет собой последовательность трех ситуаций и трех вариантов поведения каждой женщины в конкретной ситуации. В каждой ситуации испытуемый видит изображения тех персонажей, которые реализуют вариант сценария, выбранный испытуемым. На каждом этапе испытуемый может принять решение и «задержать» только одну из «подозреваемых». После «задержания» испытуемый узнает, верно или неверно он опознал «агента X ». В случае неверного «задержания» испытуемому предлагается повторить процедуру сыска сначала.

Результаты выборов скриптов поведения по группам представлены на рисунке 1.

Рисунок 1

В качестве критериев статистического различия в выборах испытуемыми скриптов поведения по группам использовались непараметрические тесты для зависимых выборок: критерий знаков и Т-критерий Вилкоксона. В качестве оцениваемых случаев каждый раз выступала группа, включающая лицо 1, поочередно с остальными двумя. По критерию знаков получено положительная разница между выбором скриптов. По критерию Вилкоксона получено различие при выборе скриптов второй и третьей группы (соответственно $p = 0.0285$ и $p = 0.0109$).

Выборы испытуемыми скриптов поведения демонстрируют относительное преобладание и рост количества выбора тех скриптов, которые заложены в имплицитную модель групп, включающих изображение 1 (группа 1).

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать вывод, что испытуемые в процедуре поиска решения руководствуются имплицитными представлениями. Такие имплицитные представления направляют выбор скриптов поведения в процессе категоризации социальных объектов.

Литература

Брушлинский А.В. Социальная психология в России и теория Сержа Московичи // Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 5–20.

Ребеко Т.А., Сакбаев А.А. Категоризация визуальных изображений в информационно-избыточной среде // Исследования по когнитивной психологии / Под. ред. Е.А. Сергиенко. 2004. С. 48–71.

Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. Методология, дескрип-

тивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М., 2000.

Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М., 2001.

Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми себя, что бы понять других. В 2 т. М., 2002.

Шихирев П. Современная социальная психология. М., 1999.

Ghiglione R., Bromberg M. Interactions, attitudes, representations, communication // Cours de Psychologie. Origines et bases. 1992. 1. 189–228.

Сакбаев Ахмет,

Контакты: ooch@mail.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА К ЭТНИЧЕСКОМУ БОЛЬШИНСТВУ

Е.В. УЛЫБИНА, А. ЛЕНСМЕНТ, И. АХМЕТ

Резюме

В статье рассматривается негативное отношение к представителям аут-группы в зависимости от объективных и субъективных факторов. В качестве объективных факторов выступает статус этнического меньшинства, которым обладают русские, живущие в Эстонии, а в качестве субъективных — уровень выраженности базовых убеждений. Полученные результаты показывают отсутствие значимых различий в уровне враждебности по отношению к эстонцам у русских, живущих в России, и у русских, живущих в Эстонии. Выявлены значимые различия в выраженности базовых убеждений у испытывающих и не испытывающих враждебность по отношению к эстонцам.

Ключевые слова: базовые убеждения, межгрупповые отношения, межгрупповая дискриминация

Согласно теории социальной идентичности, характер межгруппового восприятия существенно связан с процессом самокатегоризации. Отождествление с группой «хороших» дает индивиду ощущение комфорта, повышает самооценку через противопоставление членам других групп. Принадлежность к группе меньшинства, живущего в окружении представителей другой, доминирующей

культуры, может потенциально снизить самооценку субъекта, формируя у него негативную идентичность. Хотя сценарии адаптации человека в окружении инокультурного большинства разнообразны и многие из них могут быть успешны и вести к обогащению и развитию личности, признается, что ситуация адаптации в любом случае является стрессовой. Представители русской диаспоры в

Эстонии около 20 лет назад оказались в психологически невыгодном положении этнического меньшинства. В многочисленных социологических исследованиях (Тишков, 1993, Vihalemm, Mass, 2003, Симонян, 2003, 2004, Саар, 2006, Якобсон, 2006, Вихалемм, Калмус, 2008 и др.) отмечается, что в начале 1990-х годов русские переживали ощутимый дискомфорт, связанный с психологической реакцией на новый статус (Тишков, 1993). Многие русские в Эстонии не смогли справиться с ситуацией и до сих пор. По мнению тартуских социологов, «воспроизводство социальной депривации среди меньшинства уже является частью процесса культурного воспроизводства» (Вихалемм, Калмус, 2008, с. 112). Отмечается формирование признаков негативной этнической идентичности, при которой собственная национальность рассматривается как помеха в социальной адаптации: «Русские в основном убеждены в том, что этническая принадлежность играет решающую роль в продвижении в эстонском обществе. Это объясняет ситуацию, однако также может служить барьером, который не позволяет людям пытаться вступать в новые отношения и социальные сети» (Вихалемм, Калмус, 2008, с. 112).

В то же время исследователи отмечают, что в настоящее время уровень адаптации русской диаспоры в странах Балтии существенно повысился (Якобсон, 2006; Симонян, 2003, 2004; Саар, 2006). Согласно данным Р.Х. Симоняна, русская община в значительной степени адаптировалась. В наибольшей степени это касается молодых людей, выросших в

Эстонии. Они, по мнению Р.Х. Симоняна «отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием... Они с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание... Здесь их называют “еврорусскими”... Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, т. е. социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку» (Симонян, 2004, с. 52).

Однако, по мнению В. Якобсона, говорить о формировании нового идентитета «еврорусских» несколько преждевременно (Якобсон, 2006). Исследователи, занимавшиеся изучением формирования идентичности русскоязычных в Эстонии, сходятся во мнении о наличии множественности идентичностей, которые не вступают в конфликт, а дополняют друг друга (Якобсон, 2006, с. 23). Характеризуя используемые стратегии адаптации, В. Якобсон отмечает, что большая часть русских в Эстонии рассчитывает на себя, а идентичность с определенной культурой играет в их жизни гораздо меньшую роль, чем стремление к достижению личностного развития. Это соответствует современным мировым тенденциям, заключающимся в том, что «многообразие и относительность современного мира определяют провозглашаемую индивидуальность идентичности, стремящейся найти опору в себе и своей субъективности» (Степанович-Захариевская, 2008).

Можно предположить, что и для русских в Эстонии кризис идентичности разрешается не столько за счет причисления себя к группе русских или «еврорусских», сколько за счет актуализации личностной идентичности. Субъективная психологическая значимость межэтнических отношений снижается, что позволяет выйти из ситуации межгруппового сравнения и межгруппового противопоставления. Это позволяет понять, каким образом при неравном социальном статусе выстраиваются продуктивные межгрупповые отношения. Согласно Х. Тэджфелу (Tajfel, 1979), повышение самооценки может быть достигнуто как за счет идентификации с хорошей и сильной группой, так и за счет акцентирования индивидуального своеобразия и сравнения себя с другими не по групповой принадлежности, а по индивидуальным признакам, что актуализирует личностную идентичность: «Человек будет прибегать к межгрупповым формам поведения (актуализируя социальную идентичность), если это кратчайший путь к достижению позитивной самооценки. Если же он может достичь ее на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), ему нет нужды переходить к противоположным формам поведения данного континуума» (Павленко, 2000, с. 136). Возможно, для эстонских русских индивидуальные достижения выступают более эффективным средством повышения самооценки, чем опора на идентификацию с этносом или территорией. Соответственно, в восприятии этнического большинства значимым становится не групповая принадлеж-

ность, но индивидуальные особенности. В этом случае нет необходимости поднимать самооценку за счет дискриминации группы сравнения. Наличие личностной идентичности предполагает, что представители титульного этноса не воспринимаются как члены группы, по отношению к которой выстраивается противопоставление «мы — они», и потому не вызывают враждебного отношения.

Данные социологов (В. Якобсона, Р.Х. Симоняна и др.) позволили предположить, что актуализация личностной идентичности в межэтническом восприятии связана с особенностями базовых убеждений личности относительно себя и окружающего мира. Согласно мнению Р. Янов-Бульман, в основе того образа мира, который мы ментально конструируем, лежат три базовых предположения (убеждения): предположение о благосклонности мира; предположение об осмысленности мира; предположение о ценности собственного Я (Janoff-Bulman, Frieze, 1983, 1989) Одним из базовых ощущений нормального человека является здоровое чувство безопасности, основанное на убеждении, что мы хорошие люди, живущие в доброжелательном и осмысленном мире. И это не какое-то узкое представление (верование), а предельно абстрактная концепция, в основе которой лежит наше базовое доверие к миру и его приятие (Janoff-Bulman, 1992). Многочисленные исследования показывают, что нарушение чувства безопасности, наличие унижающего опыта, снижение самооценки и пр. способствует повышению враждебности к членам аутгруппы (Майерс, 1997, с. 461) Русские в Эстонии как

этническое меньшинство могут переживать ощущение психологического неблагополучия и испытывать негативные чувства по отношению к эстонцам как представителям доминирующей культуры. Характер отношения к другой этнической группе может быть обусловлен убежденностью в благоприятности внешней реальности, включающей и особенности других людей, так и убежденностью в ценности собственного Я. Эти факторы могут действовать совместно, усиливая друг друга, но, как показывают исследования, проводимые с использованием методики Янов-Бульман, убежденность в благосклонности мира, осмысленности мира и ценности собственного Я представляют собой относительно независимые показатели.

Это дает возможность предположить, что негативное отношение русских, живущих в Эстонии, к эстонцам обусловлено не только положением этнического меньшинства, но и выраженностью убеждений относительно ценности мира и самого себя с отношением к другой этнической группе.

Для русских, живущих в России, эстонцы не являются группой, с которой осуществляется сравнение по статусу, по месту в социальной реальности, они не занимают положение этнического большинства или меньшинства, и у них нет тех оснований для негативных чувств к эстонцам, которые могут присутствовать у «эстонских русских». Сравнение двух групп по уровню враждебности к эстонцам позволяет выявить вклад фактора опыта положения этнического меньшинства в характер отношения к аутгруппе.

Выборку составили представители русской диаспоры в Эстонии (далее используется обозначение РЭ) — 232 человека, 140 женщин, 92 мужчины, которые выросли и лично сформировались после восстановления независимости (1991 г.), т. е. либо родились в Эстонии (более 90% выборки), либо прибыли в Эстонию вместе с родителями в очень раннем возрасте (до трех лет). В исследовании принимали участие молодые люди, знающие эстонский язык лишь на уровне бытового общения и обучающиеся на русском языке. В контрольную группу вошли студенты Белгородского государственного университета г. Белгорода (далее используется обозначение РР) — 260 человек, 169 женщин, 91 мужчина. Все студенты обучались на тот момент на социо-гуманитарных факультетах, возраст — 18–20 лет. Этническая принадлежность определялась по самоопределению, русскими считались испытуемые, идентифицирующие себя как русские. Исследование проводилось в 2006 г.

Сравнение отношения к эстонцам русских, живущих в России, и русских, живущих в Эстонии, позволит выявить вклад опыта этнического меньшинства в формирование отношения к ним.

Уровень выраженности базовых убеждений определялся с использованием методики Р. Янов-Бульман (Janoff-Bulman, 1992) На основе теории об основных базовых убеждениях и ожиданиях Ронни Янов-Бульман разработала методику «Шкала базовых убеждений» (World Assumption Scale-WAS). Опросник, состоящий из 32 утверждений, позволяет получить оценку восьми основных

категорий, далее называемых шкалами базовых убеждений: благосклонность мира (BW, benevolence of world); доброта людей (BP, benevolence of people); справедливость мира (J, justice); контролируемость мира (C, control); случайность как принцип распределения происходящих событий (R, randomness); ценность собственного Я (SW, self-worth); степень самоконтроля (контроля над происходящими событиями) (SC, self-control); степень удачи или везения (L, luckiness). Методика (Психодиагностика толерантности..., 2008) переведена на русский язык, результаты апробации представлены в работе М.А. Падун и Н.В. Тарабриной (Падун, Тарабрина, 2004). Для выявления эмоциональных особенностей отношения к эстонцам испытуемых просили ответить на вопрос: «Что в первую очередь приходит вам на ум, когда вы думаете о представителе этой группы (мужчина-эстонец)?» И затем просили назвать качества, наиболее характерные для представителей этой группы.

Результаты исследования

В группе РЭ было получено 218 ассоциаций и 212 черт характера (характеристик). При обработке полученных результатов подсчитывалось (по форме: есть — нет) наличие негативно окрашенных лексических единиц как в ассоциациях, так и в характеристиках, данных каждым испытуемым. Негативная окрашенность оценивалась экспертами, в качестве которых выступили 8 студентов гуманитарных специальностей (непсихологов). В расчетах использовались те единицы, которые были оценены

всеми экспертами как отражающие негативное отношение в объекту. Так, к негативным не была отнесена характеристика «колхозник», так как не все эксперты сочли ее негативной. В число негативных попали высказывания: «лох», «фашист», «жадный», «злой» и др. Было выявлено 47 (19.9 %) случаев использования негативных характеристик по отношению к общему числу испытуемых. У РР было получено 221 ассоциация и 219 черт характера, 41 (15.7%) человек использовали негативные характеристик образа типичного эстонца. Различия с долей негативных характеристик эстонцев у РЭ по критерию углового преобразования Фишера не значимы.

В таблице 1 представлены результаты сравнения выраженности базовых убеждений РР и РЭ, использовавших и не использовавших негативные высказывания по отношению к эстонцам по критерию Манна–Уитни.

Для определения соотношения степени связи 1) положения этнического меньшинства (в нашем случае — места жительства испытуемых) и 2) убежденности в базовых ценностях с негативным отношением к эстонцам была использована бинарная логистическая регрессия. В качестве независимой переменной рассматривалось наличие — отсутствие негативных высказываний по отношению к эстонцам, в качестве предикторов — место жительства (Россия или Эстония) и баллы по 8 шкалам опросника Янов-Бульман.

В результате в вероятностную модель негативного отношения к эстонцам в качестве значимых предикторов оказались включены только показатели базового доверия к миру

Таблица 1

Значимость различий выраженности уровня базовых убеждений у РЭ и РР, использовавших и не использовавших негативные высказывания по отношению к эстонцам

Убежденность в базовых ценностях по методике Янов-Бульман	Русские в Эстонии				Русские в России	
	В благо-склоннос-ти мира	В спра-ведли-вости	В случайности как принципе распределения происходящих событий	В ценности собствен-ного Я	В благо-склоннос-ти мира	В доброте людей
Нет негативных высказываний	4.38	3.82	3.81	4.48	4.15	4.03
Есть негативные высказывания	4.05	3.39	4.35	4.19	3.75	3.78
Значимость различий	0.043	0.012	0.000	0.031	0.013	0.029

($B = -0.453$, $p = 0.001$). Процентный показатель верных прогнозов равен 81.9%. Остальные переменные, в том числе и место жительства, не оказывают значимого влияния на отношение к представителям аутгруппы.

Для определения вклада каждого фактора в вероятность негативного отношения к эстонцам РР и РЭ отдельно также была использована бинарная логистическая регрессия. Результаты показали, что у РЭ при последовательном исключении предикторов, не значимых для предсказания негативного отношения, на 6-м шаге в качестве значимых остались показатели убежденности в случайности как принципе распределения ($B = 0.779$, $p = 0.000$) и справедливости мира ($B = -0.664$, $p = 0.002$). Процентный показатель верных прогнозов при этих предиктах равен 80.2.

В выборке РР при последовательном исключении предикторов, не значимых для предсказания негативного отношения, на 7-м шаге остались только показатели убежденнос-

ти в благосклонности мира ($B = -0.471$, $p = 0.01$). Процентный показатель верных прогнозов — 84.2.

Обсуждение результатов

Предположение о том, что негативное отношение русских, живущих в Эстонии, к эстонцам связано не только с положением этнического меньшинства, но и с выраженностью базовых убеждений, подтвердилось. Анализ показал, что количество негативных высказываний, которые РЭ и РР употребляют по отношению к эстонцам, не обладает статистически значимым различием. Результаты бинарной логистической регрессии показали, что место жительства не позволяет на значимом уровне предсказать наличие отрицательного отношения к эстонцам. Включение этого показателя снижает процентную вероятность прогнозов. Но наличие негативных высказываний в общей выборке, объединяющей РР и РЭ, значимо зависит от низких показателей

убежденности в благосклонности мира. Можно предположить, что испытуемые, не уверенные в том, что мир хорош и ему можно доверять, испытывающие дефицит базового доверия к миру, проецируют негативное отношение к реальности на образ представителей другой этнической группы.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что РР и РЭ не отличаются на значимом уровне в выраженности негативного отношения к эстонцам, а в предсказание негативного отношения к эстонцам у РР значимый вклад вносит только уровень убежденности в благосклонности мира. Это позволяет утверждать, что негативное отношение к представителям аутгруппы участвовавших в исследовании РЭ не связано с опытом непосредственного общения с ними и положением этнического меньшинства. Участвовавшие в исследовании РЭ, как об этом говорилось ранее, относятся к поколению, достаточно адаптированному в социальной реальности современной Эстонии. Им, как показывают названные социологические исследования, свойственно надеяться прежде всего на собственные силы и рассчитывать на результаты собственной активности (Симонян, 2004; Вихалемм, Калмус, 2008). Насколько полученные результаты, свидетельствующие о независимости негативного отношения к представителям аутгруппы от положения этнического меньшинства, могут быть распространены на другие возрастные группы РЭ, должно быть установлено в специальных исследованиях.

У РЭ отношение к эстонцам связано с большим количеством базовых убеждений, чем у РР, и эта связь

имеет более высокую степень значимости. Различия есть и в содержании шкал. Наибольший вклад вносит убежденность в случае как принципе распределения происходящих событий и убежденность в справедливости мира. Можно предположить, что для РЭ эти шкалы конкретизируют общее позитивное или негативное отношение к реальности. Как показывают данные рассмотренных выше социологических исследований, в современной Эстонии эстонцы находятся в более выигрышном положении, обусловленном их этнической принадлежностью, что может казаться случайным и несправедливым. Оценка ситуации как случайной и несправедливой создает у человека ощущение своей слабости и беспомощности, зависимости от обстоятельств. При этом человек может искать дополнительные основания для повышения самооценки и преодоления неуверенности в ситуации. Таким основанием, в частности, может стать приписывание членам более удачливой группы негативных качеств, что повышает субъективную ценность принадлежности к своей группе.

У РР отношение к эстонцам связано меньшим количеством показателей убежденности в базовых ценностях, чем у РЭ. Для жителей Белгорода эстонцы не являются этническим большинством, имеющим более благоприятное социальное положение, и отношение к ним не строится на основе противопоставления по статусу. Их отношение к эстонцам может быть предсказано с достаточно высокой вероятностью лишь на основе уровня убежденности в общей благосклонности мира.

Хотя группы РЭ, высказывающих и не высказывающих негативное отношение к эстонцам, значительно отличаются по показателям убежденности в ценности Я и благосклонности мира, значимость этих показателей ниже и они не вошли в модель, предсказывающую негативное отношение к аутгруппе.

У РЭ отсутствуют связи отношения к аутгруппе с уровнем убежденности в доброте людей и контролируемостью ситуации. Это позволяет говорить о том, что объективные элементы опыта, в том числе опыта общения, не связываются с эмоциональной оценкой представителей другой культуры. Возможно, оценка доброты людей складывается из опыта межличностного общения, не учитывающего этнической принадлежности.

Негативное отношение к эстонцам у РЭ может быть одним из факторов, препятствующих вступлению в социальные сети и снижающих вероятность преодоления депрессив-

ных тенденций, о чем говорится в цитированном исследовании Вихалемма и Калмуса (Вихалемма, Калмуса, 2008). Отсутствие социальных связей, в свою очередь, ухудшает социальное положение субъекта что может снижать убежденность в справедливости мира и вызывать еще более негативное отношение к представителям титульной нации.

Выводы

Полученные результаты показывают, что уровень враждебности к аутгруппе (количество негативных высказываний) не связан с положением этнического меньшинства. Но негативное отношение к этническому большинству связано с уровнем убежденности в справедливости мира и собственной удачливости, тогда как отношение к другой этнической группе, не занимающей положение этнического меньшинства, связано с уровнем убежденности в благосклонности мира.

Литература

Вихалемм Т., Калмус В. Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 104–114.

Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.

Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 135–141.

Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. С. 66–71.

Падун М.А., Тарабрина Н.В. Когнитивно-личностные аспекты переживания травматического стресса // Психол. журн. 2004. № 5. С. 5–15.

Саар Э.А., Казюля М.П. Неэстонцы в современной Эстонии: перемены в жизни // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 61–69.

Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003.

Симонян Р.Х. Перемены в массовом сознании российской диаспоры // Психологический журнал. Т. 25. 2004. № 2.

Степанович-Захариевская Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 99–104.

Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 110–124.

Якобсон В. Русскоязычные как часть населения Эстонии: 15 лет спустя // Мир России. 2006. Т. XV. № 4. С. 143–170.

Janoff-Bulman R. Shattered assumption: Toward a new psychology of trauma. N.Y. : Free Press, 1992.

Janoff-Bulman R., Frieze I.H. A theoretical perspective for understanding reactions to victimization // Journal of Social issues. 1983. 39. 1–17.

Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. // Social Cognition. 1989. 7. 113–136.

Tajfel H. Individuals and groups in social psychology // Brit. J. Soc. and Clin. Psychol. 1979. 18.

Vihalemm T., Mass A. Identity Dynamics of Russian-Speakers of Estonia in the Transition Period // Journal of Baltic Studies. 2003. 1.

Улыбина Елена Викторовна, профессор Российского государственного гуманитарного университета им. Л.С. Выготского, доктор психологических наук

Контакты: ulib@mail.ru

Ленсмент Анжелика, Институт международных отношений Таллиннского Технического Университета, лектор, магистр философии, магистр психологии

Контакты: alensment@yahoo.com

Ахмет Ильзия, экономический факультет Таллиннского Технического Университета, доцент, кандидат экономических наук

Контакты: ilzija.ahmet@tseba.ttu.ee

Обзоры и рецензии

МЕЖГРУППОВЫЕ ЭМОЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.И. ПРИХИДЬКО

Резюме

В статье проводится обзор основных теоретических подходов и направлений изучения межгрупповых эмоций. Обсуждается теория межгрупповых эмоций и теория субъективного эссенциализма. Приводятся данные исследований взаимосвязи межгрупповых эмоций и предрассудков. Рассматриваются результаты изучения межгруппового страха, вины, гнева и злорадства. Ставится вопрос о проблемных областях в изучении эмоций на межгрупповом уровне .

Ключевые слова: *межгрупповые эмоции, предрассудки, страх, гнев, вина, злорадство*

В условиях глобализации и расширения коммуникативного пространства на рубеже XX–XXI вв. все большее значение приобретает изучение отношений между социальными группами. Необходимость диалога между различными культурными, этническими, профессиональными группами трудно переоценить.

Именно диалог, способствующий знакомству с представителями аутгруппы, является залогом понимания другой культуры. В свою очередь, толерантное отношение к представителю аутгруппы формируется во многом за счет регуляции негативных эмоций, изменения враждебного отношения к «другим».

Изучение эмоций на уровне межгрупповых отношений имеет достаточно долгую неофициальную историю. Упоминания об эмоциях присутствуют во многих исследованиях, связанных с изучением аутгрупповой враждебности и ингруппового фаворитизма, в работах по изучению межгруппового конфликта. Эмоции фигурируют в статьях, посвященных межгрупповым предрассудкам и стереотипам (Андреева, 1998; Аронсон, Уилсон, Эйкерт, 2007; Гулевич, 2007). Однако лишь в конце XX в. изучение межгрупповых эмоций стало целенаправленным, в частности, было начато теоретическое осмысление роли эмоций в рамках межгрупповых отношений. На сегодняшний день можно выделить две крупные теории, посвященные межгрупповым эмоциям: теорию межгрупповых эмоций и теорию субъективного эссенциализма. Эти теории принципиально различаются по смыслу, согласно первой, признается возможность существования общих эмоций у членов ингруппы, а в соответствии со второй изучается процесс приписывания эмоций аутгруппе. Фокус внимания исследователей в обоих случаях сосредоточен на ингруппе, но если для теории межгрупповых эмоций важно, что чувствуют члены ингруппы, то в теории субъективного эссенциализма основную роль играет перцептивный компонент — то, как люди воспринимают членов аутгруппы, атрибутируя чувства «другим». Остановимся на этом подробнее.

Теория межгрупповых эмоций¹

Теория межгрупповых эмоций (в дальнейшем ТМЭ), сформулированная Э. Смитом (Mackie, Devos, Smith, 2002; Smith, Seger, Mackie, 2007), базируется на допущении о том, что членство в группе формирует интегральную часть личности, как постулируется в теориях социальной идентичности и самокатегоризации (Tajfel, 1978; Turner, Hogg, Oakes, Reicher, Wetherell, 1987). В том случае, если человек категоризирует себя как члена группы, он склонен рассматривать себя, в первую очередь, в качестве части группы, а не уникального индивидуума. Соответственно, представление о себе становится опосредованным представлением о группе, образуется сложная взаимосвязь между образом Я и образом ингруппы. В результате этого группа становится частью личности и приобретает особое значение. Как следствие, люди не только определяют себя как членов групп, но и эмоционально реагируют, когда ситуации или события затрагивают ингруппу. В том случае, если группа играет важную роль для человека, события или объекты, с которыми она сталкивается, оцениваются как эмоционально релевантные, подобно событиям, возникающим в личной жизни субъекта (Smith, Seger, Mackie, 2007).

ТМЭ основывается на теориях социальной идентичности и самокатегоризации, а также связана с положениями теорий оценок применительно

¹ Intergroup Emotions Theory — теория межгрупповых эмоций (ТМЭ) (Smith, Seger, Mackie, 2007).

к эмоциям (Frijda, 1986; Roseman, 1984; Scherer, 1988; Smith, Ellsworth, 1985). Основное положение теорий оценок заключается в том, что эмоции на индивидуальном уровне возникают в ответ на оценку события. В ТМЭ речь идет о том, что полюс социальной идентичности также включен в процесс генерации эмоций. В своей статье, посвященной исследованию по выявлению межгрупповых эмоций, Э. Смит подтверждает, что межгрупповые эмоции отличаются от эмоций, переживаемых человеком на индивидуальном уровне, доказывает зависимость межгрупповых эмоций от социальной идентичности, показывает социальную разделенность межгрупповых эмоций и их вклад в регуляцию внутригрупповых и межгрупповых установок и поведения (Smith, Seger, Mackie, 2007). В чем же состоит основное отличие межгрупповых эмоций от индивидуальных? Во-первых, для того чтобы возникла межгрупповая эмоция, не нужна личная задействованность в ситуации, послужившей стимулом для эмоциональной реакции. Достаточно того, чтобы некое событие произошло с другим членом группы или с группой в целом. Например, человек может испытать межгрупповую злость, если узнает, что на ингруппу было совершено нападение членами враждебной аутгруппы. Сам человек не был вовлечен в произошедшее, не пострадал физически, но злость возникла на межгрупповом уровне. Более того, человек может испытывать межгрупповые эмоции по поводу событий, которые произошли с его группой достаточно давно. Например, переживать по поводу притес-

нений своего народа другим в ходе войн, которые происходили несколько веков назад.

Э. Смит говорит о том, что степень идентификации с группой связана с интенсивностью межгрупповых эмоций. Человек, для которого членство в группе важно, ценно и значимо будет с большей вероятностью испытывать межгрупповые как позитивные, так и негативные эмоции, несмотря на то, что негативные эмоции могут делать членство в группе менее привлекательным. С другой стороны, сильная идентификация с группой может вести к переоценке ситуаций с целью избегания негативных групповых эмоций. В этом случае корреляция между идентификацией и эмоциями будет низкой.

Чувства, переживаемые человеком на уровне группы, как правило, разделяются всеми членами группы — это третий критерий, по которому мы можем отличить эмоции группового уровня от испытываемых на индивидуальном. В группе существует своего рода профиль основных эмоций, предсказывающий эмоции группового уровня конкретного человека, у которого актуализирована социальная идентичность. Было показано, что среднегрупповой эмоциональный профиль является предиктором групповых эмоций субъекта. Эмоциональные профили такого рода существуют как в малых, так и в больших группах.

Эмоции группового уровня предсказывают тенденции к определенным действиям, включающим ингрупповую поддержку и солидарность, а также конфронтацию с аутгруппой. В исследовании Э. Смита было показано, что аутгрупповой гнев

и позитивные групповые эмоции являются наиболее сильными предикторами тенденций к действию. Особый интерес представляет связь гнева и тенденции к избеганию аутгруппы. Этот факт объясняется следующим образом. Гнев ведет людей к избеганию аутгруппы, такова часть стратегии регуляции поведения. В том случае, когда человек чувствует, что пребывание рядом с членами враждебной группы может его разозлить до такой степени, что он нападет или вступит в конфронтацию, он может выбирать избегание ситуаций встречи с врагами, тем самым предотвращая опасность неподходящего поведения. В свою очередь, позитивные эмоции предсказывают ингрупповую поддержку и аутгрупповую враждебность с тенденциями к избеганию общения с аутгруппой.

Однако межгрупповой гнев достаточно часто связан с оценкой аутгруппы как угрожающей благополучию ингруппы, что подготавливает почву для дискриминационных поведенческих реакций. На эти реакции обращают внимание и сторонники второго теоретического подхода — теории субъективного эссенциализма.

Теория субъективного эссенциализма²

Теория субъективного эссенциализма (ее еще называют теорией ин-

фрагуманизации³) представляет собой вторую систему понятий, связанную с осмыслением межгрупповых эмоций. Автором этой теории является Ж.Ф. Лейан (Leyens, Paladino, Rodriguez-Torres, Vaes, Demoulin, 2000; Vaes, Castelli, Paladino, 2003): работы его исследовательской группы воскресили понятие инфрагуманизации, применив его к изучению межгрупповых эмоций. Эти исследователи утверждают, что люди склонны сохранять право на человеческую сущность за ингруппой и не желают признавать некоторые сугубо человеческие черты (например, интеллект, язык и уникальные человеческие эмоции) у членов аутгрупп в ситуации межгруппового конфликта. В частности, Ж.-Ф. Лейан и его коллеги изучали такие эмоции, как: восхищение, любовь, сожаление и раскаяние. Их исследование показало, что когда людей просят описать свою группу и релевантную для них аутгруппу в терминах эмоций, они приписывают аутгруппе меньше человеческих эмоций, чем ингруппе. Ж.Ф. Лейан интерпретировал эти различия в атрибуции эмоций как инфрагуманизацию — обезчеловечивание членов аутгруппы. Будучи враждебно настроенными, люди верят, что человеческая сущность есть лишь у ингруппы, а члены аутгруппы — «нелюди» или «недочеловеки». Эти авторы выделяют три наиболее

² Theory of subjective essentialism — теория субъективного эссенциализма (ТСЭ) (Leyens, Paladino, Rodriguez-Torres, Vaes, Demoulin, 2000).

³ Theory of infragumanization — теория инфрагуманизации. Под инфрагуманизацией понимается обезчеловечивание членов аутгруппы, лишение «других» человеческой сущности. Последняя понимается как состоящая из как минимум двух параметров: интеллекта, языка и так называемых вторичных — свойственных лишь человеку — эмоций (там же).

цитируемых характеристики, составляющих человеческую сущность: интеллект, человеческие эмоции и язык (Leyens, Paladino, Rodriguez-Torres, Vaes, Demoulin, 2000). Собственно человеческая сущность в терминах эмоций была конкретизирована через житейские представления о том, что респонденты рассматривают как однозначно человеческие эмоции, а что — как эмоции, разделяемые с животными. Недавние кросс-культурные исследования показали, что существует четкое разделение между «однозначно человеческими» и «неоднозначно человеческими» эмоциями. В том случае, если все человеческие характеристики (т. е. интеллект, язык и вторичные эмоции) важны, чтобы считать существо человеком, но ни одно из них не является единственно достаточным, тогда отсутствие одной из этих характеристик⁴ должно быть достаточным для инфрагуманизации аутгруппы. Следует отметить, что изучение вторичных в терминологии Ж.Ф. Лейана эмоций и тенденции к инфрагуманизации помогает пролить свет на ряд социальных ситуаций: невмешательство, когда человек рядом оказывается в опасности, безразличие к просьбам и раскаяние вследствие пренебрежительного отношения или дискриминации членов аутгруппы.

Таким образом, в теории инфрагуманизации акцент ставится на про-

цессе приписывания эмоций другим группам, что мотивировано нежеланием признавать их членов равными себе, в то время как в теории межгрупповых эмоций внимание концентрируется на различных эмоциях, которые члены одной группы испытывают к другой без апелляции к самовосприятию членов ингруппы.

Основные направления исследований межгрупповых эмоций

На сегодняшний день изучение межгрупповых эмоций ведется по нескольким направлениям. Во-первых, изучается связь эмоций и таких психологических диспозиций, как: предубеждения, стереотипы и установки. Во-вторых, анализируются отдельные межгрупповые эмоции, наиболее часто ими оказываются: страх, тревога, вина, гнев и злорадство⁵. Разница между этими направлениями в том, что во втором случае акцент ставится на феноменологическом описании конкретной эмоции, а в первом внимание фокусируется на том, как различные эмоции связаны с процессом социального познания (Parkinson, Fisher, Manstead, 2005). Остановимся на наиболее значимых, с нашей точки зрения, эмпирических исследованиях.

Эмоции и предрассудки

Понятие предрассудка достаточно часто путают с понятием стереотипа.

⁴ Например, восприятие феминисток как обладающих интеллектом, но испытывающих нехватку социальных и эмоциональных умений.

⁵ Однако в одном из недавних исследований Э. Смит убедительно показал, что на уровне группы и межгрупповом уровне люди могут испытывать не только вышеперечисленные, но и многие другие эмоциональные состояния (Smith, Seger, Mackie, 2007).

В то время как стереотип представляет собой когнитивный компонент аттитюда по отношению к членам определенной группы, набор черт, приписываемых аутгруппе, предрассудок связан с аффективным компонентом социальной установки (Гулевич, 2008).

В исследованиях связи межгрупповых эмоций и предрассудков акцент ставится на ведущей роли эмоций, что противоречит когнитивистской трактовке предубеждения как обусловленного стереотипами и различными социальными установками. Э. Смит определяет предрассудок как негативную оценку или антипатию по отношению к социальной группе или ее членам, которая возникает благодаря двум причинам: индивидуальной истории межгруппового контакта и индивидуальным диспозициям (например, высокому уровню авторитаризма). Эмоции играют важную роль, оказывая влияние на предрассудки по отношению к аутгруппе наряду с когнитивными факторами. Так, в исследовании Э. Смита, Д. Миллера и Д. Мэки (Miller, Smith, Mackie, 2004) сравнивалось влияние эмоций и стереотипов на предрассудки. Ученые доказали, что уменьшение предубеждения обусловлено, в первую очередь, изменением эмоционального отношения, а не изменением в стереотипах. Этот результат выглядит логично, поскольку даже эволюционно эмоции предшествуют когнициям.

Исследователи М.П. Тапиас, Дж. Глейзер и их коллеги на основе анализа многочисленных исследований, выдвигают три тезиса, два из которых были ими проверены в исследовании (Tapias, Glaser, Keltner, Vasques, Wickens, 2007):

1) Определенные группы (и связанные с ними стереотипы) вызывают определенные эмоции.

2) Эмоции, вызываемые аутгруппой, могут впоследствии возникать благодаря иным стимулам. Этот эффект известен как побочная или дополнительная (incidental) эмоция. В широком смысле речь идет о том, что люди, стабильно чувствующие, например, гнев по отношению к группе X, вспоминая об этой группе, станут испытывать гнев. В этот момент, сталкиваясь с любым человеком, событием или другим объектом, субъект будет склонен испытывать по отношению к нему гнев. В обыденной речи побочные эмоции обозначаются словами «попасть под горячую руку».

3) Предрасположенность к определенной эмоции влияет на склонность к предрассудкам по отношению к аутгруппе, активизирующей эту эмоцию. Например, люди, склонные к гневу, будут испытывать более интенсивное предубеждение по отношению к тем группам, которые активизируют у них эмоцию гнева чем те, у кого нет склонности испытывать это чувство.

В своей недавней работе М.П. Тапиас и др. (Tapias, Glaser, Keltner, Vasques, Wickens, 2007) изучали взаимосвязь предрассудков и аутгрупповых эмоций. Ими было проведено два исследования, в первом анализировались побочные эмоции по отношению к группам афро-американцев и геев. Авторы показали, что активация мыслей о данных аутгруппах ведет к дифференцированным эмоциональным реакциям на последующие стимулы.

Во втором исследовании ученые выяснили, что предрассудки

действительно связаны со специфическими эмоциями по отношению к аутгруппе. Предубеждение к afro-американцам связано с предрасположенностью к гневу, в то время как предрассудки к геям связаны с предрасположенностью к отвращению. При этом обнаружилось, что люди с более консервативными политическими установками, испытывают более сильные предубеждения по отношению к обеим группам.

Также было показано, что на предрассудки влияют политические установки и вступление в контакт на межгрупповом уровне, а эмоции играют роль посредника в этой взаимосвязи. Более того, предрассудки подвержены влиянию ориентации на социальное доминирование: ее высокий уровень связан с негативными эмоциями по отношению к аутгруппе (гневом и страхом).

Влияние ориентации социального доминирования на предрассудки опосредовано не только эмоциями, но и поддержкой негативных стереотипов, оправдывающих низкий социальный статус группы. Люди с высоким уровнем ориентации социального доминирования воспринимают определенные аутгруппы как угрожающие их благополучию, что ведет к негативным эмоциям: страху и гневу, усиливающим предубеждения. Изучение межгрупповых эмоций свидетельствует о том, что стереотипы, несущие угрозу, являются своего рода топливом для предубеждений, которые все же, в первую очередь, обусловлены эмоциями.

Исследователи обнаружили, что со временем определенные аутгруппы становятся прочно связанными в сознании людей со специфическими

эмоциями. Это происходит благодаря влиянию соответствующих стереотипов и оценок деятельности группы, которые связаны с определенными эмоциями. Как только формируется ассоциация группы с эмоцией, любое упоминание группы (в виде знака, символа или образа) активизирует процессы оценки и вызывает соответствующую эмоцию. Причем с течением времени эмоция может возникать в отсутствие активации стереотипов.

Второе направление исследований, связанное с изучением конкретных межгрупповых эмоций, включает рассмотрение гнева, вины, страха и тревоги, а также злорадства. Остановимся на этом подробнее.

Изучение ключевых межгрупповых эмоций

Роль самокатегоризации

Исследования подобного рода проводятся на таких группах, как: жители стран, пострадавших в ходе истории от притеснений со стороны других государств или войн, а также стихийных бедствий (Doosje, Branscombe, Spears, Mansteds, 1998; Dumont, Yzerbyt, Wigboldus, Gordijn, 2003; Tam, Hewstone, Cairns, Tausch, Maio, 2007; Zebel, Pennekamp, van Zomeren, Doosje, 2007). Изучаются футбольные болельщики (Crisp, Hewstone, Farr, Turner, 2007; Leach, Spears, Branscombe, Doosje, 2003) и сторонники политических партий (Mackie, Devos, Smith, 2002). Особенно ценны исследования, имеющие высокую экологическую валидность, как, например, изучение страха у жителей США в связи с терактом

11 сентября 2001 г. (Cuddy, Rock, Norton, 2007).

Изучение межгруппового страха по поводу теракта 11 сентября проводилось с опорой на теорию межгрупповых эмоций, где важную роль играет учет процессов самокатегоризации и идентификации с группой (Smith, Seger, Mackie, 2007). Цель исследования, проведенного вскоре после трагедии в США, заключалась в изучении влияния групповой категоризации на групповые эмоции в условиях, которые включают реакции на события реальной жизни. Был проведен эксперимент, в котором варьировались параметры групповой категоризации. Исследователи обнаружили, что категоризация в одну группу с жертвами ведет к интенсивному переживанию страха. Также было обнаружено, что с эмоцией страха связаны определенные тенденции к действию: поиск информации и оказание поддержки. Эти поведенческие тенденции, в свою очередь, зависят от групповой категоризации.

Акцент на социальной идентичности ставится и при изучении такой эмоции, как злорадство. Межгрупповое злорадство (как и все межгрупповые эмоции) только теперь становится предметом изучения. Злорадство представляет собой эмоцию, связанную с удовольствием, которое получает человек или группа, когда страдает другой человек или группа. В англоязычных источниках подчеркивается, что в английском языке не существует такого слова «злорадство», поэтому используется немецкое слово *shadenfreude* (Miller, Smith, Mackie, 2004). Однако в английском языке существует слово-си-

ноним — недоброжелательность (*gloating* — англ.), иногда используемое как аналог злорадства. В свою очередь недоброжелательность — это чувство удовольствия, возникающее при причинении страданий низкостатусной группе (там же). Злорадство отличается от недоброжелательности тем, что в первом случае источником страданий является третье лицо, а во втором — источником неприятностей выступает ингруппа, третирующая аутгруппу с низким статусом.

Исследования злорадства проводились на футбольных болельщиках (Leach, Spears, Branscombe, Doosje, 2003), представляющих социальную группу, отличающуюся высоким уровнем эмоциональности. Так, изучались футбольные болельщики из Нидерландов, испытывающие удовольствие от провала конкурентов их национальных футбольных команд. В исследовании рассматривались реакции голландцев на исключение Германии (Хорватией) в Чемпионате мира по футболу 1998 г. Независимой переменной была групповая угроза: участникам напоминали или не напоминали о большем успехе других национальных команд в чемпионате мира (вариант постоянной угрозы). Респондентам напоминали или не напоминали о том, что команда голландцев проиграла Бразилии в подобном соревновании (вариант острой угрозы). Третьей независимой переменной был интерес к футболу. Результаты исследования показали, что злорадство больше, когда: 1) свидетели неудачи аутгруппы заинтересованы в этой области жизнедеятельности (например, являются поклонниками данного вида спорта);

2) свидетели являются членами группы, чья идентичность подвергалась угрозе (например, группа сама недавно пострадала от неудачи);
3) выражение злорадства негласно социально узаконено.

Таким образом, наибольшее злорадство было у тех участников, которые испытывали наиболее сильный интерес к футболу, и тех, чья позитивная социальная идентичность подвергалась сообщениям об угрозе (напоминаниям о провале национальной сборной). Причем те участники, которые сильно идентифицировали себя с группой футболистов, испытывали злорадство независимо от того, подвергались ли они угрозе. Результаты исследования свидетельствуют о том, что чувство злорадства выражается чаще в областях жизни, важных для личности. Эта эмоция усугубляется угрозами ингруппе и связана с представлениями о законности, соответствии правилам. В то же время она становится более интенсивной, если ее проявления легитимны. В этом случае злорадство имеет определенные поведенческие последствия.

Следует отметить, что акцент на тенденции к действию, связанной с конкретной межгрупповой эмоцией, представляет значительный интерес, поскольку имеет определенный прогностический потенциал. Действительно, знание о том, как могут вести себя члены больших социальных групп в определенных ситуациях, может способствовать предотвращению или смягчению серьезных межгрупповых конфликтов. При этом одной из наиболее частых эмоций, связанных с межгрупповыми коммуникационными проблемами, является гнев.

Эмоции в условиях групповой депривации и аутгрупповой дискриминации

Изучение одного из наиболее частых межгрупповых чувств — гнева — тесно связано с понятием относительной депривации, обусловленной ощущением несправедливости и обиды. Такие чувства возникают при восприятии собственной обделенности в сравнении с другими. В ряде исследований было показано, что наибольший гнев вызывают ситуации, где жертвами становятся люди, которых респонденты категоризируют как членов своей группы. Относительная депривация — конструкт, который относится к индивидуальному уровню анализа, он связан с ответом на вопрос: каковы мои личные результаты по отношению к результатам других людей? Существует также понятие групповой депривации, которая описывает ситуации, в которых результаты одной группы как целого меньше, чем результаты другой (Parkinson, Fisher, Manstead, 2005).

Исследования депривации в связи с групповым гневом демонстрируют необходимость оценки этого чувства в качестве предсказателя группового поведения, индивидуального поведения, состояния депрессии и уровня самооценки. Известно также что групповая депривация связана с процессом социального сравнения, именно сравнение является одним из основных механизмов, способствующих возникновению гнева и других малоприятных эмоций (например, зависти) (Smith, Pettigrew, Vega, 1994).

Д. Мэки, Э. Смит и их коллеги показали, что межгрупповой гнев чаще

встречается, когда люди чувствуют, что их группа сильнее по сравнению с аутгруппой. Также уровень гнева связан со степенью идентификации и определенными личностными диспозициями: доминантностью и асертивностью. В свою очередь, такая межгрупповая эмоция, как вина (Iyer, Leach, Crosby, 2003; Mallett, Swim, 2007; Miron, Branscombe, Schmitt, 2006; Wohl, Branscombe, Klar, 2006; Zebel, Pennekamp, van Zomeren, Doosje, 2007), чаще всего не связана с личностной ответственностью человека.

Изучение межгрупповой вины осуществлено в работах, отражающих исторический ход взаимоотношений между социальными группами: этническими, расовыми и гендерными. Считается, что вина на групповом уровне связана с отсутствием личной ответственности за содеянное, это чувство возникает благодаря идентификации с группой.

На уровне межгруппового взаимодействия принято рассматривать так называемую коллективную вину. Это чувство возникает за действия других представителей ингруппы, совершенные по отношению к незнакомым человеку, людям. Согласно модели, предложенной рядом исследователей (Wohl, Branscombe, Klar, 2006) на выраженность коллективной вины оказывают влияние следующие факторы:

1. Самокатегоризация человека в группу, являющуюся виновником и жертвой дискриминации: чем сильнее самокатегоризация человека в группу-виновника, тем сильнее чувство коллективной вины.

2. Ингрупповая идентификация: по одним данным, чем сильнее иден-

тификация, тем сильнее чувство коллективной вины, а по другим — наоборот. Так, Бертиан Доозье и его коллеги изучали коллективную вину у жителей Нидерландов (Doosje, Branscombe, Spears, Manstead, 1998). В истории этой страны есть период колонизации Индонезии. Исследование показало, что коллективная вина была выше, когда поведение голландцев описывалось как негативное, однако ученых интересовала роль социальной идентификации в генерации коллективной вины. Выяснилось, что голландцы, сильно идентифицирующие себя с нацией, действительно испытывают менее интенсивное чувство вины, чем те, чей уровень идентификации низок. Этот результат, по-видимому, связан с широко известной тенденцией к сохранению позитивной идентичности.

3. Признание ответственности ингруппы за дискриминацию. Как правило, люди не хотят признавать ответственность ингруппы за нанесенный в результате дискриминации ущерб. Поэтому, узнавая о дискриминации, люди сначала отрицают ущерб или преуменьшают его, а затем используют стратегии, позволяющие сохранить позитивную оценку ингруппы (Son Hing, Li, Zanna, 2002). Отрицание ответственности и, как следствие, уменьшение чувства коллективной вины происходит в следующих случаях:

- фокусировке на ущербе, нанесенном аутгруппе, а не на поведении ингруппы, ее дискриминирующих действиях, выгоды ее положения. Это означает, что попытка вызвать сочувствие к аутгруппе путем указания на ее положение может привести к обратному результату;

– обвинение аутгруппы за нанесенный ей ущерб;

– обвинение за ущерб, нанесенный аутгруппе, отдельных девиантов из ингруппы («черных овец»), а не ингруппы в целом.

4. Легитимность дискриминации: чувство коллективной вины выше, когда дискриминация оценивается как незаконная, не имеющая оправдания с моральной точки зрения.

5. Размер ущерба: чувство вины сильнее, когда аутгруппе нанесен хорошо заметный, но не очень серьезный ущерб.

6. Поведение потенциальной жертвы дискриминации: большее чувство вины порождает дискриминация социальных меньшинств, члены которых избегают активной конфронтации с большинством, однако открыто указывают на свое бедственное положение (Moscovici, Perez, 2007).

В недавнем исследовании Роберта Маллета и Джанет Свим были обнаружены три antecedenta групповой вины: неравенство, ответственность и оправданность группы. Эти факторы являются основаниями для чувства так называемой белой вины (испытываемой белыми жителями США перед афро-американцами с связи с рабовладельческим прошлым). Причем групповая вина растет с увеличением ответственности за действия ингруппы и уменьшением числа самооправданий (Leyens, Paladino, Rodriguez-Torres, Vaes, 2000).

Следует отметить, что чувство коллективной вины приводит к ряду последствий, среди которых: уменьшение предрассудков, возникновение эмпатии к членам аутгруппы и демонстрация хорошего отношения

к ним. При этом немаловажным последствием вины не только на межгрупповом, но и на межличностном уровне является деятельность по компенсации нанесенного вреда. В качестве примера можно привести программы по адаптации евреев в Германии, или же миграционную политику Франции, связанную с колониальным прошлым этой страны. Таким образом, чувство вины на межгрупповом уровне достаточно часто ведет к позитивным исходам для обиженной стороны. В этой связи интересным представляется вопрос о том, каков срок жизни межгрупповой вины и какие факторы влияют на ее продолжительность.

Заключение

В данной статье были рассмотрены основные направления изучения межгрупповых эмоций. Мы охарактеризовали существующие теоретические подходы к изучению эмоций на межгрупповом уровне, а также привели данные исследований связи эмоций и предубеждения, конкретных эмоций, переживаемых людьми в условиях межгруппового взаимодействия.

Представляется, что эта область исследований имеет серьезное теоретическое и не менее важное практическое значение. Именно поэтому следует кратко остановиться на проблемных зонах в изучении межгрупповых эмоций.

Первая проблемная область связана с методическим сопровождением исследований. Так, в большинстве работ используется достаточно простая форма опроса о переживаемых эмоциях. Респондентов просят

ответить на вопросы о том, в какой степени они чувствуют ту или иную эмоцию и насколько они готовы к тому, чтобы действовать определенным образом. Безусловно, самоотчет широко применяется во многих исследованиях, однако на сообщения о чувствах может влиять множество побочных факторов, например, субъективное понимание того, что означает то или иное слово-ярлык для эмоции. В этой связи возникает вопрос, насколько истинны изучаемые межгрупповые чувства. Эта проблема частично решается за счет включения в исследование методов психофизиологии, наблюдений за поведением и эмоционально экспрессией респондентов. Важную роль играет также учет фактора социальной желательности (Parkinson, Fisher, Manstead, 2005).

Вторая проблемная зона связана с количеством исследуемых групп.

Как правило, изучают эмоции одной группы по отношению к другой, однако в реальной жизни все несколько сложнее. Зачастую в межгрупповом взаимодействии участвуют не две, а значительное большее количество групп. Учет этого факта, а также внимание к реакциям аутгрупп, не являющихся непосредственными участниками взаимодействия, но представляющих аудиторию, например, для межгруппового конфликта, представляется актуальным.

Эмоции начинают играть все более серьезную роль в социально-психологическом дискурсе. При этом исследование межгрупповых эмоций постепенно становится одним из вариантов решения проблемы изучения больших социальных групп. В то же время межгрупповые эмоции могут изучаться на уровне малых социальных групп, например, в организационной психологии.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс, 1998.

Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. М.: Прайм-еврознак, 2007.

Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008.

Costarelli S., Calla R.M. Self-directed negative affect: the distinct roles of ingroup identification and outgroup derogation // Current Research in Social Psychology. 2004. 10. 10. 137–149.

Crisp R.J., Heuston S., Farr M.J., Turner R.N. Seeing red or feeling blue: differentiated in-

tergroup emotions and ingroup identification in soccer fans // Group Processes and Intergroup Relations. 2007. 10. 1. 10–26.

Cuddy A.J.C., Rock M.S., Norton M.I. Aid in the aftermath of the hurricane Katrina: inferences of secondary emotions and intergroup helping // Group Processes and Intergroup Relations. 2007. 10. 1. 107–118.

Doosje B., Branscombe N.R., Spears R., Manstead A.S.R. Guilty by association. When one's group has a negative history // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1998. 75. 872–886.

Dumont M., Yzerbyt V., Wigboldus D., Gordijn E.H. Social categorization and fear reactions to the september 11th terrorist

attacks // *Pers. and Soc. Psychol. Bull.* 2003. 29. 1509–1520.

Frijda N.H. The emotions. Cambridge, UK: Cambridge university press, 1986.

Halloran M.J. Indigenous reconciliation in Australia: do values, identity and collective guilt matter? // *J. of Community & Applied Social Psychology*. 2007. 17. 1–18.

Iyer A., Leach C.W., Crosby F.J. White guilt and racial compensation: the benefits and limits of self-focus // *Pers. and Soc. Psychol. Bulletin*. 2003. 29. 117–129.

Leach C.W., Spears R., Branscombe N.R., Doosje B. Malicious pleasure: Schadenfreude at the suffering of an outgroup // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 2003. 84. 932–943.

Leyens J.P., Paladino P.M., Rodriguez-Torres R., Vaes J., Demoulin S., Rodriguez-Perez A. et al. The emotional side of prejudice: the attribution of secondary emotion to ingroups and outgroups // *Pers. and Soc. Psychol. Review*. 2000. 4. 186–197.

Mackie D.M., Devos T., Smith E.R. Intergroup emotions: explaining offensive action tendencies in an intergroup context // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 2002. 79. 602–616.

Mallett R.K., Swim J.K. The influence of inequality, responsibility and justifiability on reports of group-based guilt in group privilege // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2007. 10. 1. 57–69.

Miller D.A., Smith E.R., Mackie D.M. Effects of intergroup contact and political predispositions on prejudice: role of intergroup emotions // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2004. 7. 221–237.

Miron A.M., Branscombe N.R., Schmitt M.T. Collective guilt as distress over illegitimate group intergroup inequality // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2006. 9. 2. 163–180.

Moscovici S., Perez J.A. A study of minorities as victims // *European Journal of Social Psychology*. 2007. 37. 725–746.

Parkinson B., Fisher A.H., Manstead A.S.R. Emotion in social relations. New York: Psychology Press, 2005.

Roseman I.J. Cognitive determinants of emotion: a structural theory // *Review of Pers. and Soc. Psychol.* 1984. 5. P. 11–36.

Scherer K.R. Criteria for emotion-antecedent appraisal: a review // *Cognitive perspectives on emotion and motivation* // V. Hamilton, D. Bower, H. Gordon (eds.). NATO ASI Series D: Behavioral and social sciences. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic, 1988. 44. P. 89–126

Smith C.A., Ellsworth P.C. Patterns of cognitive appraisal in emotion // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1985. 48. 813–838.

Smith E. R., Seger C., Mackie D.M. Can emotions be truly group level? Evidence regarding four conceptual criteria // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 2007. 93. 3. 431–446.

Smith H., Pettigrew T.F., Vega L. Measures of relative deprivation: a conceptual critique and meta analysis // Paper presented at the annual meeting of the American psychological association, Los Angeles, USA, 1994.

Son Hing L.S., Li W., Zanna M.P. Inducing hypocrisy to reduce prejudicial responses among aversive racists // *J. of Experimental Social Psychology*. 2002. 38. 71–78.

Tajfel H. Differentiation between social groups: studies in the social psychology of intergroup relations. London: Academic press, 1978.

Tam T., Hewstone M., Cairns Ed, Tausch N., Maio G., Kenworthy J. The impact of intergroup emotions on forgiveness in Northern Ireland // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2007. 10. 1. 119–135.

Tapias M.P., Glaser J., Keltner D., Vasques K., Wickens T. Emotion and prejudice: specific emotions toward outgroups // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2007. 10. 1. 27–39.

Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. Rediscovering

the social group: a self-categorization theory. Oxford, England: Blackwell, 1987.

Vaes J., Castelli L., Paladino M.P., Leyens J.-P. On the behavioral consequences of infrahumanization: the implicit role of uniquely human emotions in intergroup relations // J. of Pers. and Soc. Psychol. 2003. 85. 6. 1016–1034.

Wohl M.J.A., Branscombe N.R., Klar Y. Collective guilt: emotional reactions when

one's group has done wrong or been wronged // European Review of Social Psychology. 2006. 17. 1–37.

Zebel S., Pennekamp S.F., van Zomeren M., Doosje B., van Kleef G.A., Vliek M.L.V., van der Schalk J. Vessels with gold or guilt: emotional reactions to family involvement associated with glorious or gloomy aspects of the colonial past // Group Processes and Intergroup Relations. 2007. 10. 1. 71–86.

Прихидько Алена Игоревна, Российский государственный гуманитарный университет, доцент, кандидат психологических наук

Контакты: alena_p21@mail.ru

ОБЗОР НАУЧНЫХ ШКОЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА И РЕФЛЕКСИИ

И.Н. СЕМЕНОВ

Резюме

В статье впервые анализируются истоки отечественной психологии творчества в русской культуре и дифференцируются основные этапы ее развития в XIX–XXI вв. в процессе междисциплинарного взаимодействия с другими науками о человеке и обществе. При этом характеризуется роль взаимодействия научных школ в развитии психологии творчества и рефлексии.

Ключевые слова: психология творчества, этапы развития, взаимодействие научных школ

Одним из актуальных направлений современной психологии является изучение творчества и его рефлексивных механизмов на основе внутри- и междисциплинарных связей фундаментальных и прикладных исследований. Их достижения являются результатом взаимодействия психологов и других специалистов, принадлежавших к различным научным школам: от философии и культурологии через литературоведение и языковедение до генетики и физиологии, психиатрии и социологии, акмеологии и педагогики. Отдельные периоды этого развития охарактеризовали Я.А. Пономарев (1971), В.Н. Пушкин (1967), Б.М. Теплов (1960), М.Г. Ярошевский (1971) и др. Однако целостного анализа зарождения и периодизации отечественной психологии творчества до сих пор нет.

Согласно И. Канту, наиболее емкой интеграцией достижений познания являются схематизмы научного мышления. Применительно к истории

науки весьма презентативными схематизмами являются такие важные критерии прогресса познания, как реконструирующие ее интегральные концепты, в частности, периодизация этапов развития и дифференциация исследовательских направлений и школ. (Семенов, 2009). В связи с этим ограничимся кратким описанием эволюции основных школ психологии творчества и анализом ее периодизации во взаимодействии со смежными науками, причем с учетом взаимосвязи с рефлексивно-гуманитарным подходом к психологии творческого мышления, креативной личности и индивидуальности (Семенов, 1992). Зарождение и эволюцию в русской культуре, философии и науке психологического познания творчества можно дифференцировать на следующие девять основных этапов.

1. Эстетико-литературоведческий этап длился с первой трети XIX в. до конца XIX в.: от «любомудров» (Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский)

и литературных критиков (И.В. Киреевский, В.Г. Белинский) через языковедов (А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский) до культурологов (Н.Я. Данилевский, П.Н. Милюков) и философов-поэтов (В.С. Соловьев, Д.С. Мережковский, Ф.Э. Шперк). В этот начальный и самый длительный период осваивалось наследие философско-эстетической мысли (Шиллер, Гете, Гегель, Шеллинг), осмыслялась сущность творчества, анализировалась феноменология рационалистического проявления творчества в науке (И.Н. Мечников, И.М. Сеченов) и в особенности его художественного проявления в культуре (А.А. Потебня, П.Н. Милюков, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Г.Г. Шпет) в виде поэтических, прозаических и философско-критических произведений. При этом учитывалась духовно-религиозная (В.С. Соловьев) и экзистенциально-культуральная (Ф.Э. Шперк) рефлексия собственно творческого опыта создания поэтических творений (Д.В. Веневитинов, В.С. Соловьев, Д.С. Мережковский).

2. Эстетико-психологический этап охватывает Серебряный век русской культуры начала XX в. от поэтов-культурологов (А. Белый, В. Брюсов, В. Иванов) через литературоведов (А.Н. Веселовский) и философов-эстетиков (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет) до науковедов-психологов (И.И. Лапшин, Н.Я. Пэрна, П.К. Энгельмейер). Рассматривались историко-культурологические факторы и философско-эстетические принципы творчества, а также его природа (А.М. Евлахов, А.В. Никитенко), словесно-символические формы и понятийно-мыслительные конструкции (С.А. Алек-

сеев, Н.Я. Грот, И.И. Лапшин, Л.В. Рутковский, С.Л. Франк) в их личностно-психологической обусловленности (И.В. Вернадский, А.В. Никитенко, М.М. Рубинштейн).

3. Аналитико-психологический этап пришелся на 1920–1950-е годы: от философов-аналитиков (И.И. Лапшин, С.О. Грузенберг, В.П. Полонский, Г.Г. Шпет) и литературоведов и писателей (А.Г. Горнфельд, М.М. Зощенко) через психологов-эмпириков (П.И. Карпов, А.А. Крогиус, А.П. Неччаев) до психологов-аналитиков (Л.С. Выготский, Б.М. Кедров, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, П.М. Якобсон и др.). Рассматривались социокультурные и естественно-биологические детерминанты творчества в их философско-антропологической, эстетико-лингвистической, психофизиологической и социально-психологической обусловленности.

4. Экспериментально-психологический этап — вторая половина XX в. Был выделен эмпирический материал анализа творческого мышления — вербально-двигательное или перцептивно-манипулятивное решение проблемных задач (П.Я. Гальперин, В.П. Зинченко, В.Н. Пушкин, О.К. Тихомиров), началось экспериментальное изучение креативно-когнитивных процессов их решения (К.А. Славская, Ю.Б. Гиппенрейтер, Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, И.Н. Семенов, О.К. Тихомиров, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская), а также разрабатывались прикладные способы формирования приемов решения творческих задач (П.Я. Гальперин, И.И. Ильясев, В.А. Моляко, И.П. Калошина, И.Н. Семенов и др.).

5. Методолого-научно-исследовательский этап длился с 1960 по 1990-е годы. Он связан с началом научно-исследовательских

работ Б.М. Кедрова и С.Р. Микулинского в ИИЕТ АН СССР. М.Г. Ярошевский организовал сектор психологии научного творчества, где стали вестись исследования научно-творческой деятельности в историко-научном (Н.Г. Алексеев, Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов и др.), системно-методологическом (Н.Г. Алексеев, В.Н. Садовский, И.Н. Семенов, Э.Г. Юдин, Б.Г. Юдин), общепсихологическом (А.Н. Леонтьев, Я.А. Пономарев) и междисциплинарном (М.Г. Ярошевский, Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, И.Н. Семенов, А.В. Юревич) аспектах. Тем самым были заложены историко-научные и системно-методологические основы отечественной психологии творчества, которые затем реализовались в науковедческих (Е.П. Бойко, Е.П. Гиндилис, В.В. Умрихин, Б.А. Фролов) и социально-психологических исследованиях научного творчества (И.Н. Семенов, С.С. Орлов, Е.Н. Белкин, В.П. Емельянов, С.П. Иванов, С.Р. Микулинский, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский и др.).

6. Рефлексивно-психологический этап охватывает последнюю треть XX в., когда анализировались философско-научные средства психологии творчества (Н.Г. Алексеев, И.С. Ладенко, Э.Г. Юдин), разрабатывалась методология системно-психологического подхода к изучению рефлексивности творческого мышления (И.Н. Семенов) и велось ее разностороннее теоретико-экспериментальное исследование (Н.Г. Алексеев, В.К. Зарецкий, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов) и прикладное освоение развития рефлексивно-творческих возможностей личности (Н.Г. Алексеев, Е.П. Варламова, Б.А. Злотник, Н.Б. Ковалева, М.И. Найденов, П.А. Орже-

ковский, И.Н. Семенов, А.В. Советов, С.Ю. Степанов, А.Б. Холмогорова). Это отражено в отчетах и книгах секции «Психология творчества» Общества психологов во главе с Я.А. Пономаревым и в ряде конференций, проводившихся ею в Москве (руководители: Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов) и Новосибирске (Н.Г. Алексеев, И.С. Ладенко, И.Н. Семенов), в том числе по линии Философского общества СССР и Сибирского отделения РАН.

7. Психолого-акмеологический этап приходится на конец XX в., когда творчество изучается в контексте достижения «вершин профессионализма» (А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина), профессионального мастерства (Е.А. Климов, А.К. Маркава, Ю.В. Синягин) и самосовершенствования (К.А. Абульханова, Э.В. Сайко), акме-развития (А.А. Бодалев, П.П. Рудкевич, Л.А. Степнова) и его рефлексивности (А.В. Балаева, И.В. Байер, И.М. Войтик, Н.Б. Ковалева, О.Д. Ковшуро, С.В. Кузнецов, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов), в частности, в профессиональной деятельности (Н.А. Алюшина, Р.Н. Васютин, А.В. Карпов, Г.Ф. Похмелькина, Ю.А. Репецкий, А.Н. Трemasов) и в ситуациях принятия управленческих решений (О.С. Анисимов, И.М. Войтик, А.В. Лосев, В.В. Пономарева, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов).

8. Психолого-прикладной этап приходится на рубеж XX–XXI вв., когда в изучении творчества доминируют: диагностика способностей (В.Д. Шадриков, В.Н. Дружинин, Н.С. Лейтес, Д.Б. Богоявленская, Э.А. Голубева, Е.И. Щепланова, В.С. Юркевич), активизация креативности и рефлексивности (А.М. Матюшкин, Л.Л. Гурова, Ю.Н. Кулоткин,

И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, А.П. Растяжников, Д.В. Ушаков, А.К. Осницкий, П.П. Бохорский), развитие познавательной активности и исследовательской инициативности (Д.Б. Богоявленская, Л.Л. Гурова, А.М. Матюшкин, Н.И. Непомнящая, Н.Н. Поддьяков) в проблемном обучении (И.Я. Лернер, А.М. Матюшкин, П.П. Махмутов) и личностно-ориентированном непрерывном образовании (Г.А. Борулава, М.В. Кларин, Н.Б. Ковалева, Н.Д. Никандров, Г.Ф. Похмелькина, И.Н. Семенов, Г.С. Сухобская), а также в изучении принятия управленческих решений (Н.Г. Алексеев, И.А. Васильев, А.В. Карпов, А.В. Лосев, В.В. Пономарева, И.Н. Семенов, И.А. Советова, и др.) и в развитии личности средствами игрорефлексии (И.Н. Семенов) и рефлепрактики (С.Ю. Степанов).

9. Индивидуально-психологический этап выделяется с началом XXI в., когда интерес психологов перемещается на культурально-идеографическое (И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко, С.Ю. Степанов) и теоретико-экспериментальное (К.А. Абульханова, В.Д. Шадриков) изучение творческой индивидуальности человека (А.К. Болотова, В.П. Зинченко, В.А. Петровский, А.Н. Поддьяков) с учетом его способностей (В.Д. Шадриков, А.В. Карпов), креативности (Д.В. Ушаков, С.Р. Яголковский) и рефлексивности (Г.И. Давыдова, М.Ю. Двоглазова, Г.Ф. Похмелькина) как психологических ресурсов развития личности в культуре (И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко) и человеческого капитала в социуме (Н.М. Лебедева, И.Н. Семенов).

На всех этапах осуществлялось конструктивное взаимодействие

прежде всего московской и петербургской научных школ в изучении творчества. Охарактеризуем кратко их взаимосвязи.

У истоков специально-философского и научно-психологического анализа творчества в начале XX в. лежат фундаментальные труды петербургских философов Н.О. Лосского, И.И. Лапшина, П.К. Энгельмейера, А.Г. Горнфельда, С.О. Грузенберга, М.А. Блоха, В.Я. Курбатова, Ф.Ю. Левинсон-Лессинга (1923) и ученых В.М. Бехтерева и Н.Я. Пэрны. Если И.И. Лапшин (1922) и П.К. Энгельмейер (1910, 1912) разрабатывали общие проблемы философии и психологии творчества как изобретательства человеческой мысли, то Н.О. Лосский (1906) провел философско-психологический анализ проблемы интуитивизма в творчестве. Параллельно этому в Москве Н.А. Бердяев в труде «Смысл творчества» (1916) осмысливает философско-культурологические проблемы, а А.П. Нечаев (1929) и П.М. Якобсон (1934) — психологию технического изобретательства и П.И. Карпов — культурологические и патопсихологические аспекты «Творчества душевнобольных» (1926). В этом проявилось тесное взаимодействие отечественной психологии творчества не только с социо-гуманитарными науками (М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет), но и с естествознанием через психиатрию (В.М. Бехтерев), психогенетику (П.П. Эфроимсон), психофизиологию (Н.Я. Пэрна).

Последний реализовал междисциплинарный подход в фундаментальном труде «Жизнь, ритм, творчество» (1925). В ней Н.Я. Пэрна разработал новаторскую ритмологическую

концепцию развития творчества у гениев философии (И. Кант, И. Гете), науки (И. Ньютон, Ю. Либих, Г. Гельмгольц), поэзии (Дж. Байрон, А.С. Пушкин), литературы (Н.В. Гоголь, Ф. Шиллер), музыки (Л. Бетховен, В. Моцарт, М.И. Глинка), живописи (Рембрант) и др. Важно, что формирование творческой индивидуальности самого Н.Я. Пэрны было опосредовано интенсивной экзистенциально-профессиональной рефлексией в форме дневниковых записей (где систематически фиксировалось его самонаблюдение и самоанализ), которые он вел всю сознательную жизнь, а также культурально-методологической рефлексией над жизнедеятельностью гениев мировой и русской науки и культуры, поскольку разработанная им психобиографика была устремлена к познанию индивидуальности творчества. Согласно психолого-акмеологической концепции Н.Я. Пэрны, все процессы жизни (в особенности человека) являются волнообразными, причем, эта волнообразность носит поступательный, созидательный характер, т. е. с каждой новой волной развитие переходит на качественно новый, более продуктивный уровень. Рефлексивно-смысловой анализ дневника Н.Я. Пэрны (Деркач, Семенов, Балаева, 2005) показал, что он строился следующим образом: выявив три фактора (частоту записей, число написанных страниц и количество «новых мыслей» за полугодие), он графически прослеживал их взаимосвязь с временным параметром. Содержание концепции Н.Я. Пэрны отражает многие аспекты его личностного развития как профес-

сионала и как творческой индивидуальности.

В дальнейшем творчество как профессиональное мастерство изучалось в созданной в РАГС А.А. Деркачем московской школе акмеологии. Наряду с рефлексивной акмеологией (А.В. Балаева, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов), на рубеже XX–XXI вв. творчество конструктивно изучается в психологических научных центрах: ПИ РАО (Д.Б. Богоявленская, Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, Е.Л. Яковлева, В.С. Юркевич, Е.И. Щербанова и др.), ИП РАН (В.Д. Шадриков, В.Н. Дружинин, А.В. Юревич и др.), где исследуется также рефлексивный аспект профессионального и социального творчества (О.С. Анисимов, Е.П. Варламова, В.Е. Лепский, А.К. Осницкий, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, Д.В. Ушаков), а также в МГУ (И.А. Васильев, В.В. Петухов, А.А. Пузырей, О.К. Тихомиров и др.) и в Новосибирском (И.С. Ладенко), Петербургском (Л.М. Веккер, П.П. Советова), Ярославском (А.В. Карпов, Ю.К. Корнилов, В.А. Мазиллов) и Казанском (Л.М. Попов) университетах.

С 2002 г. новым центром изучения способностей, творчества и рефлексии становится факультет психологии ГУ ВШЭ (научный руководитель – В.Д. Шадриков, декан – А.К. Болотова). Здесь исследуется проблематика творческой индивидуальности в ее социокультурной, коммуникативно-информационной, субъектно-деятельностной, когнитивно-рефлексивной, социально-организационной обусловленности (К.А. Абульханова, В.П. Зинченко, Н.Л. Иванова, Н.М. Лебедева, А.Б. Орлов, В.А. Петровский, А.Н. Поддяков,

И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко, В.А. Штроо, С.Р. Яголковский и др.). При этом осуществляется конструктивное взаимодействие московской (К.А. Абульханова, А.К. Болотова, В.П. Зинченко, В.А. Петровский, Н.А. Подьяков, И.Н. Семенов) и ярославской (В.Д. Шадриков, Н.Л. Иванова, Н.М. Лебедева, Е.Б. Старовойтенко) научных школ отечественной психологии в изучении развития индивидуальности в контексте культуры и личности, деятельности и способностей, творчества и рефлексии, мышления и принятия решений, общения и коммуникации, а также психолого-прикладного обеспечения таких сфер социальной практики, как образование и профессиональная деятельность личности, психодиагностика и психотерапия индивидуальности, психоконсалтинг менеджмента организаций и человека, его экономическое и социальное поведение.

Иными видами взаимодействия столичных и региональных научных школ являются направления системно-психологического изучения антиципации и способностей, деятельности и профессионализма, мастерства и творчества человека, возникшие в Петербурге, а затем интенсивно развивавшиеся в Москве (С.Л. Рубинштейн, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Б.Ф. Ломов, В.Н. Сурков), в Казани (Е.А. Климов, Л.М. Попов) и Перми (В.С. Мерлин), в Ярославле (В.Д. Шадриков, В.Н. Дружинин) и Киеве (В.А. Моляко, Е.Б. Старовойтенко) и др. Все эти прецеденты обсуждались на систематически работавшей в 1977–1996 гг. секции «Психология творчества» Общества психологов СССР (ее руководители: Я.А. Поно-

марев, Н.Г. Алексеев, И.Н. Семенов). Секцией изданы три книги: «Исследование проблем психологии творчества» (1983), «Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная» (1990), «Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии» (1988), проведен ряд симпозиумов, в том числе международных.

Теоретические принципы рефлексивно-гуманитарной психологии эффективно используются в прикладных исследованиях развития рефлексивных аспектов человеческого капитала (Семенов, 2007), рефлексивно-организационной культуры принятия инновационных решений госслужащими (А.А. Деркач, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, 1998, 2001) и менеджерами с помощью рефлетехнологий игрорефлексии (И.Н. Семенов, 1990, 1996) и рефлепрактики (С.Ю. Степанов, 1990, 2000) для оптимизации социальной практики управленческого творчества и профессионального образования психологов, педагогов и других специалистов (И.Н. Семенов, 2003).

Важно подчеркнуть, что развитие рефлексивно-гуманитарной психологии творчества происходило в контексте непосредственного воздействия на нее научных школ отечественной философии (Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, Б.М. Кедрова, В.А. Лефевра, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина) и психологии (П.Я. Гальперина, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьева, О.К. Тихомирова, М.Г. Ярошевского, В.П. Зинченко, А.М. Матюшкина, А.А. Деркача, В.Д. Шадрикова). Становление же нашей научной школы осуществлялось в тесном взаимодействии с

тремя школами: психологии ориентировки и поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина — Н.Ф. Талызиной, системо-деятельностной методологии науки Г.П. Щедровицкого — Н.Г. Алексеева — Э.Г. Юдина и общей психологии творчества А.Н. Леонтьева — Я.А. Пономарева.

Основные результаты теоретико-экспериментальных исследова-

ний творческого мышления и индивидуальности в научной школе рефлексивно-гуманитарной психологии, рефлексивно-системной акмеологии и рефлексивно-деятельностной педагогики уже характеризовались (см.: Семенов, 2007), показано их конструктивное значение для современной психологии творчества и рефлексии как отечественной, так и зарубежной (см.: Mathaus, 1988).

Литература

Абульханова К.А., Лэнгле А., Семенов И.Н. и др. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МОДЭК, 2009.

Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.

Журавлев А.Л., Семенов И.Н. и др. Психология творчества: Школа Я.А. Пономарева / Отв. ред. Д.В. Ушаков. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Кларин М.В., Семенов И.Н. Гуманистические тенденции в развитии непрерывного образования взрослых в России и США. М.: РАО, 1995.

Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психология творчества: итоги и перспективы // Психологический журнал. Т. 9. 1988. № 3.

Семенов И.Н. Методологические основы развития московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества // Методологи-

ческие концепции и школы в СССР (1951–1991). Ч. 1 / Отв. ред. И.С. Ладенко. Новосибирск: НГУ, 1992.

Семенов И.Н. Развитие проблематики рефлексии и ее изучение на факультете психологии Высшей школы экономики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 3.

Семенов И.Н. Системно-методологическая и историко-научная рефлексия как средства прогресса психологии // Прогресс в современной психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.

Семенов И.Н. Человеческий и социальный капитал: рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия // Модернизация экономики и развитие общества. Т. 2. М. Изд.Дом ВШЭ, 2009.

Mathaus W. Sowjetische denkpsychology. Gettingen-Toronto-Zurich, 1988.

Proceedings of the first Finnish-Soviet Symposium on Creativity / Y.A. Ponomarev, P. Saarinen (eds.). Helsinki, 1985.

Семенов Игорь Никитович — профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор психологических наук

Контакты: samenov@mail.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Rozin. Psychology: Illusions of Identification and Self-Determination

The situation in Russian contemporary psychology is analyzed in the form of virtual dialogue between a psychologist and a philosopher. The outcomes of approaches and programs proposed by leading psychologists in XXth century are discussed. Why does the psychology fail to implement the true experiment? Why is the influence of Leontev's theory decreasing? Why is Vygotsky's cultural-historical conception «hung up» and the psychological practice – ineffective. It is argued that psychology is approaching a new phase of its development. Its distinctive features are following several different ideals of the scientific cognition at the same time, undertaking a general shift of the research towards the ideals of humanities, and developing new psychological practices. Some research programs have exhausted themselves, others are emerging. In all cases contemporary psychological knowledge should be philosophically equipped, open to a dialogue, sensitive to current issues, helpful in personal growth and self-understanding.

Keywords: philosophy of psychology, ideals of scientific cognition, Russian psychology

Theoretical and Empirical Research

M.V. Alfimova, V.E. Golimbet, M.S. Egorova. Personal Traits, Executive Functions, and Genetic Characteristics of Monoamine Oxidase Metabolism

We described the experiments aimed at testing the hypothesis that the influence of some genes on personality traits is due to their influence on neuro-

cognitive differences. For instance, it was proposed that MAOA and DBH genes affect the individual differences in Consciousness because of their influence on executive functions. However, the results showed that DBH gene is associated only with the variability of executive functions and that MAOA gene - with personality traits linked to Agreeableness. Moreover, the executive functions can mediate the influence of MAOA on these traits. We proposed that one of the possible psychological mechanisms, which mediates the influence of MAOA on Agreeableness, is disposition to reinforce socially encouraged forms of behaviors.

Keywords: personality, consciousness, agreeableness, executive functions, genes, neuromodulation, catecholamines, endophenotype

Statistical Methods in Psychology

S.V. Sivukha, A.A. Kozyak. On the Reform of Statistical Inference in Psychology

Since the middle of XXth century the scientific psychology is associated with empirical studies and statistical analysis of data. The criticism of testing the statistical significance (i. e. p-value calculation and its interpretation) began simultaneously with popularization of this procedure in psychology. Reduction of scientific inference to interpretation of p-value which is often incorrect is one of the serious obstacles to the development of psychology. The article discusses some wrong beliefs of researchers with respect to testing of statistical significance and mentions some alternatives discussed in the literature.

Key words: statistical inference, statistical significance, p-value, null

hypothesis, testing of significance of null hypothesis

Work in Progress

A.A. Sakbaev. Choice of Behavior Scripts in the Process of Social Objects Categorization

We have studied the implementation of social representations in the process of decision making. The method was developed which allowed organizing a net-like (but not hierarchical) search space for strategy identification (behavioral scripts choosing) during the decision making concerning social objects. We used 8 female faces as social objects. In preliminary study the implicit constructs of these objects were revealed. We used two-step classification to extract three categories which discriminate sufficiently the implicit constructs («appearance», «literature preferences», «temperament»). On the basis of these constructs the verbal portraits of social objects were composed. Subjects had to find social object using the quest-procedure. It is shown that during the social categorization subjects are guided by social representations.

Keywords: script, social (implicit) representations, decision making, social categorization

E.V. Ulybina, A. Lensment, I. Ahmet. Attitude of the Ethnic Minority to the Ethnic Majority: Situational and Dispositional Factors

We discuss the negative attitude towards representatives of an outgroup depending on situational and dispositional factors. The situational factor is the status of ethnic minority which characterizes Russians living in Estonia.

The dispositional factor is the level of basic beliefs. The results show that there are no significant differences in the level of hostility towards Estonians between Russians living in Russia and Russians living in Estonia. There are significant differences in the basic beliefs between people with different hostility levels towards Estonians.

Keywords: basic beliefs, intergroup relationships, intergroup discrimination

Reviews

A.I. Prihidko. Intergroup Emotions: Main Research Trends

The article reviews main theoretical and empirical approaches to intergroup emotions. Intergroup Emotions Theory and the Theory of Subjective Essentialism are discussed, as well as the results of research on intergroup emotions and prejudice, intergroup fear, guilt, anger and gloating. The question is raised about the discussion areas in studying the intergroup emotions.

Keywords: intergroup emotions, prejudice, fear, guilt, anger, gloating

I.N. Semyonov. An Overview of Scientific Schools of Russian Psychology of Creativity and Self-Reflection

The Russian cultural roots of Soviet psychology of creativity are analyzed for the first time. The main developmental stages of this research area in XIX-XXI are described with the emphasis on the interdisciplinary interaction with the other humanities. The role of interaction between scientific schools in the development of psychology of creativity and self-reflection is described.

Keywords: psychology of creativity, developmental stages, interaction between scientific schools

Указатель статей, опубликованных в журнале «Психология. Журнал высшей школы экономики» в 2009 г.

Философско-методологические проблемы

- Алишев Б.С. Психика и преодоление неопределенности № 3, 3–26
Зинченко В.П. От потока к структуре сознания № 2, 3–36
Розин В.М. Психология: иллюзии идентификации и самоопределения № 4, 3–23

Теоретико-эмпирические исследования

- Алфимова М.В., Голимбет В.Е., Егорова М.С. Личностные черты, управляющие функции и генетические особенности метаболизма моноаминов № 4, 24–41
Ребзуев Б.Г. Разработка конструктора трудового поведения и Шкалы экстраролевого трудового поведения № 1, 3–57
Толочек В.А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) № 3, 27–61

Специальные темы выпусков:

К столетию Е.И. Бойко, № 1, с. 58–131

- Ушакова Т.Н., Чуприкова Н.И. Вступительное слово № 1, 58
Бойко Е.И. Актогенез и самовозрастание информации в процессе ее обработки человеческим мозгом № 1, 59–77
Данилова Н.Н. Неинвазивное отображение активности локальных нейронных сетей у человека по данным многоканальной регистрации ЭЭГ № 1, 114–131
Ждан А.Н. Научные школы отечественной психологии: школа Е.И. Бойко № 1, 78–82
Ушакова Т.Н. О механизмах вербальных процессов человека № 1, 99–113
Чуприкова Н.И. Исследования физиологических механизмов сознательного вербально-смыслового управления психическими процессами в школе Е.И. Бойко и современная психофизиология сознания № 1, 83–98

Экспериментальная экономика, № 2, с. 37–152

- Алескерев Ф.Т., Белянин А.В., Погорельский К.Б. Влияние с учетом предпочтений: экспериментальное измерение № 2, 97–124
Белянин А.В. Вступительное слово № 2, 37–40
Гэхтер С., Херрманн Б. Взаимообразность, культура и кооперативность: известные результаты и новый кросс-культурный эксперимент № 2, 41–78
Меньшиков И.С. Анализ функционального состояния участников лабораторных рынков № 2, 125–152
Тугарёва Е.В. Мотивация и наблюдаемое поведение: данные экспериментальных исследований поведения в ультимативных сделках № 2, 79–96

К 120-летию С.Л. Рубинштейна, № 3, с. 62–116

- Барабанчиков В.А. Проблемы психологии восприятия в научном творчестве С.Л. Рубинштейна № 3, 90–96
Вступительное слово № 3, 62
Дорфман Л.Я. Чувственная опора постижения жизни № 3, 97–98
Зинченко В.П. О былом единстве психологов и судьбе С.Л. Рубинштейна № 3, 99–103
Леонтьев Д.А. С.Л. Рубинштейн в XXI веке № 3, 104–105
Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества № 3, 63–89
Семенов И.Н. Панорама развития философско-психологической системы С.Л. Рубинштейна в современном человекознании № 3, 106–116

Юбилей В.Д. Шадрикова, № 4, с. 42–65

- Воронин Н.П.** Другу и учителю № 4, 51–52
 Вступительное слово № 4, 42
 Интервью с В.Д. Шадриковым № 4, 43–45
Карпов А.В. Учитель и школа № 4, 53–57
Киселев А.Ф. Впереди еще много свершений № 4, 58–59
Старовойтенко Е.Б. Встреча с индивидуальностью № 4, 60–65
Черемошкина Л.В. К 70-летию Владимира Дмитриевича Шадрикова № 4, 46–50

Статистические методы в психологии

- Сивуха С.В., Козяк А.А.** О реформе статистического вывода
 в психологии № 4, 66–86

Календарь памятных психологических дат

- Ждан А.Н.** Календарь памятных психологических дат: 2009 г. № 1, 132–141

Короткие сообщения

- Адмиральская И.С.** Поиск и привлечение респондентов как этап
 экспериментального исследования супружества № 2, 153–160
Березина Т.Н. К вопросу о существовании «запаха страха» № 1, 144–151
**Корнилов С.А., Тан М., Хищенко Д.Д., Фролова Е.С., Мокринский М.Г.,
 Стернберг Р.Дж., Григоренко Е.Л.** Проект Аврора:
 комплексная диагностика детской одаренности № 3, 117–125
Котова Т.Н., Преображенская А.Д. Роль намерения взрослого
 в эффекте чрезмерного подражания № 1, 152–158
Сакбаев А.А. Выбор скриптов поведения в процессе категоризации
 социальных объектов № 4, 87–93
Спиридонов В.Ф., Безменова И.К., Гулевич О.А. Факторы восприятия
 справедливости взаимодействия в организации № 3, 126–133
Степанов В.Ю. Стратегия чтения как средство поддержания
 внимания при решении перцептивной задачи № 1, 159–168
Улыбина Е.В., Ленсмент А., Ахмет И. Объективные и субъективные
 факторы отношения этнического меньшинства
 к этническому большинству № 4, 94–102
Хачатурова А.В., Сергиенко Е.А. Становление модели психического
 в условиях семейной депривации № 2, 161–172

Обзоры и рецензии

- Прихидько А.И.** Межгрупповые эмоции: основные направления
 исследований № 4, 103–116
Разумникова О.М. Особенности селекции информации
 при креативном мышлении № 3, 134–161
Семенов И.Н. Обзор научных школ отечественной психологии
 творчества и рефлексии № 4, 117–123
Толочек В.А. Современная психология труда. Рецензия Е.А. Климова № 1, 169–172
 Памяти Г.В. Иванченко № 3, 162

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
http://new.hse.ru/sites/psychology_magazine/default.aspx